

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

К Н И Г А # 2

Андрей Готлибович Шопперт
Колхозное строительство 2
Серия «Колхозное
строительство», книга 2

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68940138
Колхозное строительство 2: Avtorskie-txt; 2022

Аннотация

И никто особо палок в колёса не суёт и в подвалы жестокой
гебни не закрыли. Живи да радуйся. Не выходит. Всё к свету
рвётся ГГ. А есть свет. Или только "тот свет", на котором
отдохнём.

Содержание

Глава 1	6
Событие первое	6
Событие второе	12
Событие третье	16
Событие четвёртое	20
Событие пятое	33
Событие шестое	38
Событие седьмое	43
Глава 2	59
Событие восьмое	59
Событие девятое	64
Событие десятое	76
Событие одиннадцатое	84
Событие двенадцатое	91
Событие тринадцатое	101
Событие четырнадцатое	106
Событие пятнадцатое	112
Глава 3	117
Событие шестнадцатое	117
Событие семнадцатое	130
Событие восемнадцатое	135
Событие девятнадцатое	139
Событие двадцатое	141

Событие двадцать первое	147
Событие двадцать второе	154
Событие двадцать третье	170
Глава 4	176
Событие двадцать четвёртое	176
Событие двадцать пятое	184
Событие двадцать шестое	203
Событие двадцать седьмое	209
Глава 5	221
Событие двадцать восьмое	221
Событие двадцать девятое	240
Событие тридцатое	252
Событие тридцать первое	262
Глава 6	266
Событие тридцать второе	266
Событие тридцать третье	273
Событие тридцать четвёртое	280
Событие тридцать пятое	297
Интермеццо	302
Событие тридцать шестое	305
Глава 7	311
Событие тридцать седьмое	311
Событие тридцать восьмое	318
Событие тридцать девятое	323
Интермеццо 2	329
Событие сороковое	332

Событие сорок первое	338
Событие сорок второе	346
Событие сорок третье	352
Событие сорок четвёртое	358
Событие сорок пятое	363
Интермеццо 3	367
Событие сорок шестое	370
Событие сорок седьмое	375
Событие сорок восьмое	381
Глава 8	386
Событие сорок девятое	386
Событие пятидесятое	390
Событие пятьдесят первое	394
Событие пятьдесят второе	400
Событие пятьдесят третье	405
Событие пятьдесят четвёртое	410
Событие пятьдесят пятое	421
Событие пятьдесят шестое	425
Событие пятьдесят седьмое	431
Событие пятьдесят восьмое	436
Событие пятьдесят девятое	440

Андрей Готлибович

Шопперт

Колхозное строительство 2

Глава 1

Событие первое

Нет ничего хорошего в судьбе попаданца. Чем там увлекают неокрепшие юношеские мозги «афторы» попаданческих романов? Воздух, которым можно хлеб намазывать, и которым афтор не может надыхаться. Врёт, самка собаки. Это ведь ещё куда попасть. Если десантироваться посреди бескрайней тайги, то, может, там и есть воздух. Так пусть «афтор» не поленится и в 2020 году прогуляется до тайги. Неожиданно для кабинетного москвича, он там и в наше время обнаружит «воздух». Ну, это если этот товарищ забросил бедного попаданца в тайгу – а если его неуёмная фантазия отправила бедного десантника с ноутбуком в средневековый город? Вот там он хлебнёт «воздуха». Полной грудью хлебнёт. На хлеб точно будет намазывать. Забывает, бедолага московская, что топят там дровами и углём. Нет централь-

ного отопления на газу. Топят и выбрасывают золу на дорогу. А если уголь, то и шлак туда же. Всё это перемалывается ободом колёса. Получается пыль, а если вдруг ветер, и плюс низкое давление? Сверху дым, а снизу зольная пыль. И это только цветочки. Ведь это самое колесо не само по себе катится. Его лошадь волочёт. Поволочёт, поволочёт, да и покакает яблоками, естественно. Извините за «высокий штиль-с». Продукт этот полежит на дороге, высохнет и тоже в пыль обратится. Правда, на его место тут же новый «продукт» ляжет. Много лошадей в том самом средневековом городе. А ещё там нет канализации, а ночные горшки есть – их тоже на проезжую часть. Ещё полно собак. У собак, понятно, не яблоки, так – коврижки. А вот дворников мало. И куда девать очистки от картошки? Ах да – картошки ещё нет. Ну, от брюквы? Да тоже на дорогу. Всё, что ли? Нет. Ещё всё вокруг покрыто буртами селитряниц. Солома, навоз и, извините опять за штиль-с, урина. И они пахнут-с всем этим. Постоянно войны, а на войне куда без пороха? По этой самой причине тысячи и тысячи селитряных буртов.

А как же цветы? Конечно. Про цветы забыли. Они, понятно, не в городе, а в собственном поместье попаданца, которого в барина задулил афтор. Хорошо, пусть в барина. У барина псарня – тот ещё аромат. У барина птичник. Не нюхали утречком, когда из него выгребают куряк, этот самый воздух, который на хлеб намазывать можно? На самом деле можно, такая концентрация миазмов. Ещё у барина конюш-

ня, и лошади потребляют одурманивающе пахнущее сено, а выдают те самые яблоки. Ну, что у Муромова на снегу. Ещё барин любит утром молочка парного испить. Значит, ещё одну костяшку на счётах плюсуем – есть коровник. Опять не цветами попахивает. А как же без толстого куска сала с прожилками мяса? Нет, не прожить барину. Получается, ещё и свинарник у барина под боком, и обязательно с подветренной стороны. Ну, плохо в деревне с архитекторами. А вам, уважаемый афтор, доводилось прогуливаться рядом со свинарником? Вот где пласты воздуха для намазывания на хлеб. Всё-всё. Отправляем попаданца в другое время. Назад нельзя, там этих коровников и конюшен только больше – тогда в 60-е годы. Ещё не успели загадить природу, и нужно спасать Гагарина и Комарова.

А что вы знаете о промышленных фильтрах? Так можете и не рыться в интернете, нет их в 60-х годах. Всё сыплется на головы. В Краснотурьинске даже после установки этих самых фильтров на Суходойке стёкла ни черта не прозрачные, а если сдуру оставить машину у завода, то потом её специальными шампунями отмывать придётся.

Стоп, стоп, стоп. Там ведь нет консервантов! И правда, нет. По этой самой причине есть простокваша. Забыли уже? Иногда молоко скисает ещё по дороге из магазина домой. В лучшем случае, утром следующего дня. И теперь к колбасе. Нет! Ещё есть вкуснейшее «настоящее» коровье масло. Есть. Пока ещё есть. Скоро – только по блату и по талонам.

Но пока есть. И пока коровье. Нужно отстоять двухчасовую очередь, и вот оно, жёлтенькое. И оно не мажется на хлеб, так как настоящее. Оно крошится. Чтобы намазывать, его нужно не в холодильнике держать, а на столе, в маслёнке. И оно всегда покрыто тёмно-жёлтым налётом. Оно прогоркло – но ведь жалко срезать эту прогорклость. Масло стоит очень дорого по тем временам. Приходится есть с противным прогорклым привкусом. Но вернёмся к колбасе. Копчёную не достать. Почему? Потому, дорогие «афторы», что она из мяса. А то, что принято считать колбасой, всякие «Докторские» – это не совсем из мяса. У вас ведь есть интернет, взгляните на ГОСТ. Так и та «Докторская» – только после часовой, а то и двухчасовой очереди.

А вот интернета в 60-х годах прошлого века нет. Нет книг хороших. Даже в библиотеках почти нет, а те, что случайно там оказались, всегда «на руках». Нет телевидения. Телевизоры-то уже есть. Только работают они с обеда и показывают хрень в основном.

А Комаров с Гагариным? Это ужасающее качество отечественной техники. Ещё проклятый «авось». Бардак везде, даже в армии и космосе. Если стимул – это палка в древнем Риме, то вот только из-под палки и можно заставить советского рабочего работать много, быстро и качественно. Только ведь за каждым «палочника» не поставишь. Афторы – и советские историки, и писатели – пугают штрафами и палками при проклятом царизме. Бедные рабочие, забитые

и оштрафованные. Забывают только, что рабочий, ну пусть высокого разряда, получал больше офицера, который училище закончил и жизнью рискует. А те рабочие, которые «подай и принеси», еле концы с концами сводят? Так ты выучись на токаря. Выучись на сталевара. А кто пить будет? А кто агитаторов слушать? Читать-то выучиться лень. Выучись и получай зарплату соизмеримую с зарплатой командира батальона – а ведь у того в подчинении сотни и сотни бывших неграмотных крестьян. А впереди война с немцами, и обстрел «Бертами», и газовые атаки.

А что в 60-е годы? Да то же самое. Рабочий опять получает больше офицера. Причём на шахтах и металлургических заводах – гораздо больше. Даже больше космонавтов. Больше первых секретарей обкома партии. Что-то не так в государстве датском. Учись сынок, а то сталеваром будешь. Так сталевар получает больше директора завода и руководителя целой области! Не учись, сынок, и будешь хорошо жить. Учись, сынок, а то дворником станешь. Но дворнику сразу положена квартира, а лейтенант получит её, только когда умрёт, да и то однокомнатную. Цинковую, деревянную, а может, и без этой излишней роскоши – «братскую».

Медицина была бесплатная. А чем торговали в аптеках? А были ли аптеки? Ругают злобные «афторы» бесплатную советскую медицину. А ничего, что врач получал в три раза меньше электролизника или шахтёра? А учитель – в четыре? Гегемоны. Что-то не ломанулись они, эти гегемоны, спа-

сать свою власть в 91-м году, а теперь опять бурчат про проклятых буржуев. Опять у кого-то больше денег, чем у них. Опять нужна революция и гражданская война. «Поделить». А нужен просто стимул. Палка нужна.

В Краснотурьинске вчера пьяный гегемон зарезал жену. Тоже пьяную. Чего они там не поделили? Ах, последнюю рюмку водки. Магазины уже закрылись вино-водочные. Пётр Миронович виноват.

Виноват. Исправлюсь!

Событие второе

– Трофим Ильич, а скажите, как вы оцениваете профпригодность учителей физкультуры в школах? – Пётр сидел в своём кабинете, напротив него поблёскивал очками завГорОНО.

– А как надо? – Сидоркин вновь блеснул очками. Не специально – просто сидел вполоборота к окну, а за раздёрнутыми шторами поднималось невысокое ещё, но вполне уже весеннее солнце.

«Хм. А как надо? А надо, чтобы был дух соревновательности. Нужно вырастить детей, стремящихся во всём быть первыми».

– Ну, как-то ведь вы определяете, кому дать «заслуженного учителя»? – Пётр чуть отодвинулся, чтобы очки на него зайчики не отбрасывали.

– Есть эстафета на приз газеты «Заря Урала». Есть соревнования по волейболу и футболу между школами.

– Давайте честно. Это не воспитанники школьного физрука выступают на этих соревнованиях, а ребята, которые ходят в профильные секции.

– И что вы предлагаете? – вот правильный вопрос.

Пётр вспомнил про замечательную передачу из детства. Оригинальное название сейчас не вспомнить точно, по-немецки всё же: «Mach mit, ещё какой-то mach, Mach's

besser», а вот перевод, пожалуйста: «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас». Там классы гдровских школьников соревновались по всяким бегам в мешках и прочим дисциплинам, не включённым по ошибке в олимпийские игры. Вот сейчас Штелле и описал заведующему ГорОНО десяток вспомнившихся упражнений. Трофим Ильич снял очки и протёр их полый пиджака, конечно же, коричневого.

– И по этому можно судить о профессионализме физрука?

– Ну, не только по этому. Конечно, нужны и эстафеты, и первенство среди школ по различным футболам и волейболам, но главное – нужно, чтобы соревновались не только те, кто занимаются в секциях, но и самая последняя толстая девочка в классе.

– Я подумаю. Что-то ещё? – Сидоркин водрузил очки на место.

– Да. Мне пришла в голову идея проводить во дворце еженедельные соревнования эрудитов среди школьников. Игра будет называться: «Что? Где? Когда?». Шесть участников от школы. Им задают вопрос, и у ребят есть одна минута на обсуждение, кто первым ответит, тот и победил. Можно одновременно четыре школы привлечь. Поставить во дворце на сцене четыре круглых стола, в зале в первом ряду жюри, а дальше – учащиеся школ, которые пришли поболеть за своих. Возможно, и родители придут.

– Понятно, придут. А что за вопросы?

– Ну, Трофим Ильич, дайте команду учителям школ по

разным предметам подготовить интересные вопросы. Вопросы должны быть не очень простыми, но и не про бином Ньютона. Навскидку: кто такой изюбр? Какая самая южная столица государства? Почему двенадцатый месяц, декабрь, переводится на русский как «десятый»? Почему Старый новый год – 13-го января, и когда он будет 14-го? Ну, то есть, вопросы должны быть интересными. Чтобы потом ещё целую неделю дети их обсуждали.

– Принцип понятен.

– Победители четвёрок встречаются между собой, пока не выявится самая эрудированная команда. А вторые места, скажем, тоже между собой – а то слишком быстро всё закончится. Предусмотрите призы, и обязательно в школах стенгазеты с фотографиями членов команд знатоков. Ну, наверное, в тех, кто хоть раз победил.

– Продолжаем создавать примеры для подражания? – усмехнулся горонист.

– Конечно. Дети всегда ищут на кого равняться. Пусть равняются на лучших, а не на тех, у кого «брат сидит».

– Хорошо. Поспешать надо, а то скоро каникулы, а там и последняя четверть, – стал подниматься Сидоркин.

– Простите, Трофим Ильич, всё некогда спросить – олимпиады по предметам-то провели? Дети готовятся к областным? С этим концертом ни на что времени не осталось. А сейчас ещё к 8 марта очередной аврал, – и это было чистой правдой.

– Обижаете, Пётр Миронович. К вашим замечательным «идейкам» мы всегда прислушиваемся и стараемся осуществить. Все городские олимпиады проведены, отобраны по трое лучших, и сейчас их усиленно готовят к областным олимпиадам. Тут, правда, оказалось, что иногда в этих тройках одни и те же дети – но ведь у нас в конце апреля будут ещё раз проведены олимпиады, там окончательно и определимся с участниками областных. Спортсмены тоже отобраны и уже готовятся, пока, конечно, только на стадионе, но как снег с улицы Ленина уберут до асфальта и чуть теплее станет, то и на улицу выйдут.

– Точно. Спасибо, что напомнили. Нужно субботник объявить и почистить улицу, – Пётр записал себе в блокнотик.

– Что ж, пойду ваши новые «идейки» воплощать. Как вы говорите – нужно дело делать и работу работать, – поднялся зав ГорОНО.

– Да, Трофим Ильич, если что-то не будет получаться – не стесняйтесь, сразу ко мне. Порешаем. До свидания.

Событие третье

Только закрылась дверь за Сидоркиным, как зазвонил телефон.

– Да.

– Кто говорит?

Так хотелось ответить: «Слон», но вытерпел.

– Первый Секретарь Краснотурьинского горкома КПСС Тишков Пётр Миронович.

– Пётр Миронович, не кладите трубку, сейчас будете говорить с министром культуры СССР Екатериной Алексеевной Фурцевой, – голос был мужским и донельзя деловым. Наверное, тоже товарищ в коричневом пиджаке.

– Пётр Миронович, вы последняя сволочь... – и короткие гудки.

Ну вот и поговорили.

Пока огорошенный попаданец думал, чего теперь делать, где тут ближайшая электричка к китайской границе, и чего из тёплых вещей нужно взять с собой на Колыму, телефон зазвонил снова.

– Да.

– Кто говорит?

Ну, теперь-то можно. Один чёрт колхозом на Магадане руководить.

– Слон.

Секундное замешательство на той стороне. Но лишь секундное. А потом надо же:

– Откуда.

– От верблюда.

Товарищ-то у министра не простой, не растерялся.

– Пётр Миронович, не кладите трубку. Сейчас будете разговаривать с Екатериной Алексеевной.

Половина его прошлых знакомых и две трети нынешних сказали бы: «не ложите», а тут грамотный абонент. Хотя... Был у Петра в прошлом-будущем начальник, который знал, что нет слова «ложить», есть – класть. Но вот дальше он правило не прочитал, и по этой простой причине вместо «положить», он ничтоже сумняшеся выдавал «покласть». Ну а что? Полно проверочных слов и выражений. Ну, например: «Клал я на вас с прибором». Или ещё ведь существует слово «кладбище», то есть, место куда «поклали» покойников. Если бы нужно было говорить «положить», то было бы не кладбище, а «лежбище». Так что: «Велик могучим русский языка».

– Пётр Миронович, вы знаете, что вы сволочь? – опять прилетело, пока Пётр раздумывал над оборотами речи.

– Здравствуйте, Екатерина Алексеевна, и вам не хворать. Да, спасибо, что спросили, с Юрочкой всё хорошо, да и жена вполне здорова. А ваше как самочувствие? И погода не подгуляла. Солнышко вон в окна ломится. Весна пришла, весне дорогу!

Там булькнули.

– Екатерина Алексеевна, с вами всё в порядке?

– Ладно. Вас, писателей, не переговорю – а вы не из последних будете. По делу. Все ваши десять песен к 8 марта Суслов утвердил. Особенно ему понравился мини-цикл про города. Ну, а «В Вологду-гду» – вещь просто убийственная. А ты мне что устроил? «Да не смогу, да за десять дней десять песен сам господь бог не напишет» – а ведь написал. Да ещё сколько всего с меня требовал. Может, отобрать у вас дом? Ладно. Шучу. Не всё вам надо мной издеваться, – там опять забулькали.

Пётр ничего смешного в словах министра не нашёл, но на всякий случай тоже булькнул. Пошутила ведь «Екатерина III».

– Товарищ Тишков! – тон стал серьёзным и торжественным. – За цикл песен ко Дню Победы есть мнение удостоить вас Ленинской Премии, а за цикл песен к 8 марта – Премии Ленинского Комсомола. Кроме того, товарищ Суслов предложил присвоить вам звание «Заслуженный Работник Искусств РСФСР». Как думаете, почему РСФСР? – ой, а голос-то не добрый.

– Потому, что скоро День Космонавтики, – тоже, блин, бином Ньютона.

– Пётр Миронович, вы сволочь, я вам уже говорила? С вами опасно разговаривать и неинтересно. Я тут такую речь заготовила, а вы всё испортили.

– Простите, Екатерина Алексеевна, ради бога! Давайте сначала. Почему только РСФСР?

– Нет, уже неинтересно. Нужен цикл песен ко Дню Космонавтики. Две я уже слышала, обе – выше всяких похвал, на премию тянут, но этого мало. Нужно ещё восемь.

– Екатерина Алексеевна, я не смогу, – Пётр аж вспотел. Десять песен про космос. Да их столько просто нет. Их вообще нет. Даже в 2020 году и то гоняют все те же пять песен.

– Про 8 марта ты то же самое говорил. Кто второй раз про волков поверит?

– Екатерина Алексеевна, ну пощадите, давайте хоть пять. Я и так всю работу в городе забросил. Книгу не могу закончить. Устал как собака. Это ведь не последний День Космонавтики.

– Шесть.

– Почему шесть?

– А чтобы по-твоему не было. До свидания.

Событие четвёртое

Что за дом? Да, дом как дом. Три этажа, три подъезда. Лепнина. Лоджии на втором и третьем этаже по торцам. Да, ещё дом расположен углом. Ну, и последнее – дом предназначен для творческой интеллигенции. Хотя, не совсем интеллигенции – ведь Валентина Толкунова пока просто студентка, как и Людмила Сенчина. А началось всё сразу после концерта 23 февраля 1967 года. Концерт состоялся во Дворце Metallургов города Краснотурьинска.

Пётр, приглашая всех подряд посетить этот концерт, на полный кворум даже и не рассчитывал – а зря. Приехало в два раза больше, чем приглашал. И ведь не Вася Пупкин приехал. Ого-го какие пупы заявились.

За три дня до концерта, то есть 20 февраля, приехал хор старших классов Суворовского училища из Свердловска, а с ними и генерал-майор Михаил Павлович Тихончук. Кроме того, был подполковник Герасимов – руководитель хора. Ребята приехали усилить исполнение песни «День Победы». Спели одни, без Богатикова. Слабо. Спели с Богатиковым. Лучше. Всё же Лещенко не хватает. Ну, может, потом и с ним запишем, а сейчас за неимением гербовой пишем на туалетной. Да ведь ещё и подполковник подтянет общее исполнение. Только сразу стал вопрос, куда селить три десятка человек.

Пётр позвонил директору БАЗа Анатолию Яковлевичу Кабанову. Тот долго не раздумывал.

– Пусть заселяются на базу отдыха «Шихан». Там их и кормить будут.

– Анатолий Яковлевич, – чуть замялся Штелле, – Это ведь ещё не последние гости. Может, на недельку профилакторий освободите?

– А что, гостиницы не хватит?

– Боюсь, что нет.

И не зря боялся. На следующий день прикатила московская тусовка. Главным у товарищей был Первый секретарь Союза писателей СССР Константин Александрович Федин. Вторым, скорее всего, руководитель оркестра и дирижёр Евгений Фёдорович Светланов. А может, он третий, так как была ещё и Рахиль Хацкелевна Фрейдлина – доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. И ведь, скорее всего, и будущий лауреат Нобелевской и Ленинской премий. А возможно, и Герой Социалистического Труда.

Светланов привёз двух скрипачей и двух саксофонистов, плюс несколько чемоданов инструментов. Прицепом к нему был и режиссёр. Пётр аж офигел: Фурцева на мелочь решила не размениваться, сам Говорухин пожаловал. Этот привёз с собой двух операторов, звукорежиссёра с двумя техниками и ещё несколько чемоданов аппаратуры.

Самое интересное, что в одном поезде с ними прибыл и

другой режиссёр. Ранг у этого был поменьше, а вот помощников и аппаратуры побольше. Это генерал Тихончук не обманул и пригласил светило военной документалистики Рымаренко Леонида Ивановича со Свердловской киностудии. А тот впечатлился песней «День Победы», да и прикатил снимать концерт. Станислав Сергеевич Говорухин, вопреки ожиданию, в драку не полез. Наоборот, спелись и спились товарищи. Целую ночь вся гостиница гудела.

Доктор химических наук Фрейдлина тоже не одна пожаловала. Естественно, прибыла Люша, она же кандидат химических наук Елена Цезаревна Чуковская – так ещё и мама ейная пожаловала, а что – приглашал ведь. Кроме двух Чуковских были и примкнувшие к ним в Свердловске Виталий Васильевич Фомин – профессор, доктор медицинских наук, врач-инфекционист, и Климов Василий Николаевич – профессор, ректор мединститута. Почему эти медики, а не светила из Москвы, понятно. Они уже работали в Краснотурьинске, проверяли действие собачатины на детей. А пока проверяли – познакомились и с доктором Франком, который уже всюю пытался бороться с язвами и гастритами медикаментозными способами. Собачья комиссия, между прочим, никаких выводов не сделала. Обещали прислать специалистов, поизучать. Только обвинение в присвоении мяса с Петра сняли, да доктору-кляузнику строгий выговор вlepили. А дети между тем выздоравливают. Уже семеро, и ещё у двоих дела тоже на поправку идут.

Но вернёмся к гостям.

Из столицы Урала за день до концерта прибыла целая делегация. И возглавлял её ни много ни мало председатель Облисполкома Александр Васильевич Борисов. С ним были: Глинских Василий Иванович – секретарь Свердловского облисполкома, Алексей Афанасьевич Добрыдень – заведующий отделом науки и учебных заведений Свердловского областного комитета КПСС, проректор по науке Горного института Веселов Иван Степанович, директор ТЮЗа Ирина Глебовна Петрова, главный режиссёр этого театра Юрий Ефимович Жигульский и, на закуску, Вениамин Иванович Шабуров – скромный работник питомника, а в будущем великий селекционер, к сожалению, незаслуженно забытый потомками. Чтобы этих гостей разместить, пришлось часть уже заселившихся в гостиницу «Турья» кинематографистов отправить в заводской профилакторий. Слегка побузили, но когда узнали про бесплатное трёхразовое питание, то смирились с переселением.

Сама Фурцева прибыла 23 февраля, осмотрела оба дворца в Краснотурьинске и даже снизошла до визита к Петру в гости, так сказать, познакомиться с женой и потомками великого поэта-песенника. И вдруг дома преобразилась, даже с Юрочкой на руках походила по комнате, а ещё примерила недавно перешитые шубу и плащ. Сказала, что заберёт модельера в Москву.

– Я не поеду, – огорчил её Пётр.

– Тоже ваше? Хотя следовало ожидать – вон какая рубаха, да и костюм из тех, какие не купишь. Вы ещё и художник? И что делать? – погладила норку, не желая расставаться.

– Пришлите своего модельера, я ему нарисую и объясню всё, – развёл руками Штелле.

На этом и договорились. Только ведь и Фурцева приехала не одна. Во-первых, привезла с собой, не специально, те сами добирались, но вот в самолёте встретились, семейство Михалковых-Вертинских. Пётр задумал снять пару клипов, и Анастасия с мужем для них были просто созданы. Он позвонил звёздочкам (пока), и те легко согласились. Во-вторых, с ней был легендарный маршал Семён Михайлович Будённый с дочкой Ниной, художницей, и зятем. А зять ведь не простой – Михаил Державин. Ещё, правда, не столь известен, в телевизоре не засветился, но Пётр-то знал, кто перед ним, здороваясь. Этих поселили в гостиницу БАЗстроля, так как «Турья» опять оказалась забита.

В свою очередь, товарищ Макаревич доставил всех трёх Героев Социалистического Труда. Ольга Михайловна Чеснокова – агроном из Ирбитского района. Константин Николаевич Чистяков – директор совхоза «Балаирский» в селе Балаир Талицкого района. Приехал вместе с женой-учительницей Аллой Тихоновной, больной туберкулёзом, и двумя детьми. На постоянное местожительство приехал, впечатлился рассказами про собачью диету. И Николай Максимович Пермикин – бывший директор колхоза имени Ленина Богданович-

ского района, а ныне пенсионер, как выразился председатель Облисполкома, «рвущийся в бой».

Привёз гостя и бывший танкист Оберин. Из села Байкалово, что недалеко от Елани, прибыл замечательный подвижник Виталий Егорович Дягилев, который создал там народный хор и сам пишет хорошие песни, стилизованные под народные. Дягилев прибыл пока на разведку. Ну что ж, разведает, да и останется.

Да, надо ведь и ещё про парочку гостей упомянуть. С Константином Фединым приехала Смирнова Вера Васильевна и привезла с собою художника Леонида Владимирского, который почти закончил с иллюстрацией продолжений Буратино и привёз их показать для утверждения автору, а в простонародной интерпретации – похвастаться. Надо отдать товарищу должное – было чем. Рисунки были просто великолепны. Вере Васильевне тоже было чем похвалиться, но об этом позже. Сейчас – о гостях.

Или всё? Да нет, дудки. За два дня до концерта пожаловали ещё два гранда. Прибыла сама – будущий Герой Социалистического Труда, любимица Брежнева, Зыкина. И, бледной её тенью, великий поэт Евгений Евтушенко. Прибыли и чуть не с поезда отправились на репетицию. Профессионалы. Не отнять.

Теперь всё? Почти, разве что стоит упомянуть руководителей всех рангов из Серова, Карпинска, Волчанска и Североуральска. Эти как-то прознали про великосветскую тусов-

ку и напросились на концерт. Слава Богу, их хоть размещать не нужно. Утром приехали, ночью, не дождавшись приглашения на фуршет после концерта от распорядителя праздника, «Екатерины Великой», уехали.

Концерт получился на пять с минусом. Всё-таки песни Высоцкого мог петь только сам Высоцкий, ну ещё, может, чуть хуже Гарик Сукачёв. По песням Окуджавы попроще. Безусловно, в авторском исполнении есть определённый шарм, но Богатиков спел не хуже. Ну и не переплюнуть исполнение «Журавлей» «Високосным годом». А для «Дня Победы» нужен Лещенко. Но ведь гости не слышали эти песни в исполнении вышеперечисленных – у них просто крышу срывало. При исполнении «О матери» и «Дня Победы» слёзы лились в три ручья. Будённый после концерта минут пять обнимал Петра – так впечатлился.

Вот на следующий день после концерта и состоялся разговор Петра с товарищем Фурцевой про дом. Поезд ведь до Свердловска только вечером, а другим транспортом пока добраться непросто. Просто нет Серовского тракта, да и больших, комфортабельных корейских автобусов тоже нет. А в отечественном, да в тридцатиградусный мороз, и самоубийца в Свердловск не поедет. Есть более безболезненные способы свести счёты с жизнью. Например, отпиливать от себя по кусочку, или зайти в клетку к голодным тиграм. И непременно к амурским, их ведь мало осталось.

Вообще-то 23 февраля в 1967 году ни разу не праздник,

обычный четверг. А следом – обычная пятница, тоже самый что ни на есть рабочий день. По этой простой причине товарищ Тишков с самого утра был на работе, тем более что пятница – день приёма населения.

Первый посетитель пришёл жаловаться на руководителей шахты «Северопесчанская», они ввели талоны для своих рабочих, «чтобы чужие не садились в автобусы». А как пенсионеру добираться до сада № 3, где у него живёт собака, которую нужно кормить каждый день?

– И много вас, «чужих»? – не поверил Пётр.

– Человек пять, – наморщил лоб дедушка, – В воскресенье и десяток может быть.

– А автобус переполнен?

– По-разному бывает, но пять человек всё одно влезут, – сделал шаг вперёд пенсионер и навис над Тишковым.

– Ты, дедушка, не переживай, я узнаю, что там за умники нашлись, и разберусь с ними.

– Ты разберись, секретарь, а то я ведь выше пойду, я всю войну прошёл, а меня из автобуса выпихивают.

Нда, не надо эту страну спасать. Танков, с-суки, понастроили, а автобусов – нет. Написать нужно письмо бровастому любителю целовать мужиков, что все эти танки один чёрт превратятся в металлолом. Автобусы строить надо.

А вторым посетителем оказалась как раз товарищ Фурцева.

– Пётр Миронович, можно вас отвлечь на пару минут? –

а улыбочка как у акулы. Белой акулы.

– Присаживайтесь, Екатерина Алексеевна, сейчас чайку закажу. Или вы кофе предпочитаете? Я тут с секретаршей рецептом поделился – с корицей и гвоздикой.

– Сидите уже, я чай сама заказала. Сейчас Вера Михайловна принесёт. Интересная у тебя секретарша, Пётр Мионович, она тебя считает мягким и безотказным человеком, – Фурцева подошла к окну, за которым не было видно ни черта. Опять усилился мороз, и всё окно заиндевело.

– Ну, со стороны видней, – Пётр развёл руками.

– Вот сейчас и проверим. Концерт мне понравился. Эти две девочки и украинец – на самом деле находка. Признаю, если бы я отдала эти песни другим певцам, получилось бы хуже. Не зря ты на меня в Доме Писателей орал, – Екатерина Великая наконец уселась на стул.

– Я на вас? Не наоборот? – покачал головой Штелле.

– Не будем прошлое ворошить, – булькнула Фурцева.

– Вот и чай, Екатерина Алексеевна, а это я булочек сама напекла, не побрезгуйте, – ворвалась в кабинет Вера Михайловна по прозвищу «Неугомонная».

– Спасибо, Вера Михайловна, непременно откушаю, а то Пётр Мионович бросил меня одну в чужом городе и даже не сказал, где можно позавтракать.

– Пётр Мионович, ну что же вы, у нас рядом с гостиницей и правда ни одной столовой нет, – вскинулась секретарша.

– Вот оно, хвалёное уральское гостеприимство! А я ведь его у нас в Москве со всеми удобствами разместила. Довольны хоть остались, товарищ Тишков?

Пётр сжал зубы. Знает ведь про Люшу, донесли.

– Сейчас я ещё и пирожков принесу, – выбежала Вера Михайловна.

– Пётр Миронович, ты знаешь, что скоро праздник – 8 марта? – принялась за булочки товарищ министр.

– Странный вопрос, даже неожиданный, – хмыкнул догадавшийся Пётр.

– Догадался? Ну, не буду томить. Нужно десять песен. Две про снегирей есть. Будем считать, восемь. Их нужно исполнить и снять на плёнку. Говорухин останется до 5 марта. Шестого плёнка должна быть в Москве.

– Да вы с ума сошли! – откинулся на спинку стула Штелле и не рассчитал. Хорошо, что позади был шкаф, а то бы грохнулся, а так только завис в неуклюжем положении.

– Вот и пирожки. Зоя Николаевна пекла, бухгалтер наш. Вкуснее и не бывает, – вошла Вера Михайловна и с тревогой посмотрела на висящего Тишкова. Еле-еле удалось восстановить равновесие.

– Вера Михайловна, большое спасибо.

– Да, Верочка Михайловна, большое спасибо. Не пускайте пока никого в приёмную, на меня сейчас Пётр Миронович орать будет.

– Ох как хочется, – пробурчал под нос Пётр, когда

несколько раз оглянувшаяся секретарша всё же вышла.

– Пётр Миронович, раскрою карты. Я перед отлётом встречалась с Михаилом Андреевичем Сусловым. Считаю, что это его команда.

– Думаете, мне легче стало? Как можно за восемь дней написать восемь хороших песен? Я ведь не Господь Бог. А Маша? Она просто ребёнок. Взбрыкнёт – и всё, приплыли.

– Видела я вашу Машу. О, я теперь тоже могу стихи писать. В рифму ведь получилось? Так вот, про Машу. Я бы позавчера ещё сказала, что её в Москву надо везти. Уникум. А теперь поняла ваш спич про Нью-Васюки. Вы скоро и вправду это осуществите. Ладно, давайте ваши требования, а потом поговорим о Маше, – и с невинным видом достала из ужасной розовой сумочки блокнот с новомодной шариковой ручкой «Бик».

– Мне нужны два человека из московского ансамбля «Скоморохи». Фамилии – Градский и Буйнов. Ещё мне нужно, чтобы Светланов с музыкантами остались до 6 марта. Ещё нужны два виртуоза-аккордеониста. Нет, лучше – один аккордеонист и один баянист. Дальше. Нужна пара виртуозов-гитаристов и один лучший в стране балалаечник. Да, если существует такой человек, то его нужно найти. Он должен очень хорошо играть на бас-гитаре. Все эти люди должны быть здесь послезавтра. Иначе не успеть, – Пётр задумался. Как восемь песен сделать за восемь дней?

– А ваш оркестр? – оторвалась от писанины Фурцева.

– Здесь нужно другое звучание и другие голоса, потом поймёте. Кстати, а что со званием «Академический»?

– Я поговорила со Светлановым. Он хотел забрать Гофмана в Москву. Я запретила даже заикаться. Будет вам звание. Ещё есть требования? И телефон мне в пустом кабинете предоставьте, – поднялась Екатерина Алексеевна.

– Конечно, есть. Мне нужен дом.

– Какой ещё, нахер, дом? – дёрнулась Фурцева.

– Вон такой дом, – Пётр открыл форточку и ткнул в один из домов, стоящих напротив горкома. – Мне нужно селить в него приезжающих артистов. На постоянное местожительство. Думаю, это около ста тысяч рублей. Только показ снятого концерта в «Ударнике» в Москве за неделю окупит эти деньги. Тысяча мест, пусть по тридцать копеек билет – итого три тысячи за сеанс. Пять сеансов – пятнадцать тысяч. Семь дней – сто тысяч, – Пётр ожидал возражений и криков, но их не последовало.

– Пётр Миронович, пойдёмте ко мне в замы. Дом не обещаю, а квартиру в Доме Писателей найду. И дачу в Переделкино, – и мордочка такая – улыбчатая.

– Извините, Екатерина Алексеевна. Я хочу сделать Краснотурьинск лучшим городом страны. Из Москвы это не получится. Да и съедят меня в Москве-то. Я ведь не буду лизать попки у всех подряд.

– Нда. Съедят. Ладно, про дом подумаю, – махнула рукой Фурцева.

– Нет уж. Давайте обещание! – пришлось и вправду повысить голос.

– Десять лучших песен. Таких, как на вчерашнем концерте.

– Звоните.

Событие пятое

Пётр с Викой Цыгановой закрылись в детской. Ну, не на ключ закрылись – так, дверь прикрыли. Юрочка спал, делала уроки Таня, а жена стирала в ванной пелёнки. Все заняты.

– Пётр Миронович, – Вика глянула на пустой, почти белый листок, – Нет шести песен про космос. По крайней мере, таких, чтобы они были известны и популярны. А те, что есть, уже написаны.

На листке были сверху вниз шесть цифр. Напротив единицы было написано. «Трава у дома», напротив двойки «Надежда». И всё следующие четыре циферки были свободны.

– А если попробовать подсунуть песню из кинофильма «Земля Санникова»? – Пётр напел:

– «Есть только миг
Между прошлым и будущим,
Именно он называется – жизнь».

– И при чём здесь космос? – наморщила носик Вика.

– «А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг, ослепительный миг».

– Песня замечательная. Нужен Олег Анофриев, лучшего исполнения я не слышала, – Вика заполнила третью строч-

ку. – А ещё три песни?

– Я тут думал целый день. Есть непростая вещь у Виктора Цоя. «Группа крови на рукаве». Там только нужно несколько слов поменять – траву заменить на тропу, и убрать «бой». Пожелай мне удачи в полёте. Там ведь всё равно к словам «в бою» нет рифмы.

– Не знаю, не знаю. Сто процентов, что даже с этими исправлениями песню не примут. Слишком агрессивная и слишком чужая. Это ведь не «Синий платочек», – Вика напела припев:

– «Группа крови на рукаве,
Мой порядковый номер на рукаве...»

– Нет. Точно не пропустят.

– А ведь я знаю, что нужно сделать, чтобы не просто пропустили, а с руками оторвали, – забегал по комнате Пётр. Ну как забегал – два метра до двери и два назад, вот и весь бег.

– Не поделитесь?

– Нужно обозвать это «Маршем Космонавтов», ещё нужно, чтобы первое исполнение было с участием Гагарина. И последнее – нужно сшить эту самую форму с группой крови на рукаве. Возьмём за образец форму из нашего времени. Берцы, куртка с тысячей карманов, кепка с большим козырьком. Вот на рукаве и груди куртки вышить группу крови и номер. Одеть в эту форму певца, Гагарина и пару человек из

бек-вокалистов. Только одного не хватает. Голоса Цоя.

– Задумка неплохая, но столько сложностей, и первая – это не Цой. Первая – это Гагарин. Тут и у Фурцевой может не получиться. Да и понравится ли ему форма? – Вика с сомнением, но вписала в четвёртую строчку «Группа крови».

– Нельзя это задание завалить, – опять забежал Пётр.

– Пётр Миронович, а вы не думаете, что даже если мы и запишем шесть песен, то дальше будет не легче, а значительно труднее? Следом Первое Мая. А там нет вообще ни одной песни, и там отказаться будет ещё сложнее – это же политический праздник. Там сам Брежнев позвонит и потребует десять шедевров. И что тогда? – Вика ещё раз глянула на список. Куцый. И проблемный. А по поводу «Международного Дня Солидарности Трудящихся» вообще нет ни одной песни. Интересно, почему? Партийные бонзы не могли заставить поэтов написать песни? Или песни были написаны, но такого низкого качества, что только одно исполнение и пережили?

– Вика не отвлекайся, пожалуйста. Если что, тупо заболею. Ещё две штуки про космос надо.

– Стойте. Есть одна, и очень неплохая. Помните, был детский фильм «Отроки во Вселенной»? Вот там ещё песня была. Сейчас не вспомню всю, но в припеве были слова: «Если что-то я забуду, вряд ли звёзды примут нас».

– Умница! Что-то припоминаю. «Я возьму... каждый его час...». Всё, садимся, вспоминаем.

– Подождите, а шестую?

– Есть у меня запасной вариант. Будет такой малоизвестный бард Суханов. Как-то мы с женой купили пластинку, или кассета у нас была – уже не помню. Было это в конце восьмидесятых. Первой там шла колыбельная «Зелёная карета» – под неё у нас дети только и засыпали. А вот вторая была песня «Моя звезда». Там ещё такие слова в запеве: «Среди миров, в мерцании светил, одной звезды я повторяю имя. Не потому, чтоб я её любил, а потому, что мне темно с другими». Я понимаю, что это песня про женщину, а не про звёзды, но если чуть подправить, то никто и не поймёт. Давай я тебе напою.

– Не надо. Я эту песню знаю. Когда в детском хоре пела, то один раз её исполняли. Кстати, и тогда был концерт к 12 апреля. Давайте правьте слова у Цоя и у Суханова, а я начну музыку подбирать.

– Хорошо. Стоп! Только сейчас понял, всё покоя не давало, будто что-то забыл. Фурцева сказала, что все десять песен Суслову понравились. Но ведь их было одиннадцать!

1. Снегири – Виктора Королёва.
2. Снегири – Сергея Трофимова.
3. На недельку до второго я уеду в Комарово.
4. Я уеду в Иваново, а Иваново город невест.
5. В Вологду-гду.
6. Я себя от тебя отучаю – композитора Олега Иванова и поэта Владимира Павлинова, «Горький мёд».

7. Песня из «Юноны и Авось», дуэт графа Резанова и Кончиты Аргуэльо.

8. Мне б такую женщину, Татьяны Назаровой (автор слов) и Анатолия Розанова (композитор).

9. Вальс-Бостон Розенбаума.

10. Переделанную «Пьяные глаза» Валерия Кураса, глаза сделали синими.

11. И твои «Синие цветы».

То ли они там считать не умеют, то ли одну всё же зарубили. Интересно, какую?

Событие шестое

7 марта Пётр позвонил Смирновой, как и договаривались, заодно поздравил её с праздником. Та в свою очередь передала поздравления жене и дочерям – заходила ведь вместе с Фурцевой к Петру домой и знакомилась с домочадцами. Поздравила и сразу взяла быка за рога.

– Пётр Миронович, поздравляю и вас, вчера книга ушла в печать. Отдали в редакцию «Молодой Гвардии», это на Сущёвской. Так что через месяц уже и на прилавках появится. Вам купить десяток экземпляров?

– А что, автору хотя бы десять-то экземпляров бесплатно не положены? – удивился Штелле. Где-то ведь он читал, или по ящику смотрел, что автору передают стопку новеньких книг.

– Нет, только один экземпляр. Ну-ну, не переживайте. Посчитайте, сколько вам нужно экземпляров на подарки друзьям и родственникам, и я столько у знакомого директора книжного магазина выкуплю, – совсем озадачила Петра Вера Васильевна.

– Хорошо, посчитаю, – только и нашёлся, что ответить.

– Так, на этом хорошие новости не кончились. Сигнальные экземпляры ВУОАП уже напечатал, мы разместили их в книжном на Калининском, так сказать, чтобы проверить спрос. Все двести экземпляров разошлись за пару часов. Вам

я две штуки купила. Так вот, решено, что будем печатать второй тираж, на этот раз побольше. Скорее всего, 250 тысяч. И вот тут есть такой нюанс: если просто выпустить второй тираж, то авторские будут чуть меньше, чем за первый, но если вы внесёте даже небольшие изменения в текст, то это будет уже считаться «изданием вторым, дополненным», а, значит, гонорар не уменьшится. Я переговорила с Владимирским, и он обещал прямо завтра принести несколько рисунков, а от вас небольшое изменение в тексте – ну там, описание природы, что ли, – Пётр вспомнил анекдот, что рассказывал семье Калининых, и поведал его Смирновой.

– Прелестная вещь, – хрипло закаркала Вера Васильевна прокуренным голосом, – Вот так и поступите. Можно описание острова добавить или корабля.

– Хорошо. Понял вас, Вера Васильевна.

– Это не все пряники. Я тут переговорила с чехами и болгарами, они будут переводить и издавать вашу книгу. Дальше заинтересовались и товарищи из ГДР. Только там какие-то трудности с переводчиком детской литературы, но через пару недель освободится. Думают пока венгры и поляки. Зато итальянцы прямо вцепились в эту книгу, уже нашли переводчика. Так что давайте, на следующей неделе появляйтесь в Москве, будем договора заключать. Да вам ведь и всё равно в ВУОАП нужно, новые песни регистрировать.

– Спасибо большое, Вера Васильевна, непременно числа после пятнадцатого приеду, – Штелле мысленно тяжело

вздыхнул. Неблизкий путь, и не очень-то он любил все эти вокзалы с вечными толпами людей.

– Ну и последний пряник. Очень вкусный пряник. В понедельник принимаем вас в Союз Писателей. Ваше присутствие необязательно, но вот приедете – и сразу удостоверение и значок получите. А это, кроме того, увеличит гонорар за второе издание, – слышно было, что Смирнова искренне этому радуется.

Если честно, то Пётр тоже порадовался, хотя денег ведь и так куры не клюют, да ещё неожиданный бонус в середине февраля прилетел. Оберин проверил таблицу выигрышей трёхпроцентного займа и прибежал с выпученными глазами прямо на совещание по строительству, а после совещания ткнул в газету толстым своим пальцем.

– Пять тысяч выиграли!

А ведь это даёт право на покупку автомобиля ГАЗ-21 «Волга». Или можно продать в южных республиках этот билетик тысяч за 12–15 рубликов. А может, если товарища Макаревича подключить, то в столице получится цеховикам и подороже продать – ведь выигранный автомобиль при конфискации имущества один чёрт остаётся за хозяином. Ценный товар такой билетик. Пока не решили, что делать: то ли «Волгу» брать, то ли деньги. Лежит облигация и думает. Кроме этого большого выигрыша были и мелкие, от сорока до пятисот рублей, на общую сумму почти в полторы тысячи. Удачно деньги вложили.

– Алло, Пётр Миронович, вы меня слышите? Со связью что-то? – вывела из задумчивости Петра телефонная трубка.

– Наверное. Сейчас нормально слышно? Точно что-то со связью, – ну да, со связью с головой. Размечтался и забыл про собеседника.

– Пётр Миронович, а что с вашей новой книгой, как продвигаются успехи? – пошутили из Москвы.

– Вера Васильевна, хоть вы покричите на Екатерину Алексеевну – ну никак не даёт мне книгой заниматься. Опять повесила задание: написать ко Дню Космонавтики шесть новых песен. Пока не закончу – не до книги, хотя две части из трёх уже дописал. Получится чуть толще, чем первая, надеюсь к Первому Мая завершить сей титанический труд, – Пётр и на самом деле хотел успеть до праздников. Потом точно до конца мая будет не до книг: то демонстрация, то День Победы, потом посадка деревьев и начало строек. Субботников куча – хотя сейчас воскресники. Только через неделю примут постановление о введении пятидневки. Ещё ведь и тут куча работы, не так-то просто целый город, десятки и сотни предприятий и учреждений, перевести на укороченную рабочую неделю. Везде нужно будет на собраниях побывать – нельзя ведь допустить из-за потери этого дня невыполнение планов. Эх, как хорошо было на пенсии.

– Так вы, Пётр Миронович, эти первые части с собою привозите. Отдам корректорам, да и сама хочу узнать, что дальше будет. И напрягитесь, я вас в июнь поставлю на очередь

в издательство «Детская Литература». А ведь ещё нужно художника найти! Владимирский здесь не подойдёт, нужны совсем в другом стиле работы. Тут на днях «Айвенго» вышел Вальтера Скотта, художника фамилию не помню, но мне рисунки понравились. Вот привезёте первые две части – найду его и дам в работу. Всё, до свидания. Жду пятнадцатого.

Событие седьмое

«А поезд тихо е, а поезд тихо ха, а поезд тихо ехал на Бердичев...».

Нет. Не на Бердичев. Где это вообще? Поезд ехал на Свердловск. Вот тихо – это да. Каждому столбу кланялся, и на каждом разъезде стоял. Понятно, почему и Карпинский, и Североуральский поезда в XXI веке отменили. Кто захочет 12 часов маяться в поезде, если на автобусе можно доехать за шесть? Причём это с остановкой на обед.

Как и в прошлый раз, Пётр залез на верхнюю полку и предавался подсчёту успехов и планированию планов. И точно так же две нижние полки оккупировали бугаи-«телохранители», и опять они ехали на соревнование. Только на этот раз не на облсовет общества «Труд», а на россовет, то есть на первенство РСФСР по этому самому «Труду». Соревнования будут в Смоленске 17 марта, так что оба богатыря летят в Москву вместе с Петром. Тёзка-то угодил на первенство РСФСР почти случайно. Он занял на области второе место в своём весе, но победитель получил в абсолютном первенстве перелом ключицы, и тренерам сборной области ничего не оставалось, как взять с собою в Смоленск бывшего танкиста, а теперь майора запаса и тренера заводской секции самбо и дзюдо. Дзюдо ещё не было олимпийским видом спорта,

но скоро им станет, и тогда чуть ли не первая в стране секция получит определённые преимущества в отборе на олимпиаду. Так Петру-танкисту напророчил Штелле, а тот спорить не стал, и запись в новую секцию открыл. Броски в целом похожи, вся и разница, что борются босиком и в штанах, да ещё есть удушающий. Мелочи.

А вот Вадим Степанович Кошкин попал в областную команду по заслугам. Он победил не только в своей весовой категории, но и в абсолютном первенстве, и тренер говорит, что у Вадима есть все шансы войти в тройку на России и попасть на первенство СССР.

Четвёртым в купе опять был товарищ Макаревич. Он, правда, в Москву не летел – дела были в Свердловске и его окрестностях. Он должен был организовать переезд в Красноурьинск трёх Героев Социалистического Труда с семьями и со всем имуществом. Кроме героев нужно было перевезти и пять семей пчеловодов. Две уже известные, и ещё три семьи уговорил вместе с собой перебраться на новое место жительства бывший директор совхоза «Балаирский» в селе Балаир Талицкого района Константин Николаевич Чистяков. Пчёл повезут следующим рейсом, холодно пока. Неблизко ведь, почти от самой Тюмени тараканить. Кроме того, решил переехать из села Байкалово, что недалеко от Елани, Виталий Егорович Дягилев – основатель и руководитель народного хора. Пётр решил забрать этого чудаковатого мужичка к себе. Была мысль создать пару коллективов: один ти-

па «Бурановских бабушек», а второй по образцу коллектива Надежды Бабкиной с элементами от «Балаган Лимитед», тем более что песню «Ты скажи, чё те надо» этого коллектива они с Викой вспомнили – и ноты, и слова. Сейчас она лежит вместе с двумя десятками других в папке, приготовленной для регистрации в ВУОАПе.

У самого Петра в столице Урала тоже дел хватало. Нужно было заскочить в редакцию «Уральского Рабочего» и передать предисловие к двум повестям-продолжениям «Златого ключика», и заодно подписать договор о печати пятидесяти тысяч экземпляров книжки. Кроме того, редактор нашёл художника, что уже сделал рисунки – нужно и их посмотреть, да выбрать те, что войдут в книгу.

Кроме издательских дел в «Уральском рабочем» ещё и оборудование надо посмотреть, что те решили от щедрот сбавить в Краснотурьинск. Приложение к газете «Заря Урала» подняло тираж более чем в два раза, и теперь всё упиралось в новые печатные станки и бумагу с краской. Вот всё это, скрепя сердце, «старший брат» и выделил. Нужно всё же заглянуть этому дарёному коню в зубы, да, если что, пожаловаться председателю Облисполкома Борисову.

Ещё Александр Васильевич Борисов вызвал в Свердловск директора и главного бухгалтера Богдановичского фарфорового завода. Нужно будет заключить с ними договор о передаче тысячи чайных блюдец и чашек после первого обжига для росписи в художественное училище Краснотурьинска.

Учащиеся их раскрасят передаваемыми также красками, и вернут в Богданович для двух последующих обжигов, а Пётр передаст товарищам пуансон и матрицу для производства нормальных высоких чайных кружек. Их в ЛМЦ на заводе выточили на механическом участке, хоть и ругались сначала. Зато, когда рабочим пообещали первые кружки реализовать в ЛМЦ – тем, кто принимал участие в проекте – ругались уже токаря и фрезеровщики за право поучаствовать. Вот по результатам всех этих передач и реализации полученной продукции и будет принято решение о строительстве в Краснотурыинске филиала фарфорового завода.

Последняя из запланированных встреч тоже была важнейшей. Фабрика «Уралобувь» поставляла в Краснотурыинск пять списанных швейных машин и одну вполне рабочую. Она же поставляла Богословскому алюминиевому заводу и партию кожи и замши для шитья ботинок и сапог. Пётр сумел уговорить Кабанова открыть экспериментальный цех товаров народного потребления, пока под эгидой завода. Пришлось, конечно, поделиться парой идей по улучшению работы глинозёмного цеха. В ход пошли опять рацпредложения, обсуждаемые в прошлом-будущем с батянькой. Из списанных машинок планировалось собрать хотя бы две-три рабочих. Когда под рукой целый цех токарей и фрезеровщиков – не такая уж это, наверное, и невыполнимая задача. Главное ведь, как говаривал маленький, неудачно закончивший, император, «ввязаться в войну».

Основное же дело, окромя, естественно, регистрации новых песен, было в Москве. Марк Янович умудрился через своих знакомых договориться о приезде в СССР не кого-нибудь, а самого господина Марселя Бика. Того самого Бика, который создал одноразовые шариковые ручки, зажигалки и бритвы, да и много ещё чего. Как это удалось русским евреям – большой вопрос, но, тем не менее, в фойе гостиницы «Интурист» 17 марта у Петра должна состояться встреча с этим самым Марселем. Пётр вёз сейчас в многострадальном, но счастливом портфеле эскизы некоторых будущих изделий известной фирмы, а также одну вещьцу из будущего, которую теперь уже не назовут кубиком Рубика. Обойдутся венгры.

С этой игрушкой Штелле намаялся. Вроде бы и у самого в юности был, и сто раз его разбирал, и потом, собирая материал для книги про попаданца, внимательно изучил конструкцию, но вот как дошло до дела – начались те самые овраги. Во-первых, отсутствие нормальной пластмассы. Пришлось скупить кучу игрушек в детском мире и по очереди гробить их, пытаясь расплавить. Более-менее приемлемый результат дали только большие куклы. Правда, куски пластмассы один чёрт выходили некрасивые – с прожилками и пятнами. Но это не главное – главное, что материал получился всё равно мягковатым, и кубик всё время норовил рассыпаться. Изготовили детали в 13 колонии. Там же токарь-универсал сотворил и центральную крестовину. Пётр прогулялся до книж-

ного магазина, купил набор цветной бумаги для аппликации и приклеил вырезанные квадратики на канцелярский клей – а они при попытке поиграть начали отваливаться. Пришлось прибегнуть к клею БФ. Вроде бы держались бумажки, но выступили следы клея. Одним словом, получилась лажа.

Во-вторых, сами пластмассовые элементы. Ну никак не хотели они вращаться, да и держались с трудом. Резчики в колонии три раза переделывали, потом плюнули на указивки Петра и попробовали сами докопаться до истины. Ушла неделя и ещё три куклы. Ну, в итоге получился один – вращался (с трудом) и не рассыпался.

В-третьих, великим математиком Пётр не был, а игрушку в руки брал последний раз году в девяностом. Разумеется, формулы, что выучил в студенчестве, переписав из журнала «Наука и жизнь», забыл. Получалось собрать только одну сторону. Как такое убожество господину Марселю продемонстрировать? Пришлось звонить в Москву Люше. Нужен был молодой, но очень умный математик. Вроде нашёлся, будет ждать Петра у Чуковских дома, 16 марта в семь вечера. А на следующий день уже встреча в это же время с Биком. Пробивала дрожь – а что, если молодой гений не справится? Ведь именно с кубика Пётр и собирался начать разговор с проклятым капиталистом загнивающим. Нужно ведь сначала заинтересовать буржуя, а уж потом его же будущие продукты ему за деньги втюхивать.

Вздыхнув и перевернувшись на другой бок, Пётр отбросил

планы. Будет день, будет и пища. Для размышлений. Нужно ведь и итоги двух с половиной месяцев попаданческой деятельности подвести.

Несомненным успехом стал кухонный гарнитур, а мойка с двумя кранами и системой фильтров экскурсантов просто потрясала, как, впрочем, и шаровый кран. Между прочим, чертёж на кран-смеситель и просто шаровый кран Пётр вёз сейчас с собою. Вот только не решил ещё, кого ими осчастливить – или господина Бика до кучи, или всё же наше патентное бюро. Кабанов и Устич всё облазили под мойкой, скопировали чертежи, и сейчас уже вовсю идёт работа над небольшой партией таких кранов и смесителей. Сам гарнитур получился тоже на пять с плюсом. Пётр и сам старался потом почаще на кухню заходить – красота. Даже Вика Цыганова, которая жила гора-а-а-здо богаче Петра, языком поцокала.

– Такого и в XXI веке не купить, разве что где в Китае. Вещь. Если вернёмся в своё время, себе такой закажу.

Ещё из успехов можно считать договор, что провернул литовский еврей Макаревич. Он договорился об обмене выигрышной облигации трёхпроцентного займа на два автомобиля «Волга», пусть не совсем новых, но вполне себе рабочих. У одной помяты двери с правой стороны – но ведь один чёрт всё железо собирались менять, превращая машинку с оленем в люксовый кроссовер из будущего. Единственное, что надо будет оплатить – товарный вагон из Москвы до Карпинска, куда обе машины и погрузят. Пётр думал, что цифра выйдет

огромная, и очень удивился, когда увидел чек. Слёзы. Меньше пятисот рублей.

Плюсиком можно считать и партию материала, что изготовил Свердловский камвольный комбинат. Даже две партии, если быть точным. Пятнистый зелёно-коричнево-чёрный камуфляж сделали из двух материалов. Первым был очень неплохой хлопок – годился и на платья, и на рубахи. Второй материал был шерстяным – или полушерстяным, ни разу он в этом не специалист – но на брюки и куртки годился. Пётр вместе с Викой нарисовали кучу платьев и рубах с штанами. Можно и первый показ мод с коллекцией в стиле «милитари» устраивать. Ну, и плюсом сам Пётр нарисовал форму – якобы для космонавтов, но на самом деле попытался вспомнить, что носили десантники 20-х годов XXI века. Сейчас всё это уже начали шить в ателье. Сенчина с Толкуновой в эдаких нарядах застолбят за собой все первые страницы иностранных журналов – к чему, собственно, и стремимся.

8 марта по телевизору показали концерт, записанный на плёнку Говорухиным. Ясно, что телевизоры сейчас есть далеко не у всех. Скорее, их почти ни у кого нет – так, один на подъезд – но посмотрели концерт в Краснотурьинске все от мала до велика. Ещё бы, ведь показывают их самих в качестве зрителей ДК БАЗа, и их знакомых на сцене. Сейчас практически все варяги разъехались, даже Богатиков подался в свой Луганск утрясать какие-то дела с перевозкой мебе-

ли и ненового «Москвича».

У Петра телевизор был, и концерт ему в целом понравился, даже с точки зрения человека из XXI века. Видны были и недочёты: молодые певцы держались скованно, Буйнов и Сирозеев иногда не попадали в ноты, Сенчина стояла как столб, боясь пошевелиться. Больше всех разочаровали баянист с аккордеонистом. До Петра Дранги им было как до Луны пешком. Нет, исполняли они строго по нотам – стояли как памятники самим себе и наяривали с деревянными лицами. Музыка есть, а впечатлений нет. То же самое можно сказать и о гитаристах. Такой концерт нужно по радио крутить, а не по телевизору – что и сделали. Теперь чуть не каждый день вещают, то целым концертом, то выхватывая из него пару песен.

А вот концерт с военными песнями не показывают, и песни по радио не транслируют. Позвонила позавчера Фурцева, хвалила, говорила, что всем в ЦК понравилось, а на вопрос, что с военными песнями, хмыкнула и предложила посмотреть в календарь. Ну, естественно – берегут к 9 мая. Пётр ей озвучил просьбу по Гагарину и Олегу Анофриеву. Задумалась. Сказала, что позвонит через пару часов, но так и не перезвонила. Вернее, телефон-то через пару часов заверещал, но это был всего лишь секретарь, сказал, что Екатерина Алексеевна подойдёт 16 марта в ВУОАП, там и поговорят. Пётр вечером поделился новостью с Машей-Викой.

– Ну, тут всё ясно, – наморщила маленький носик попа-

данка.

– Мне вот не очень.

– Если везти сюда Гагарина, то концерт нужно снимать тоже здесь, а значит, опять Светланов и несколько музыкантов, значит, опять Говорухин и куча всяких операторов и звуко-режиссёров. Но песен-то всего шесть, а для полноценного концерта этого мало. Вывод напрашивается сам: или сюда везти ещё несколько певцов, или уйму народу отсюда везти в Москву. Вот и прорабатывает Екатерина III варианты, – пояснила Цыганова.

– Буду стоять на первом варианте насмерть, – пообещал ей Штелле.

Были успехи и на ниве просвещения. Провели во Дворце Metallургов первые встречи клубов «Что? Где? Когда?». Пётр тоже пришёл, поздравил участников и родителей. А вот сами игры не очень понравились – нет хорошего ведущего. Женщина скованно читала по бумажке вопросы, и всё. Пришлось пообщаться с директорами обоих городских ДК на предмет поиска нормального ведущего – нашли. Лучше всего подошла Роза Константиновна Соколова, директор ДК Строителей. Она кроме управления дворцом руководила и русским народным хором, лауреатом и дипломантом многих областных конкурсов. Пришлось переносить встречи команд в ДКС.

В школах теперь каждую субботу после обеда проводят комбинированные эстафеты для учащихся. Разбили всех де-

тишек на три группы – 5–6 классы, 7–8 и 9–10. Сейчас вывяжутся победители в школах, и начнутся игры между школами. Только телевидения для нашего ответа ГДР и не хватает. На следующий год и эту проблему нужно решить, тем более что режиссёр со Свердловской киностудии Рымаренко Леонид Иванович практически прописался в Краснотурьинске. После концерта Пётр уговорил его снять два клипа. Они с Викой вспомнили и записали две песни из репертуара Любы Успенской: «Манит карусель» и «Я сяду в кабриолет». Для участия в этих записях и были приглашены Вертинская с Михалковым. Самое интересное, что среди героев обеих лент оказался дедушка Штелле. Вообще Пётр старался с родственниками сильно не пересекаться – боялся что-то такое сделать, от чего их судьбы изменятся, а тут так сошлось: нужен был для первого клипа про кабриолет возчик с телегой. Роль была юмористическая и не совсем второго плана – нужен был человек с определёнными навыками и запоминающимся лицом, вот на пробы и вызвали всех людей с конного двора. Отбирал людей сам Рымаренко, а когда представил его Тишкову, тот деда и узнал. Но о самих клипах потом.

Ещё одним успехом можно считать создание музея военной техники. Оба автомобиля ГАЗ (АА и 410) отремонтировали – правда, пришлось в Карпинске купить у их автобазы третий на запчасти. И то, чтобы восстановить двигатели на обоих экспонатах, опять загрузили ЛМЦ на всю катушку – но ведь справились, а это главное. Теперь на оче-

реди автобус ЗиС-8 и немецкий вездеход, который у лесников удалось выклянчить за обещание организовать сбор шишек всеми школьниками города. А что, детям в радость в лес сходить классом, побеситься, еловых шишек пособирать, а Краснотурьинску достался ржавый-прержавый «Крафтваген» – полугусеничный фашистский вездеход.

Не на последнем месте среди успехов была и модернизация коврового цеха. Ещё в своём прошлом-будущем Пётр как-то был на экскурсии с классом в этом заведении. Подвал одного из домов был приведён в человеческий вид, и там стояло три конструкции, наверное, станка, на которых женщины вязали ковры. Это был филиал серовского предприятия, и после окончания работ над ковром его отправляли в Серов на стрижку. Понятно, что назад он уже не возвращался. Ковры – один из самых главных дефицитов в СССР. Работали с цветными нитками женщины очень быстро. Пётр тогда сам попробовал завязать узелок с помощью стального крючка, но с первого раза не получилось. Только третий узел хоть отдалённо напоминал то, что должно получаться – а ведь на каждом квадратном метре их сотни тысяч. Медленно ткались ковры – если память не изменяет, разговор шёл о трёх месяцах.

Вот, вспомнив о той экскурсии, Пётр и пошёл посмотреть, а как обстоят дела сейчас. Никаких изменений – тот же подвал и, может, даже те же женщины. Ковры были, как и все ковры в стране, с непонятным мусульманским узором. Не

доросли ещё до портретов Путина. Надо было ускорять прогресс.

Тишков бросил клич по всем отделам горкома и горисполкома: нужен был человек, у которого есть родственники в Ташкенте. Кто ищет – тот найдёт. Оказалось, что у художественного руководителя и режиссёра народного театра при Дворце Культуры Строителей Кашеева Сергея Тимофеевича родная сестра уехала восстанавливать Ташкент после землетрясения по комсомольской путёвке, да так там и осталась. Вышла замуж за местного, сейчас в узбекско-русской семье уже двое детей. Муж так и работает прорабом на стройках, а Светлана, в девичестве Кашеева, окончила заочно торговый техникум и сейчас работает товароведом в большом промтоварном магазине. Режиссёр созвонился с сестрой и озвучил ей просьбу Петра – найти телефон директора предприятия, на котором ткут ковры. Оказалось, что никого искать не надо – она знакома с ним лично, так как их фабрика поставляет ковры в магазин, где Светлана и работает товароведом. Уже через пять минут у Петра был телефон товарища Каримова. Абдулло Нуриевич оказался человеком предприимчивым: за ведро кедровых орехов и грамоты Краснотурьинского горкома КПСС и Свердловского облисполкома согласился отправить в командировку трёх женщин, мастера и двух молодых, но очень быстро работающих девчонок.

– Абдулло Нуриевич, а что, если эти девушки захотят остаться в Краснотурьинске? – Пётр закинул удочку на про-

бу, на успех, в общем-то, и не надеясь.

– Какой хитрый сэкретарь! Палэц мало, всю рук давай, – заржал как жеребец директор фабрики, – тогда ещё мотоцикл «Урал», и поедут две сестрёнки-близняшки. Они сироты – родители погибли во время землетрясения, родственники все тоже. Росли в детдоме. Эти могут и остаться, если женихи будут настоящими джигитами. Договорились? – акцент сразу же исчез.

– Хорошо, договорились, – Пётр вздохнул. Придётся полторы тысячи из заначки вынимать, но настоящие мастерицы нужнее ненужных в СССР огромных денег. – Диктуйте адрес, куда контейнер отправлять.

В соседнем доме ликвидировали бомбоубежище, которое никому и никогда больше не понадобится, и установили там ещё три станка, изготовленные силами всё того же ЛМЦ завода. Теперь узбечки передают опыт русским женщинам, а в художественном училище разрабатываются эскизы к новым коврам. Пока портрет только один – Ленина, остальные рисунки перерисовываются с жостовских подносов. Пусть будут красивые ковры с цветами на чёрном фоне. Сестрички оказались вполне себе милovidные, их поселили в заводском общежитии на площади, в комнате недалеко от той, где пока обитают бывшие зеки. Пётр попросил тёзку присмотреть за девчонками, чтобы их какие пьяные уроды не обидели. Разрешил даже членовредительство. Так и получилось: уже на второй день танкист сломал одному мачо палец, а другому

нос. Ломились в пьяном виде к узбечкам, экзотики придуркам захотелось. Тренер по самбо их скрутил и вызвал милицию, а пока её дожидались, те попытались угрожать бывшему танкисту. В результате получилось, то, что получилось, и, кроме того, под его диктовку бузотёры написали друг на друга заявления о причинении лёгких телесных, но претензий друг к другу тоже не имели, так что отделались пятнадцать сутками.

Теперь бы ещё девчонкам нормальных женихов найти, а то мотоцикл зря пропадёт. Самое интересное, что мастер, приехавшая вместе с сестричками, сама пришла на приём к Петру и предложила ему интересный вариант. Она остаётся в Краснотурьинске, а Пётр выделяет её семье двухкомнатную квартиру и устраивает на работу, на стройку, мужа – он работает в бригаде, которая восстанавливает старые мечети и другие памятники архитектуры, по профессии он мозаичист. «Интересное предложение, – подумал Пётр, – и сама Зуйли хваткая женщина и профессионал, и муж с очень редкой профессией. Неплохо бы в художественном училище открыть группу мозаичистов, а потом облицовывать дома. Чем мы хуже Ташкента?»

Штелле поинтересовался у Зуйли Тимуровны Керимбаевой, чего это она решила поменять тёплый родной Ташкент на холодный и неродной Краснотурьинск.

– Всё дело в жилье. Мы с мужем и две наши дочки живём у его родителей в комнатке в пять квадратных метров. Кро-

ме нас в доме ещё восемь человек – родители, братья и сёстры мужа, а весь он площадью тридцать метров. И хоть муж работает строителем, даже надежды на свою квартиру нет, и дом не построить – землю под строительство не выделяют. Если дадите квартиру, век Аллаха буду за вас молить.

Да, москвичей испортил квартирный вопрос. Чем же ташкентцы хуже москвичей? Тем более что город почти с нуля отстраивают. А ведь могли и больше жилья строить. Деньги. Конечно, нужно людоедам в Африке помогать. Нужно строить сотни самолётов и дарить их египтянам, а те через пару недель их просто превратят в дорогие костры. Вопрос: нужно ли предупредить Семичастного о Шестидневной войне? И никто не ответит. Ведь проигрыш в этой войне арабских государств взвинтил цены на нефть. Вопрос.

Глава 2

Событие восьмое

Надо отдать должное Константину Федину: он для поездки во Внешторгбанк даже свою «Волгу» Петру выделил. Оказалось-то всё не так просто. Весь день Пётр провёл с разными бухгалтерами, заключил больше двух десятков договоров, истрепал нервы и себе, и работникам Союза Писателей. А начиналось всё вполне мило – сидели себе, заключали договор об переводе и издании двух повестей про деревянно-го сорванца в Болгарии, и тут доходит дело до номера счёта в банке. Пётр ничтоже сумняшеся называет свой счёт, специально открытый в Москве для перевода денег за песни и книги, и узнаёт, что он бестолочь. Пословица, дескать, «курица не птица, Болгария не заграница», в данном случае не работает. Перевод денег будет осуществлён в валюте, а значит, нужен счёт во Внешторгбанке. Пришлось ехать и выставить приличную очередь. «Неужели все эти люди, что стоят к заветной двери – писатели и композиторы?» – ужаснулся Пётр. Объяснение пузатенького работника банка о чеках, они же сертификаты, он пропустил мимо ушей. Какая ему разница, что чеки братьев по соцлагерю хуже капиталистических? Ничего ему в тех «Берёзках» пока не надо. Вот по-

требуется чего, тогда и будет время узнать всю подноготную нелёгкой жизни знаменитого писателя.

Издать у себя книги про Буратино изъявили желание болгары, чехи, которые только через полтора года станут чехословаками, немцы из ГДР, венгры и поляки. Итальянцы и югославы купили права на издание, переводить будут сами. Пока всё.

Потом появился художник Леонид Владимирский, и пришлось снова заключать договора о печати «издания второго, дополненного» всё того же Буратино – так что в ВУОАП с песнями Пётр попал только после обеда и просидел до семи вечера. Там его и нашла вернувшаяся с работы Люша – оказывается, у неё на квартире собралась уже целая толпа, и все ждут только его, именинника. Ну, вернее, виновника праздника. Нужно обмыть удостоверение члена Союза Писателей и значок с изображением Горького.

– Ладно, согласен, виноват. Только «горько» не кричите.

Толпа? Четыре старушки. Одна чуть помоложе, но её Пётр не знал. Её и представили.

– Знакомьтесь. Это Вера Спиридоновна Ляшенко. Доктор химических наук, профессор. Вчера она синтезировала известную вам «Виагру», – женщина даже попыталась изобразить книксен, ну, в смысле чуть-чуть присесть.

Лет пятьдесят. И точно химик, вон все пальцы жёлтые от формальдегидов. И на этих пальцах ни одного кольца. Не была замужем? Или при работе с довольно агрессивными сре-

дами колец не носят? Они ведь явно помешают надевать перчатки. Заграничный костюм, но неновый. И единственный, вон на рукаве следы очень тщательной штопки двух дырочек. Ещё бы – точно химик и увлекающийся, не успела переодеться и сунулась к чему-то интересному. А ведь даже зарплата профессора не позволяет купить хорошую одежду. Негде. С-сука, в смысле, гад кукурузник. Разорил страну. Да и бровастый гомик не лучше. Столько денег вбухивают во Вьетнамы, Эфиопии и Египты – а ведь совсем скоро шестидневная война. Надо ли предупреждать?

Все эти мысли пронеслись в голове Тишкова, пока он, изображая джентльмена, целовал ручку профессору. От руки и рукава пахло химией – но запах не очень и противный, скорее, даже приятный.

– Пётр Миронович, умываться и за стол, – это уже командовала вторая Чуковская, мама Люши.

Третьей бабушкой была Вера Васильевна Смирнова – руководитель Комиссии по детской литературе при Союзе Писателей СССР. Четвёртой – членкор АН СССР Рахиль Хацкелевна Фрейдлина. Стол был богатый. Шутка. На нём стояло много вина, в том числе шампанского, много коньяка и много колбасы с сыром. Правда, потом принесли и горячие закуски – пюре с отварной сосиской. И это четыре женщины готовились к празднику. Москва! Богема!

– Пётр Миронович, за вас! Не перестаю вами восхищаться. Заперлась сегодня ото всех и читаю вашу сказку. Занят-

но! Точно будет на Западе бестселлером. А для нас вот проблемно. Ну да ваше имя сработает. Я – за. Да вы угощайтесь! Мы старались! Или не нравится? – Смирнова положила себе на тарелку сыра и подняла фужер с шампанским.

– Сейчас пошучу. Только не обижайтесь. Просто другой шутки про химиков с ходу не вспоминается. Говорят, что на халяву и хлорка творог. Спасибо, милые дамы, не ожидал, – похихикали.

– За вас, Пётр Миронович, – сдвинули бокалы.

Застолье не проходило в дружеской и непринуждённой беседе. Пётр вдруг осознал, что раз дома мама Люши, то ночевать в квартире Чуковских его не оставят. Гостиницу он не заказывал, да и не знал ни одной. Было только смутное воспоминание из прошлого-будущего, что с гостиницами в СССР всё плохо. Нет брони – нет и кровати, не говоря уже об одноместном люксе.

Дамы постепенно набросали в себя приличное количество вина, и Люша похвастала, что лучшие анекдоты рассказывает, конечно, Пётр Миронович – и лучшие песни поёт тоже он. Дамы потребовали анекдотов и песен.

– А можно я совмещу? – вспомнил один анекдот Штелле.

– Будете петь анекдот? – прыснула Смирнова.

– Точно.

– Барин останавливает извозчика и лезет в коляску.

«Какую песню петь, барин? Али не надо песен?»

«Погоди, нога попала в колесо».

«Но-о, родимая! Нога попала-а в колесо-о-о! Нога попала-а-а!»

Пётр закончил, а смеха нет. Что не так? Даже заволновался. И тут грохнули. Просто позднее зажигание, или ждали всю песню? И вот тут повезло. В дверь позвонили.

– О! Это за мной, – начала подниматься Лидия Корнеевна Чуковская, – Я договорилась с Булатом Шалвовичем, что он заберёт меня и отвезёт в Переделкино.

Ну вот. У Петра гора с плеч упала. Проводили маму, и вечер стал заканчиваться. Засобирались и «химички». Ненадолго дольше их просидела Смирнова. Несколько раз заставила Петра пообещать, что он бросит все дела и допишет как можно быстрее свою сказку для взрослых мальчиков и девочек и, покачиваясь слегка, отбыла, не утруждаясь переобуванием и напяливанием шубы. Ну, правильно – в этом доме и живёт.

А в целом день, можно сказать, удался. Половину песен оформил и разобрался с издательскими делами. Вечером же сообщили целых две хорошие новости. Удалось получить химикам и альбутерола сульфат – бронхорасширяющий препарат, и силденафил, больше известный как «Виагра».

Событие девятое

16 марта в ВУОАПе у Петра должна была состояться встреча с Фурцевой. Ну что ж, состоялась. Екатерина Алексеевна была на что-то зла и вымещала эту злость на Петра. Поговорив с министром пару минут и три раза услышав рык, Штелле встал и отвесил земной поклон.

– До свидания, Ваше Величество. Я в таком тоне с вами разговаривать не намерен, и вообще забудьте о моём существовании.

Фурцева открыла было рот, чтобы снова зарычать, но потом как-то сдулась.

– Прости, Пётр Миронович. Суслов Михаил Андреевич к каждой букве цепляется, сил нет. Нервы. Ты тут, конечно, ни при чём. Давай так. Гагарина пока не уговаривала, он на Байконуре. Я даже не знаю, на кого выйти, чтобы его заполнить. Он правда нужен? Никто другой не подойдёт?

– Ну, что ж, и я с вами начистоту. Мы с Машенькой придумали марш космонавтов. Он необычен, могут не принять. Нужен обязательно Гагарин – тогда есть шанс. Тем более что за эту песню надо побороться.

– Её можно услышать, у вас есть кассета? – Фурцева оглядела кабинетик в поисках магнитофона.

– Нет. Екатерина Алексеевна, вы тоже без Гагарина, не увидев вживую, не оцените.

– Даже так?

– Даже так.

– Хорошо, время ещё есть. Пойду к Суслову. Но ты представляешь, что будет, если песня потом не понравится?

– Поверьте, товарищ министр, это будет бомба.

– О-хо-хо! Сама скромность ты, Пётр Миронович. Как бы нам с тобой этой бомбой бошки не поотрывало. Завтра ещё в Москве? – Фурцева обернулась уже на выходе.

– Самолёт в одиннадцать вечера в воскресенье.

– После обеда Люше позвоню.

Фурцева ушла, и Пётр продолжил оформлять песни. Продолжил, несмотря на умоляющий взгляд женщины, с тоской глядевшей на оставшиеся листки в папке. В результате получалось, считая первый заход, уже пятьдесят две – и это за семьдесят дней всего. Самое интересное, что и остановиться-то нельзя. Пора готовиться к гастролям за рубежом, а там песни про войну или про космос никому не нужны. Хотя!!! У Горана Бреговича есть песня итальянских партизан – «О Белла, чао». Нужно будет её вспомнить.

Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Всё плохое тоже. Зарегистрировали последнюю песню, «Напрасные слова» Ларисы Рубальской и Давида Тухманова. Из неё нужно будет тоже сделать клип с Анастасией Вертинской, Никитой Михалковым и дедушкой Штелле. С Викой они запланировали целых десять клипов. Подобрали песни, два уже сняли, теперь вот ещё на один написаны и музыка, и слова, и сце-

нарий.

До встречи с великим математиком было ещё время – а время было обеденное, самое время перекусить. Вот только временные трудности. Утром, в преддверии завтрака, Пётр заглянул в холодильник. Даже мыши повесившейся и то нет. Доели колбасу с сыром, и «генуг». В смысле, «аллес». Пришлось опять ловить такси и ехать на рынок. Хоть тут повезло: Армен, кустистый, носатый и вечно улыбающийся южный мачо, был на месте и даже узнал Тишкова.

– А, дарагой, почему долго не был? Денег жалел? Не жалея деньги, ещё зарабатываешь, денег вообще много, а друг у тебя только один – и это я. О-о-о, – это Армен заметил значок с Горьким на лацкане пиджака у Петра. Тот расстегнул пальто – на рынке было тепло и душно. Даже не так, там просто нечем было дышать. Запах крови и несвежих мяса с рыбой был для непривычного человека серьёзным испытанием.

– Ты писатель, дорогой? – надо же, какие подкованные пошли продавцы. Сам Пётр увидел значок члена Союза Писателей только вчера при вручении. В прошлой жизни не доводилось. Почему, интересно, выбран как символ именно Пешков? Чем Пушкин не угодил, или Толстой? Хотя, они же дворяне. Ну не Маяковского же или Есенина на флаг присобачивать. Самоубийцы. Кто там ещё из пролетарских? Гайдар с детскими рассказами? Нет. Новиков-Прибой? Ничего, кроме «Цусимы». Шолохов? Так он жив ещё. Действительно, получается, кроме Горького в символы никто и не годится.

– Есть немножко.

– А что написал? Я много читал.

В нескольких метрах от того места, где они стояли, был под потолком размещён динамик в виде раструба, и из него, пусть с бульканьем и треском, неслась песня, которую уже не напишет Валерий Курас.

«...Только рано в гавань кораблю,
Ты прости и знай, что я люблю,
Что я до слёз люблю,
Я люблю твои синие глаза,
От любви моей синие глаза,
Я могу о них столько рассказывать,
Но я буду их лучше целовать...»

Пётр ткнул пальцем в динамик.

– Дарагой, ты эту песню написал? – приятно видеть, как в чёрных глазах собеседника вспыхнул огонёк азарта.

Конечно, песня украдена. Чем гордиться? А есть чем гордиться. Почти нет сейчас хороших песен. Почему русские люди поклоняются нечёсаным «битлам»? Просто потому, что они из-за бугра? Нет. Для шестидесятых годов их песни и на самом деле прорыв. А вот мы этот прорыв скоро ликвидируем. Кто бы ни забросил их с Викой Цыгановой в это время или в эту реальность, но подбор у этого товарища интересный. Певица, которая знает ноты и окончила нужное учебное заведение, и какой-никакой, а писатель и поэт. За-

чем забросили? Чтобы они сделали эту страну «не только в области балета впереди планеты всей». Нет другого ответа на этот вопрос. И процесс пошёл. Почему бы не гордиться этим?

– Армен, мне нужны продукты для лобио. Найдёшь хорошую белую фасоль и грецкие орехи? Ещё нужны пряности, ну и дыни с мандаринами тоже не помешают. А ещё нужна печень говяжья и морковь.

– Так ты эту песню написал? Ты Тишков? – не отступал со своих позиций армянский мачо.

– Мы, вдвоём с дочерью, – ну, раз хочет услышать ответ...

– Пойдём со мной! – вообще акцент пропал.

– Куда пойдём?

– К дяде пойдём, – и даже схватил за локоть. Приспичило?

– Армен, мне продукты надо, к ужину ведь ещё готовить.

Время... – не дали договорить.

Мачо приволок его к обшарпанной, когда-то покрашенной зелёной краской, двери.

– Будут продукты, ты, дарагой Тишков, пока с дядей поговори, а я всё найду. Не пожалеешь, – кустистый вулкан втолкал Петра в комнату, прокричал что-то на одном из языков народов СССР и исчез.

Пётр огляделся. Деревянный растрескавшийся стол. С обеих сторон приставлены табуретки. Сидят два немолодых армянина, скорее всего, и играют в нарды. Тот, что лицом к двери, хозяин кабинета, наверное, очень похож на Фрунзи-

ка Мкртчяна. Через две недели ведь на экраны страны выйдет «Кавказская пленница». Только «Мкртчян» одет иначе – не галифе, а хорошие серые штаны. Сейчас все ходят в брюках, застёгнутых выше пупка, из-за чего получается несколько комичный с точки зрения Петра вид – «Чарли Чаплин жив». У него самого сейчас костюм со штанами, где ремень на два пальца ниже пупка. И не тонкий ремешок, а специально сшитый в сапожной мастерской – чуть пошире, и с замечательной пряжкой на два колка, выточенной в ЛМЦ.

– Заходи, дорогой товарищ Тишков, присаживайся, Акпер сейчас чай принесёт, – подзатыльник лёгкий, и оппонент по нардам исчез за дверью. – Я Петрос Мкртчян – директор этого рынка.

– Пётр Миронович Тишков, – представился Пётр и поискал глазами вешалку. В кабинете было жарко, в углу гудел самодельный тэн, – Мкртчян? А Фрунзик – не родственник?

– Вай! Откуда знаешь Фрунзика? Это мой племянник. Ну, не прямой племянник. Двоюродный. Вон вешалка.

Точно, в углу в доску было вбито три гвоздя, а сама доска прибита к стене. Пётр снял пальто, шарф, пристроил под вешалку многострадальный счастливый портфель.

– Так откуда Фрунзика знаешь?

– Кино смотрел. «Кавказская пленница». Скоро показывать будут.

– Да, он говорил, даже билеты уже принёс. Слушай, Пётр Миронович, ты где такой костюм взял? Я всё достать могу в

Москве, а такой костюм не видел.

– Сшили у нас в городе.

– А, хороший портной. Еврей, наверное? – Петрос пальцами потрогал материал, покрутил Петра, даже пуговицы растегнул. Любознательный, чёрт.

– Пётр Миронович, а ты только песни пишешь?

– Нет. Я – Первый Секретарь Горкома КПСС.

Оба-на. Угол-шоу. Товарищ директор чуть не по стойке смирно встал.

– Извини, уважаемый. Садитесь, пожалуйста.

Как раз Акпер чай принёс в дебильных подстаканниках, и полный поднос всевозможных конфет – даже трюфели просматривались.

– Угощайтесь, Пётр Миронович.

– Дорогой директор...

– Какой директор! Для вас, уважаемый, просто Петрос, – набулькал из заварочного чайника в стакан чего-то почти чёрного.

Пётр попробовал. Вещь. Такого хорошего чая он в этом времени ещё не пил.

– Вкусно? – заметил это дядюшка Петрос.

– Да, спасибо, очень хороший чай. Индийский? – Пётр ещё отхлебнул, потянулся за трюфелем.

– Зачем индийский! Армянский. У нас один район в горах есть, Мегри называется. Там чай немного выращивают. Только три верхних листочка самые красивые девушки со-

бирают. Надо тебе? Есть у меня небольшой запас.

– Кто же от такого хорошего чая откажется? – Штелле продолжал отхлёбывать, одновременно осматривая помещение. Какая-то временность, неустроенность.

– Дорогой Пётр Миронович, у меня есть родственники и друзья в Москве. Три родственника и три друга. Они директора ресторанов. У всех есть музыканты. Приходят люди отдыхать, танцевать. Хотят твои песни слушать. Начали их учить, даже исполнили пару песен, а тут приходят люди из управления по защите авторских прав и говорят, что автор запретил исполнять другим музыкантам свои песни. Это правда? – Директор достал пачку «Мальборо» из кармана и протянул, раскрыв, Петру.

– Я не курю, и, пожалуйста, при мне не курите. У меня от табачного дыма сразу голова начинает болеть.

– Как скажешь, уважаемый Первый Секретарь! Хочешь, вообще брошу?

– Подожди, Петрос, я потом тебе газету дам. Прочитаешь – может, и вправду захочешь бросить. А ещё я по руке гадать умею. Дай левую, – оп-па, а ведь человек какой-то борьбой занимается. Карате?

– Что скажешь, уважаемый?

– Умрёшь от рака лёгких, если не бросишь курить. А ещё тебе нужно меньше мяса есть, больше свёклы, – это ведь каждому посоветовать можно.

– Ох, – дальше текст на смеси русского непечатного с ар-

мянским, похоже, тоже не литературным.

– Ну, будущее не предопределено. Бросишь курить, больше будешь есть овощей, и проживёшь до ста лет, – попытался успокоить товарища Пётр.

– Спасибо, уважаемый, я послушаю тебя. Только ведь мы про дело не договорили. Разреши моим родственникам и друзьям исполнять у себя в ресторанах твои песни.

– Знаешь, Петрос, почему я запретил? – задумался Пётр.

– Нет! Хорошие песни, вся страна слушает, почему нельзя исполнять?

– Есть песни, которые должны исполнять певцы с определённым голосом. А если их будут петь другими голосами, то получится плохо. И люди послушав, будут думать, что песня плохая. Зачем мне это?

– Ты великий поэт, Пётр Миронович, но плохой знаток людей. Люди всё равно будут твои песни петь. Это не остановить запретом. Только вот, разрешив моим родственникам и моим друзьям, ты можешь заработать деньги и тоже стать другом, а не разрешив, ничего не приобретёшь, – как-то устало, как маленькому непонятливому ребёнку, пояснил старший Мкртчян.

– Хорошо, Петрос. Я завтра в ВУОАПе разрешу исполнять песни с концерта на 8 марта. И что я с этого буду иметь? – у Петра уже созрел план. Деньги ему не нужны, а вот кое-какие продукты...

– Две тысячи рублей тебя, Пётр Миронович, устроят? –

ну, вот сейчас начнётся торговля.

– Мне деньги не нужны. Давай округлим сумму до двух тысяч четырёмсот рублей. По двести рублей в месяц. Один раз в неделю будете завозить продукты на двадцать пять рублей вот по этому адресу – это сто, – Пётр достал блокнот и записал адрес Люши. – Возможно такое?

– Напиши список продуктов. Нет проблем.

– Хорошо. На остальные сто рублей будете отправлять посылки вот по этому адресу. Тоже с продуктами, только с теми, что не портятся. Чай хороший, грецкие орехи, пряности, фасоль, – Пётр написал на втором листке адрес Петра Оберина. Зачем самому светиться? Никуда КГБ с ОБХСС не делись. Ему вон комиссии по собачатине хватило.

– Договорились. А нет ли новых песен? – внимательно прочитал оба адреса директор рынка.

– Могу разрешить петь новые песни, которые ещё не вышли по телевизору и радио. Три штуки. Они скоро появятся в кино, будут самыми популярными в стране.

– А я тебя ругал. Нет, ты разбираешься в людях! Просто ты ещё хитрее меня. Чего же ты хочешь за эти три песни?

– Договор о поставке качественной кожи в Краснотурьинск. Только чтобы всё было официально, – нужно же снабжать обувную фабрику.

– Мало будет – три песни.

– Через месяц ещё три.

– И много нужно кожи? – Петрос почесал репу.

– Не знаю. Отремонтируют станки, научатся люди, произведём первую продукцию, поймём расход материала и производительность труда. Тогда посчитаем.

– А что шить собираетесь?

Пётр прошёл к портфелю и достал пару своих рисунков, где он попытался нарисовать угги – маленькие замшевые полусапожки.

– Красиво. Дочке такие хочу. И не дочке, ну, понимаешь. Я в деле – будет кожа, и замша, лучшая в стране. Только часть товара реализуешь через те магазины, которые я укажу.

– И как это сделать? – всё же зря он, похоже, с этой мафией связался.

– Пётр Миронович, всё будет нормально, по закону, – прочитал на его лице невысказанные сомнения Петрос.

– Ну тогда договорились. Как запустят станки и выпустят первую партию, я дам знать. Извини, дорогой, а что с продуктами? Где Армен? Мне уже пора.

– Армен, зайди, – прокричал директор рынка, и кустистый буквально материализовался у двери.

– Всё принёс, уважаемый. Вот белая фасоль, вот красная. Это чищенные грецкие орехи. Тут говяжья печень. Тут морковь. В этих пакетиках специи. В сумке мандарины. За дверью человек с двумя самыми большими дынями, и ещё один с полной сумкой гранатов, – а запах! Пётр втянул воздух.

– Это тебе подарок от друзей, – увидев, что Пётр лезет

в карман за деньгами, остановил его Петрос, – Армен, закажи такси, всё туда отнеси и возвращайся, а мы пока ещё по сто грамм хорошего коньяка выпьем, за дружбу и сотрудничество.

Событие десятое

Великого математика звали Сергей Петрович Новиков. Пётр напряг память. Где-то он эту фамилию слышал, точно. В будущем, наверное, прославится. Хотя, может, и желаемое за действительное выдаёт мозг уставший. Ситуацию с провалом в памяти спасла Люша, объявив, что Серёжа является целым профессором МГУ, да ещё и член-корреспондентом АН СССР. Тогда Пётр и вспомнил, что это будущий лауреат аналога Нобелевской премии по математике – только вот ещё бы вспомнить, как сама премия называется. Хотя не очень это и важно, главное, что молодой человек и в самом деле математический гений.

К приходу гения Штелле приготовился. Он разобрал кубик на запчасти и собрал все стороны по цветам. Потом, аккуратно записывая движения, перемешал. Попробовал по записям восстановить кубик в первоизданном виде – не получилось. Снова разобрал и собрал, опять, записывая, перемешал. Покрутил. Нет, тупой, видно. Но настырный. И ведь на четвёртый раз получилось! Пару раз повторил. Сходится ответ.

А тут и гений пожаловал. Поздоровался, отказался от ужина, сказал, что торопится – и был выпровожен из квартиры через три с половиной часа. Затянуло. И ведь вправду не дурак. Сдержанно улыбнулся, когда Пётр продемонстри-

ровал свои успехи, а перед уходом те самые формулы из не вышедшего ещё журнала «Наука и жизнь» написал. А может и не те, но работали не хуже.

– Пётр Миронович, дайте на ночь? – и взгляд еврейский, со всей вековой скорбью этого народа, хоть и фамилия, и имя с отчеством чисто русские.

– Сергей, игрушка не зарегистрирована. Ты с кем-нибудь поделишься радостью, а он окажется умным и раньше меня запатентует. И что потом мне делать?

– Да я из рук не выпущу! Такая идея сейчас родилась, как ускорить процесс!

– Дай честное слово, что утром сразу принесёшь. Ровно в восемь, – доброта никогда до добра не доводила. Добро потом и не возвращается. В смысле – нажитое непосильным трудом. А ведь рабочий кубик только один пока получился – в пластмассе проблема. Но ведь господин Бик как раз главный в мире по пластмассам.

– Без пяти восемь буду в дверь стучать, – и глаза как у кота из Шрека.

– Ох, ну держи.

Пока будущий гений крутил в одной из комнат кубик уже не Рубика, они с Еленой Цезаревной пировали. Пётр вполне успел сварганить лобио. Фасоль с грецкими орехами Армен выделил, приправы тоже, ну а казан с водой и соль в квартире Чуковских нашлись. Кроме блюда грузинской кухни в меню наличествовала и русская хрень. Как это блюдо называется,

Штелле не знал. Берётся печень, мелко режется, морковь натирается на крупной тёрке, и всё это вместе с луком и чесноком тушится. Но! В самом конце добавляется приличное количество мелко порезанных маринованных огурцов. Вот и весь рецепт хрени – однако пальчики оближешь. И всё это под какое-то сладкое самодельное вино, которое, прощаясь, всучил товарищ Мкртчян. Очень даже ничего. Но не из винограда – абрикос с чем-то. Объелись. Вот великий математик и выпросил кубик, пользуясь благодушным, чуть хмельным настроением.

Не обманул, принёс без пяти восемь кубик и тетрадь, а на первых двух страницах – различные формулы по сборке граней с одним цветом.

– Пётр Миронович, а где такую штуку достать можно? Когда он в продаже появится?

– Знаешь, Сергей, я точно сказать не могу, но обещаю, в СССР ты будешь первым, кто получит эту игрушку.

После завтрака Пётр проверил работу формул. Что ж, всё работало. Он переписал их на отдельный листок и заменил русские буквы на латинские. И вот меняя, вдруг осознал, что он – конченный дебил. Дак ещё ладно дебил – кроме того, ещё и неуч. Как и на каком языке он будет разговаривать с господином Марселем Биком? Он ведь ни одного толком не знает. Так, чуть-чуть немецкий – ну, типа, читаю и перевожу со словарём. Как-то не было потребностей в языках. А какие, интересно, знает этот самый барон Марсель? Имя француз-

ское. Наверное, немецкий и французский должен знать. А английский? Родился, кажется, в Италии.

Пришлось звонить на работу Люше и почти десять минут ждать. Там идёт какой-то опыт, и отойти нельзя.

– Елена Цезаревна, это товарищ Тишков вас беспокоит, – на всякий случай официально начал Штелле. Мало ли – вдруг кто подслушивает через спаренный телефон.

– Да, Пётр Миронович, – надо же, тоже официально – значит, не зря опасался.

– Елена Цезаревна, насколько хорошо вы владеете иностранными языками?

– Немецким сносно, и немного английским, – после некоторого зависания ответила Чуковская.

– Французским?

– Только несколько фраз – а что, надо что-то перевести с французского?

– Нет. Нужно пойти со мной в семь вечера в ресторан гостиницы «Интурист» и поработать переводчиком, – и опять Пётр вдруг осознал, что дебил. Та ли гостиница «Интурист», чтобы в ней встречаться с иностранцами? Там, небось, каждый официант и половина посетителей – работники КГБ. Нужно встретиться там с буржуем Марселем и перейти в более народное заведение.

– Да мне и надеть нечего! – пискнули на той стороне провода.

– Встреча в семь вечера, – Пётр повесил трубку. Чего-ни-

будь да наденет.

Сел и задумался. Нужен план. Желательно – такой, чтобы возможные хвосты срубить. А ведь он ни разу не шпион, и слежку вычислить не сможет. Да и захочет ли в этом участвовать «владелец заводов» господин Бик? Получается, план должен быть простым. Допустим, вызываем к Дому Писателей два такси. В одну машину садится Чуковская и едет к гостинице «Интурист». Во вторую садится он и не доезжает пару домов до этой гостиницы. Машины просим постоять минут десять, и никаких попутчиков не брать. Дать залог в виде документов – с ними не убегут. Стоп! Документы нельзя. Потом ведь органы могут спросить: а кого и куда вы отвозили? Тогда билет в сто рублей. Не уедут. Номера ведь записать можно, да и на панели есть фамилия водителя.

Дальше. Нужен приличный ресторан – а он в Москве кроме «Праги» и не знает ни одного ресторана. Ну, и ладно, пусть будет «Прага». А как туда попасть? Нужно забронировать столик. Дудки! Двадцать минут общения с телефоном показали, что не всё так просто. Нет на сегодня свободных столиков. Нет столиков – зато есть товарищ Мкртчян. Есть и его номер телефона. Ещё двадцать минут переговоров, и вуаля – столик появился. Только повесил трубку, как телефон зазвонил снова.

– Квартира Чуковских, – опасно поднял Пётр трубку.
– Пётр Миронович, это Фурцева. Повезло вам, – и молчит.
Ах да, нужен диалог.

– В чём же мне повезло, дорогая Екатерина Алексеевна?

– Гагарин будет 1 апреля в Краснотурьинске. С вас шесть песен. А теперь давайте серьёзно поговорим. Вы ведь понимаете, что теперь мне опять половину Москвы к вам гнать? Снимать концерт ведь у вас придётся. Говорите, кто нужен на этот раз?

Кто бы сомневался. Звать так звать. Когда ещё такой шанс выпадет!

– Говорухин ведь, наверное, не откажется? Пусть тот же коллектив и берёт.

– Записала. Дальше.

– Нужен ударник-виртуоз. Те же гитаристы. Те же баянисты. Группа «Скоморохи». Естественно, Светланов со своими людьми. Да! Есть одна задумка. Нужен лучший в Союзе скрипач. Ойстрах подойдёт.

– А рожка не треснет? Где вы и где Ойстрах! – фыркнула Фурцева.

– Вещь будет убийственная – и я потом разрешу ему исполнять её в любое время, даже за рубежом, – а что? Just Blue группы Spase – вполне космическая музыка. Вика помучилась немного, но сказала, что с помощью Светланова сможет сделать аранжировку для современных инструментов безо всяких синтезаторов. Похуже получится, но ведь оригинала никто не слышал. А ещё она попыталась с помощью краснотурьинских скрипачей повторить «Шторм» Ванессы Мэй. Не получилось – скорость не та. Вот вся надежда на Ойстраха.

– Не знаю. А если он сейчас на гастролях? – на самом ведь деле занятой человек.

– Если внутри страны, то пусть перенесёт. Правда, вещь того стоит.

– Как непросто всё с тобой, Пётр Миронович. И никто другой не подойдёт?

– Екатерина Алексеевна, можно и из нашей музыкальной школы взять человека. Только вы ведь представляете разницу? Вот такая разница и будет. Вам нужен концерт? Вам решать.

Молчала трубка минуту.

– Постараюсь. Ещё кого? Ростроповича не надо?

– А это мысль. Спасибо за идею. А что, если их двоих вместе вывести на сцену? Ищите Ростроповича.

– Всё! – и ржёт.

– Нет, Екатерина Алексеевна, не всё. Знаете стихотворение «Жди меня»?

– Понятно, что знаю.

– Константин Симонов нужен. Они вдвоём с Машенькой прочитают его. Вступление будет такое: «Тяжело было жёнам солдат и офицеров ждать мужей с войны. А жёны космонавтов? Как они с мольбой смотрят на небо, когда их муж, их любимый, в маленькой космической ракете наматывает круги вокруг Земли! Они тоже ждут. Ждут и надеются». Вот – а дальше Машенька и Симонов читают стихотворение.

– Ну, непростая ассоциация, но попробовать можно. Си-

монова найду. Ещё чего изволите?

– Про дом не забывайте. Уж скоро снег сойдёт.

Гудки.

Ладно, вернёмся к нашим баранам. Интересно, как Бик переводится. Немного похоже на «пиг» – это, кажется, сви-
нья. Плохо не знать языки. Итак, подъезжаем к «Интуристу»
и заходим в вестибюль. В 19 часов буржуй в коричневом
пальто должен стоять у администратора. Так договорились
через знакомых Макаревича. Пришлось, между прочим, од-
ной иконой пожертвовать – ещё бы знать её истинную цен-
ность... Проехали. Марсель знакомится с Чуковской, и они
едут на одном из такси в «Прагу», а Пётр, чуть отстав, едет
немного дальше по Калининскому проспекту, и уже пешком
возвращается и заходит в ресторан. Ух и намудрил. Пётр по-
шёл на кухню и поставил чайник. Это дело надо ещё раз об-
мозговать.

Событие одиннадцатое

Месье Марсель Бик был похож на Д'Артаньяна Боярского как лошадь Пржевальского на самого Пржевальского. Знать бы ещё, как тот выглядел – но ведь точно не как лошадь. Ни грамма барон Бик на француза не походил. И если уж сравнивать с киноактёрами, то лучше всего подойдёт Брюс Уиллис в первом «Крепком Орешке». Почти лыс и брутален – только чёрен и слегка носат. И даже шляпы не было, кепка плебейская. А ведь шляпы в это время носили все. На вешалке у Петра дома тоже висела. Померил как-то. Ужас. Нет! Мы заменим это тоже на кепку. А может, вообще, кожаную восьмиклинку сбавить с высокой тульёй? Все бросят подражать, и двинем моду вперёд. А ещё неплохо бы наладить производство, и потом засветить эти кепки на Буйнове и Михалкове в клипах. И вот он – массовый спрос, а у нас уже есть предложение. Может, бросить секретарствовать и податься в подпольные цеховики? Посадят. А вот предложить барону? Ему пойдёт. Всё это промелькнуло в голове у Штелле, когда он пригубил первую рюмочку коньяка и откинулся на стуле в отдельном кабинете ресторана «Прага», разглядывая буржуя.

Люша не понадобилась. Нет, для солидности – конечно, а вот как переводчик – нет. Переводчик у месье барона был свой. Была своя – молодая, красивая, высокая, улыбочивая.

Чуть зубы подгуляли – редкие. Говорят – признак жадности. Некрасивая улыбка. Надо в конце разговора посоветовать девушке пореже улыбаться, а ещё подучить русский. Смешно ставила ударения, и этот фханцузский акцент. Слушаешь и Ленина представляешь. Сам Марсель тоже не Поль Робсон. Видишь перед собой Брюса Уиллиса, а голос как у мышки – попискивает. Что ещё про француза сказать можно? А вот – пальто. Вот ведь гадство – оно тоже коричневое, а смотрится совсем по-другому. Выходит, дело не в цвете – дело в дизай-нере и швее. Ещё, наверное, в качестве машинок – ну, там, чтобы строчки ровные и не морщило. Что ж, будем иметь в виду, и машинки правильные закажем.

Сейчас месье играл кубиком. Пётр достал его, покрутил, смешивая грани и передал бизнесмену. Тот крутанул раз, другой, и увлёкся – но не математик. Тогда Штелле достал формулы на тетрадных листках и собрал по ним. Снова смешал и вручил Марселю. Тот покивал головой и потянулся за бутылкой с коньяком, а не к лежащим рядом с Петром листкам.

– Что вы хотите за эту игрушку? – Бик чуть сморщился. Ну, да, не «Реми».

Пётр хотел многого. Вопрос был в честности акулы биз-неса. Ну, сейчас скорее акулёнка.

– Пятьдесят процентов прибыли. До этого нужно запатен-товать сам кубик и места соединения. Отдельно.

– Вы ведь в России. Как это будет выглядеть? – Бик на-

тянуто улыбнулся, а переводчица попыталась улыбку повторить. Получилось плохо – зубы редкие, губы тонкие. Может она и не красавица вовсе, и всё это макияж да антураж.

А вот вопрос правильный. Как это будет выглядеть? Перевод на его счёт во Внешторгбанке? Даже не смешно. Хотя после долгого размышления этот вариант тоже прорисовался. Всё дело в законодательстве. Сейчас писатель сам заключает договора с иностранными издателями, если тем вдруг захотелось напечатать ваш опус. Например, в Америке решили издать «Молодую гвардию» Фадеева. Вот озолотится! Пётр же, в отличие от Фадеева, написал детскую сказку. Почему бы богатому французу не захотеть напечатать во Франции его «Буратино»? Кроме того, это предприятие может оказаться и чертовски прибыльным. Сейчас ещё никому в голову не пришло выпускать «Киндер-сюрпризы» – шоколадные яички с игрушками внутри. Да и бог с ним, с шоколадом. Надо выпустить, скажем, сотню тысяч экземпляров книги, и столько же пластмассовых фигурок: Буратино, Артемона, Мальвины, папы Карло, Карабаса Барабаса, лисы Алисы, кота Базилио, Дуремара. Выпустить и сделать приложением к книге. Покупаешь книжку, и можешь выбрать из ящика одну из фигурок. Отдельно фигурки не продаются. Можно, конечно и отдельно, но раскрашенные вручную, и очень дорого.

– Думаю, что тираж книги превысит после всех переизданий миллион экземпляров, – закончил Пётр излагать свою

идею Марселю.

– Интересный вы человек, месье Тишков. Я обязательно проработаю со своим бухгалтером этот вопрос, но даже навскидку видно, что это и на самом деле принесёт немалые деньги. Только причём здесь гонорар за кубик? – Бик вынул блокнот и стал мелким почерком записывать туда что-то – наверное, идею с книгами.

– Гонорар за книги ведь может быть и больше, чем он получится на самом деле. Завтра мы можем заключить договор в Союзе Писателей. Сумму не оговаривать – пусть это тоже будет пятьдесят процентов от прибыли.

– Хорошо. У меня есть время. Задержусь ещё на один день.

– Там, напротив здания Союза, находится Третьяковская галерея – заодно сходите, полюбуется шедеврами русских художников, – подсказала Чуковская.

– О, это замечательная мысль. Спасибо, Елена. А вы не побудете экскурсоводом?

Это что, он клеит Люшу? Пётр напрягся, напряглась и переводчица, тоже, между прочим, Ленка – Элен.

– Извините, Марсель, но завтра обычный рабочий день. Я не смогу, – ха, а ведь и правда. Хоть и объявили на всю страну, что принято партией судьбоносное решение о переходе на пятидневку, ещё ни одно предприятие фактически не перешло. Скоро сказка сказывается.

– Жаль.

– Там есть профессиональные гиды. Они лучше моего расскажут, – чуть покраснев, с извиняющейся улыбкой отмахнулась Чуковская.

– Давайте проговорим и ещё один вариант оплаты за «Русский кубик», – решил прекратить этот съём Тишков.

– Внимательно слушаю.

– В моём городе есть колхоз. Он называется «Крылья Родины». Вы закупите у него кедровый орех и разные специфические продукты пчеловодства: прополис, маточное молочко и ещё некоторые. В обмен по договору вы поставляете колхозу автобусы. Нужны лучшие в мире. Городские в количестве десяти штук, а также и междугородние – пять, можно разного размера. Понятно, что пятнадцать автобусов будут стоить гораздо дороже, чем орех и продукты пчеловодства – вот это и будет часть моего гонорара.

– А какая вам прибыль от того, что этот «колхоз» получит дешёвые автобусы? – Марсель налил себе коньяка, выпил один, и даже не поморщился на этот раз.

– Это мой город, и я хочу, чтобы по нему катались красивые современные автобусы – вот и вся выгода. Душе приятно! Дальше. Ведь за кубик вы получите миллионы и миллионы долларов – за продажу, за патенты, выиграете кучу судов против товарищей, что будут его выпускать нелегально. Вот все эти лишние миллионы миллионов вы будете перечислять в один из французских банков, по вашему усмотрению, на счёт на предъявителя. У меня, думаю, осенью или зимой бу-

дут гастролы во Франции – вот тогда и посчитаемся. Теперь такой нюанс. Вот в этом портфеле, – Пётр достал из-под стола свой резаный счастливый портфель, – лежит ещё десяток предложений, которые по своему финансовому потенциалу гораздо значительнее этой игрушки. Считайте кубик просто проверкой – можно ли с вами иметь дело. На Руси купцы никаких письменных договоров не заключали – ударили по рукам, и всё. Слово купца дороже золота.

Штелле вынул листки с предложениями и раскинул их как карты. На первом был чертёж шарового крана. Потом смесителя. Дальше – одноразовый бритвенный станок. Пластмассовая одноразовая зажигалка. И так далее – всё, что месье и так будет выпускать чуть позже, а кое-что, как, например, пластиковую доску для сёрфинга, опоздает сделать, кто-то там раньше запатентует. Но ведь можно оказаться и впереди этого первого – всё в наших руках. Быстро перелистал перед открывшим рот для отповеди Биком, и спрятал назад в портфель. Марсель ругаться передумал. Опять налил в одну харю не французский коньяк и выхлебал. Волнуется.

– А я как раз опасался вас, месье Тишков. Уж очень непростой вы человек. Известный композитор, теперь вот ещё оказывается и писатель, мэр небольшого города, да ещё и великий изобретатель. Не много ли для одного человека? Не из КГБ ли вы? – Бик снова налил, на этот раз всем.

– И какая же цель у КГБ? – Штелле развеселился.

– Завербовать меня. Сделать вашим осведомителем.

– Сам боюсь этого нашего КГБ. Что ж, давайте прощаться. Жду вас завтра в восемь утра – Лаврушинский переулок, дом 17. Это дом Союза Писателей. Там и заключим договор на книгу. Агентство по авторским правам находится в этом же здании, а напротив, как и сказала Елена Цезаревна, располагается Третьяковская галерея. До свидания.

Событие двенадцатое

Осталось провернуть в Москве два дела. Одно было из разряда трудновыполнимых, второе – почти невыполнимых. А если быть честным с собою, то второе было из области фантастики – и на оба дела всего один козырь. Песня. Та самая, про великолепную пятёрку и вратаря. Пока по просьбе Петра обладающая записью Фурцева её в эфире не запускала, ждала его отмашки. Вот сегодня, если договорится с одним человечком, можно будет отмашку и дать. Человечком был Анатолий Владимирович Тарасов. В первый же день московских гастролей Пётр договорился с Фурцевой, что она, используя свои каналы, устроит им встречу. Екатерина Великая не подвела – сегодня в десять часов Тарасов будет проводить тренировку своему ЦСКА, и заодно пообщается с «этим». Так передала Фурцева.

С «этим»? Ну, а чего хотел? Екатерина Алексеевна при организации встречи упомянула о Петре как о писателе. Тарасов, наверное, думает, что Тишков собирается книгу о хоккее написать. Разочаруем.

На стадион пропустили, и даже проводили на трибуны, где орал на кого-то полковник Тарасов. Кто же не смотрел фильм «Легенда номер семнадцать»? Все, и не по разу. Там Тарасов на себя не похож. Олег Меньшиков актёр великолепный, но совершенно на своего героя не похож внешне –

даже габаритами, что уж говорить про физиономию. Этот был грузен и грозен. Кричал он как раз на семнадцатого номера, но, скорее всего, это был не Харламов. Впрочем, потная красная физиономия и красная же каска могли принадлежать и звезде с испанскими корнями. Не очень большим фанатом хоккея был Штелле, тем более того, который был в далёком прошлом. Того, где наши всех громили, и олимпийские медали были результатом умений, а не счастливым стечением обстоятельств.

– Анатолий Владимирович? – дождавшись окончания очередного «внушения», обратил на себя внимание Пётр.

– Писатель? – Тарасов в запале это почти выкрикнул.

– У вас ведь есть магнитофон? Вон музыка играет.

– Есть.

– Хочу вам одну песню дать послушать, – Пётр достал из портфеля катушку с плёнкой.

– А мне передали, что интервью будешь брать, – усмехнулся тренер.

– Ну что вы! Я детские сказки пишу. Совсем другой у меня к вам, Анатолий Владимирович, интерес. Но сначала поставьте песню, – а что, почему бы не с козырей зайти?

– Ну, пойдём в операторскую. Обещал уделить тебе десять минут – почему бы и песню не послушать.

Через десять минут козырь сработал. Извините, товарищ Пахмутова и товарищ Добронравов. Для вас это просто песня, а Петру нужно было договориться с Тарасовым и его на-

чальством об очень важных вещах.

– Это ведь гимн настоящий. Ты написал? – после второго прослушивания смог оторваться от вида крутящейся катушки тренер.

– Вдвоём с дочерью. Я не большой фанат хоккея, а она каждую вашу игру смотрит по телевизору, – и это было правдой, Вика Цыганова с удовольствием смотрела по небольшому чёрно-белому экрану игры ЦСКА.

– Автограф для дочери нужен? – потянулся к карману Тарасов.

– Автограф? Почему бы и нет. Только всей команды, на нормальном листке, но это потом. А сейчас – можно, я свою просьбу изложу? – Пётр отрицательно махнул рукой, когда оператор начал снимать плёнку с магнитофона. – Это подарок. Владейте.

– Слушаю. Валера, поставь ещё раз, только тихо. Пусть играет.

– Анатолий Владимирович, я Первый Секретарь Горкома КПСС в городе Краснотурьинске. У нас есть команда по хоккею с мячом. Она играет в первой лиге. В середнячках. Хочу сделать её чемпионом. А просьба такая. Я, как только закончится сезон, отправлю к вам на обучение трёх лучших хоккеистов. Они будут с вами тренироваться до начала следующего сезона. Ещё по три человека будут приезжать в начале каждого месяца. Итого за пять летних месяцев на ваших тренировках побывает вся команда. Ну и время от времени

будут тренера наведываться.

– Ха. Звучит как приказ, а не как просьба. И зачем это мне?

– Они привезут с собою кое-какие наработки. Вам понравятся.

– Мне? – Тарасов отстранился и с усмешкой оглядел Петра.

Надо вытерпеть. Слышал же, что характер у полковника непростой. Да и просьба не самая обычная.

– Уверяю вас, Анатолий Владимирович, обузой люди не станут, а нововведения появятся у вас уже на следующий день после того, как вы их увидите.

– У нас ведь разные поля, а значит и требования к спортсмену разные, – начал сдаваться Тарасов.

– Мы потом творчески переработаем то, чему вы их научите. Знаете, что мне сказал, как-то один профессор в институте? «У нас в вузах учат не знаниям, учат получать знания». Вот этим мы под вашим чутким руководством и займёмся.

– А что с начальством? Там ведь одни дураки. Уволить бы всех.

– Да новых дураков набрать, – поддержал шутку Пётр.

– Ха. Метко. Где будут жить, чем питаться, на что в рестораны ходить? – вот и пошла деловая беседа.

– Наша команда «Труд» – это команда Богословского алюминиевого завода, всё содержание спортсменов завод возъ-

мёт на себя. Про рестораны подумаем, хотя они вполне приличную зарплату получают.

– Не до ресторанов будет. Загоняю, – усмехнулся, сдаваясь Тарасов.

– И замечательно! А то я там очень строгие порядки ввёл – кто с похмелья или пьяным приходил на тренировку, пороли в раздевалке.

– Правда?! – и глаза по пятаку.

– Конечно. За свои дела каждый должен отвечать. За дурную голову расплачивается пятая точка. Всё честно.

– Можно своим расскажу? Хотя нет, им ведь вместе тренироваться. Сам введу. Скажу, сверху рекомендовали.

Расставались не друзьями. Разные люди, разные цели, может и не свидятся больше. Расставались деловыми партнёрами. А это, может, и лучше?

Вторая встреча была намечена на двенадцать, и проходить она будет в том же самом кабинете, что и вчера – в ресторане «Прага». Так сказать, совмещение обеда (за счёт Петра) и делового разговора. Всё, как и положено у загнивающих капиталистов.

Пётр пришёл в ресторан заранее. Заказал обед, но пока попросил не подавать – нужно дождаться начальства. Первым пожаловал полковник Петров. Он отвечал в ЦСКА за игровые виды спорта. Сам полковник, скорее всего, раньше был тоже спортсменом – высокий, поджарый и хищный какой-то. О спорте, которым он занимался, красноречиво го-

ворил сломанный и свёрнутый чуть налево нос. Боксёр. Товарищ был в форме, и даже колодки наград имелись. По возрасту вполне могли быть боевые – Штелле в них не разбирался. Ну, может орден Трудового Красного Знамени отличит, и орден Ленина. Первый есть у самого, а красную ленточку второго видел на груди Кабанова.

Полковник был отчуждённо-вежлив. Кто-то по звонку Фурцевой на него надавил, и он вынужден был появиться здесь, и, даже не зная тему разговора, заранее готовился дать отповедь выскочке-провинциалу.

Вскоре подошёл и второй гость. Этот был большой начальник – Георгий Михайлович Рогольский занимал должность заместителя председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. В том числе отвечал за хоккей, и «русский хоккей» хоккеем не считал. Вид не олимпийский, и скорее всего, никогда им не станет – всего три страны им занимаются. Однако развивать надо, где-то сверху принято такое решение. Наверное, подкупило в названии слово «русский». Только что договорились со шведами и финнами о проведении в следующем году чемпионата мира среди юниоров. Развиваемся. А ещё принято решение о создании в следующем году федерации хоккея на траве. Вот это олимпийский вид, и правила очень похожи на правила «русского». Летом пусть играют в хоккей на траве, а зимой в «бенди», как его называют шведы.

Познакомились, пригубили водочку в немаленьких сто-

почках. Отдали должное ухе – хотя Петру и не понравилась. Жидковата.

– Пётр Миронович, давайте уж, делитесь этим своим «замечательным предложением». Так мне сказали. Не обманули? – Рогульский демонстративно посмотрел на часы.

– Официант! – мужчина подошёл. Пётр, готовясь к встрече, переговорил с директором, что, когда он даст отмашку, поставят песню. Время настало.

Звук был вполне. Может, чуть громковато – настроена аппаратура на вечерний шум подвыпивших гостей. Только, может, это и неплохо.

– Правда, ты написал? – Петров порывисто встал и, приподняв, обнял Тишкова. – Молоток. Ничего лучше не слышал. Великая вещь.

– А ведь и вправду великая, – похлопал по плечу Петра и Рогульский.

– Может, по стопочке за это дело? – разлил водку Штелле.

– Непременно. Спасибо тебе, Пётр, за песню от всего советского хоккея, – Рогульский выпил залпом, занюхал рукавом и внимательно оглядел Тишкова, – Что ж, давай излагай своё предложение. Надеюсь, оно не хуже песни.

– У нас в городе Краснотурьинске есть команда по хоккею с мячом. Называется «Труд». Первый год играет в первой лиге. Сегодня у неё последний матч с «Енисеем», но вне зависимости от результата команда займёт восьмое место, – Пётр этим достижением вполне гордился, ведь в реальной

истории место было двенадцатое.

– Как же, знаю. В конце сезона словно подменили команду, всех фаворитов бьёт. Обратил внимание, – Георгий Михайлович потянулся за хлебом и рукавом пиджака уронил рюмку – хорошо, что пустую.

Пётр поднял и налил по третьей.

– Хочу выпить за успех другой команды из Краснотурьинска. Вчера мне позвонили и сообщили, что наша команда ДСШ на чемпионате СССР в Северодвинске стала чемпионом, – а ведь в его прошлом они только серебро взяли. Коньки другие, два месяца занятий с утяжелением, и самое главное, общий победный настрой.

– Точно. Я ещё удивился – и тут все гранды биты. Что ж, за это можно и выпить, – Рогульский чокнулся со всеми и опять залпом опорожнил рюмку, – Предложение-то в чём? Выпить за успех молодёжи? – и посмеялись все.

– Предложение вот такое. На базе этой команды ДСШ создать в Краснотурьинске команду второй лиги «СКА-Маяк». У нас две зоны в городе – детская и строгого режима. Ребят призвать в армию, и пусть числятся на этих зонах, а играют на нашем стадионе. Ужмёмся, зато сразу куча плюсов для города. Молодёжь поиграет два года в «Маяке» и вернётся в родной «Труд». Ребята служить будут дома. На стадионе матчей в два раза больше будет проводиться.

– Стой, Пётр Миронович! Там ведь есть чемпион страны, свердловский СКА. Ребята и там служить могут. Зачем же

ещё одну команду городить? – задал совершенно правильный вопрос Петров.

– В следующем году Свердловск не будет чемпионом. Будет краснотурьинский «Труд», – Штелле подождал, пока хоккейные начальники отсмеются, и предложил. – Давайте пари. Если чемпионом будет не «Труд», то я вам каждому покупаю 21-ю «Волгу». Если любая другая команда. А вот если «Труд», то вы вдвоём покупаете такую же машину мне. Как предложение?

– Так уверен? Две «Волги» – это ведь двенадцать тысяч рублей, дак ещё поди купи, – почесал затылок полковник Петров.

– Я писатель. На днях выходит моя книга. Денег мне хватит, но они и не понадобятся – чемпионом страны будет «Труд». Продолжу о плюсах. Со следующего года служить будут не три года, а два. Уж поверьте, Информация достоверная. Туго придётся свердловчанам. А «Маяк» за год выбьется в первую лигу, а там и в призёры. Что вы теряете? Дом для игроков я построю. Стадион есть. Нужно только на двадцать человек увеличить количество военнослужащих в двух зонах, по десятку на каждую. Ерунда ведь! Ещё из плюсов – я собираюсь летом тренировать команду в хоккее на траве. Пора СССР и в этом виде спорта медали на олимпиадах и чемпионатах мира завоёвывать. Вот две команды будут пока между собой играть. И только один минус: двадцать ребят за один год не набрать – но ведь есть ДСШ «Уральско-

го Трубника». Кроме того, очень неплохие ребята есть в соседнем городе Карпинске, там играет команда «Шахтёр». С вашей-то помощью всё и сладится.

– Нда, Пётр Миронович, есть над чем подумать. Наобещал золотых гор, – Анисимов почесал переносицу и сам наполнил рюмки по четвёртому разу. – И про «Волгу» надо подумать. Не одолеть новичкам многократного чемпиона страны. А давай забьёмся! Как ты, Иван Фёдорович? – протянул Рогольский рюмку полковнику.

– А давай. И команду тоже создадим. Про хоккей на траве давно разговоры ходят. Посмотрим, что у тебя получится, а в середине 68-го года устроим товарищеский матч с индийцами. Они к Олимпиаде готовиться будут. Съездим с визитом дружбы и проверим твои обещалки. Ну, вздрогнули!

Событие тринадцатое

А что? Очень продуктивно покатался. Самолёт вылетел из Домодедово строго по расписанию – уже радость. Неожиданно для середины марта повалил снег, прямо как из мешка сыпанули. Многие рейсы задержали. Пётр с бугаями уже искали, куда притулиться в переполненном аэропорту, но, к счастью, снегопад вдруг остановился. Весь мешок высыпался. Забегали снегоуборочные бульдозеры, или как там эти машины называются, и рейсы стали отправлять один за одним, так что к отправке борта на Свердловск ситуация уже выровнялась, и самолёт полетел, как и положено – время на билете указано. А вот интересно, написал уже Высоцкий песню про «стюардессу, Мисс Одессу»?

Поспать в полёте не дали – принялись кормить. И не откажешься, коситься начнут. «Обычай». Пришлось чуть тёплую курицу со слипшимся рисом жевать. А вообще, устал. Четыре дня сплошных договоров и поездок по Москве-матушке. Даже без пробок Москва утомляла. Все несутся, как угорелые, очереди куда ни ткнишь. Хотел в воскресенье сходить в Мавзолей, а там тысячная толпа. Всё, как и через пятьдесят лет, только китайцев в очереди нет – однако от этого она, эта очередь, ни на одного человека короче не стала. Пришлось зайти в Кремль через Александровский сад, походить вокруг Царь-пушки и треснутого колокола. А потом махнул Пётр в

зоопарк. Надо будет хоть небольшой в Краснотурьинске организовать. А что, есть ведь очень неприхотливые и холодоустойчивые животные. Северный олень, як, овцебык, да и верблюды в монгольских степях зимой тридцатиградусные морозы переносит, да там же, в Монголии есть дикие лошадки. Ещё не вполне зоопарк, но детишки будут яков кормить и кататься на них. Будет у них в старости на одно хорошее воспоминание больше.

У Штелле теперь тоже. Встречу с Марселем Биком в доме Писателей с начальством этих самых писателей и юристом забыть будет непросто. Ещё в пятницу вечером Пётр поднялся к Вере Васильевне Смирновой и рассказал такую историю. Ну, он же сказочник, вот почти сказочную и выдумал. А как ещё объяснить появление капиталиста, желающего непременно в субботу рано утром заключить договор о выпуске «Буратино» во Франции огромным тиражом?

История получилась такая. Приехал, значит, «владелец заводов» в Москву погулять по Третьяковской галерее, а заодно и по центру столицы Красной империи. Вот гуляют они с переводчицей Элен по Калининскому проспекту, а там видят – у книжного магазина очередь. Встали – вдруг что интересное? Ну и купили книжку Петра Тишкова «Буратино ищет клад». Элен вечером прочитала и перевела Марселю. Ему понравилось, и решил тогда господин Бик осчастливить детей во Франции. Несправедливо ведь – у русских детей есть такая замечательная книга, а у несчастных французи-ков

нет. Он ведь, месье Бик, всегда горой за справедливость. И подходят они, значит, к дому Писателей, а там стоит мужчина, Элен его и спрашивает, а не знает ли он господина Тишкова?

– Так я и есть товарищ Тишков, – отвечает господин.

– О, это есть карошо, – говорит месье. – Мы сейчас же идём заключать договор.

Вот и пришли. Правда, на следующий день, но утром. Ну, так себе история. Даже не на тройку. Но ведь не правду же рассказывать товарищу Федину. Он, конечно, человек неплохой, и к Петру расположен вполне доброжелательно, но ведь если сказать, что барона Бика вызвал в Москву сам Пётр, то непременно доложит куда следует. А что из этого последует? Да мало чего хорошего. Пусть лучше будет на одну сказку со счастливым концом больше.

Дальше все присутствующие и правда в сказку попали. Идёт себе потихоньку заключение этого самого договора, и пока печатали черновик, и спрашивает Вера Васильевна, а какой тираж планирует месье.

– О, книга кароший, тираж будет много. Один Миллион!

– Мать твою, – говорит Константин Федин.

– Твою мать, – откидывается на стуле Смирнова.

– Мать жеж твою жеж! – вскрикивает юрист. – Сколько же гонорар?

– О, немного. Один Миллион! – Бик, машет ладошкой. – Или Два Миллион! Долларс!

– Твою мать! – говорит Федин.

– Мать твою! – сползает со стула Вера Васильевна.

– Долларс!?! – говорит юрист.

А если честно, то почти так и было. И у всех глаза квадратные.

– Почему не франки? – задаёт правильный вопрос юрист, кажется Павел.

– Долларс больше франки, – объясняет непонятливому Элен.

Провожали Петра из кабинета Федина в молчании. А он и не собирался с ними рассусоливать, у него через полчаса встреча с Тарасовым. Успеть бы.

Ну да что всё о себе да о себе? На соседних сиденьях уплетали курицу земляки-бугаи. Тоже не зря ведь скатались – тёзка-танкист вёз домой бронзовую медаль РС «Труд», а, значит, ещё и на ЦС (центральный совет) «Труда» поедет. Чем чёрт не шутит, ещё и призёром всесоюзного первенства станет, а там и до настоящего чемпионата страны недалеко. Отличился и бывший старшина: Кошкин вёз в чемодане целых две медали. Бронзовую завоевал в своём весе, а в абсолютной категории умудрился серебро отхватить. Проиграл он одному и тому же дагестанцу, только жребий лёг по-разному. В первом случае чуть раньше на него вышел – в полуфинале, потому и бронза.

– Я его на ЦС уделаю, – пообещал Вадим, показывая медали, – понял его слабое место. Он только в партере силён.

Подниматься нужно сразу. По броскам выигрывать буду.

ЦС будет через три недели в Челябинске, и это хорошо. Пётр ведь собирался забрать клад из этого промышленного гиганта – вот и замечательный повод съездить. Бугаи и подстрахуют.

Событие четырнадцатое

В Свердловске до вечера делать было абсолютно нечего – ну, разве что зайти ещё раз в редакцию «Уральского рабочего», окончательно утвердить рисунки к книге. Уже в самолёте у Петра созрел план. А почему бы не скататься в Богданович и не взглянуть воочию на процесс производства отечественного фарфора? На фарфоровом заводе Штелле был – ездили с женой в Карловы Вары, и там была экскурсия на завод, что выпускает знаменитый чешский розовый фарфор. Розовый цвет – это не краска, а естественный цвет глины. Марганец, наверное, со своими солями поучаствовал, или ещё возможны соли кобальта. Ну, поразбираемся ещё. Может, ту же глину купим у дружественной Чехии – пока ведь ещё больше года до Пражской весны. Хотя и она не помеха, там быстро с помощью немецких друзей порядок навели. При этом чешские студенты не столько русских танков испугались, сколько бравых немецких зольдатен из ГДР с закатанными рукавами. Свежи воспоминания о войне, даже если на той войне не был.

Глава облисполкома Борисов выделил личную «Волгу» и дал сопровождающего для поездки в Богданович. Дорога была ужасна, колдобина на колдобине, да ещё два раза стояли чуть не по полчаса у переездов. Пётр был через пятьдесят лет в Богдановиче. Дорога стала вполне нормальной, а вот

переезд на подступах к городу никак не изменился – всегда пробка. Неужели нельзя построить эстакаду и проезжать над железнодорожными путями, или под ними?

А завод ужаснул. Бардак, грязь, темнота. Лампочки жалуют? Или не успевают менять? Горят от стыда за горе руководителей. На рабочих местах в основном женщины, они же и тяжеленные подносы с готовой продукцией в печь волокут. Печи вообще потрясли – убожество с неплотно закрывающимися, кривыми дверями. Тарелки кривые, чашки с провисшими дужками, раскраска ужасна. Понятно, что и это убожество купят – сейчас в стране всего дефицит, и это дерьмо уйдёт. Но директора надо выпороть – до такого состояния производство довёл. Был и участок, так сказать, «премиальной продукции». Те же тарелки и чайные сервизы, только чуть качественнее раскрашенные. И никакого костяного фарфора – обойдётесь, дорогие земляки.

Пётр даже не стал спрашивать директора, мол, а почему вы, уважаемый, не делаете костяной фарфор. А зачем ему это надо? Всю продукцию и так сметают с прилавков, ещё и очередь стоит. А с костяным ведь морока. Пётр читал, что у китайцев в те времена (до исторического материализма) выход годного был очень невелик. Одна ваза из десяти получалась – то есть, десять процентов. Да, за такой выход годного любого руководителя предприятия сразу снимут, да хорошо ещё, если не посадят. Стоит ли связываться?

А вот мы свяжемся. Нужно будет по приезду сразу создать

контору «Рога и Копыта». Именно с этим названием. Пусть будет достопримечательность в городе. Будем собирать у населения кости крупные и эти самые рога с копытами. Пережжём, получим костную золу, и вперёд. Наверное, химики могут подобрать состав этой золы и получить её более промышленными способами. Какие-то фосфаты, кажется? Будет и дешевле, и чище. Но нельзя! У нас будет эксклюзивная посуда по восстановленным древним технологиям. Ещё и за границу впарим. Хотя, сначала надо жителей города обеспечить.

Вот есть поговорка, что театр начинается с вешалки. Пётр за время работы на разных предприятиях, плюс командировки, уяснил, что судить о руководителе можно по туалету. Зашёл. Сломанные дверки кабин, подтекающие краны, разбитая метлахская плитка и разбросанная использованная бумага, в смысле – газеты. Нет, директора не пороть, а переводить в мастера надо. Не на своём месте человек. Как бы не намаяться с ним при совместном производстве. И чего? Перевоспитывать? В пятьдесят лет? Нужно будет обдумать.

Так незаметно под эти планы Пётр и уснул в поезде. Обл-исполкомовская «Волга» довезла прямо до вокзала. Устроились, попили чаю с пряниками, и спать. Завтра рабочий день.

Вторник – день почти спокойный, так, одно совещание с работниками общепита. Поговорили, в том числе о переходе на пятидневку. Боятся, что если будет два выходных, то с планом не справятся. И ведь не зря боятся! Четыре, а то и

пять суббот в месяц. Шестая часть этого месяца, то есть как минимум пятнадцать процентов. Что делать? Не знал пока Пётр, и директора не знали. Одна только идея была. В городе есть пельменная, так в субботу и воскресенье она всегда полная. Идут семьями. Стоят огромную, почти часовую очередь. Почему бы несколько столовых не превратить по субботам и воскресеньям тоже в пельменные? И в настоящей очереди уменьшится, и людям будет куда сходить, и выручка поднимется. Обещали подумать. Пельмени ведь лепить надо. Мясо опять-таки выделяется совсем не на них. Ну, для того и собирались, чтобы думать.

А после обеда Пётр заглянул в Сбербанк. Вспомнил он, что одно время собирал монеты, нумизматом был. Был, пока работал, потом ушёл на пенсию, и денег на это недешёвое удовольствие не стало. Но ведь теперь деньги есть – и, самое главное, те монеты, которые потом будут стоить тысячи и даже сотни тысяч рублей, сейчас можно достать если не за копейки, то точно за считанные рубли. Вот со Сбербанка и начал.

– Вера Николаевна, – обратился он к директору, – вы ведь пересчитываете мелочь и упаковываете в мешочки?

– А что, где-то выявили недостачу? – сразу же насторожилась женщина. Может, не зря?

Что-то он слышал в прошлом-будущем про то, что вместо двухсот монет в мешочки отсчитывали на пару монет меньше. Или это из какого-то фильма?

– Нет. У меня к вам личная просьба. Могли бы бухгалтеры, или как эта профессия называется, отбирать для меня монеты выпуска до 1961 года? Хочу коллекционированием заняться.

– Так это только медь, – успокоилась Вера Николаевна.

– А случайно попавших к вам гривенников или пятнашек не бывает? – поинтересовался Пётр. И не зря.

– Есть. Их актируем. Даже сейчас у меня в сейфе пара десятков есть. Могу обменять по номиналу.

– Замечательно. Так договоримся? Пусть девушки копечки и тройки всякие с пяточками отдельно собирают, а я потом выкуплю. А ещё, Вера Николаевна, что вы знаете о монетах выпуска 1958 года? Они к вам поступали?

– Нет. Слышала только, что в Москве их в сберкассы завезли, а на следующий день изъяли. Все переплавили. Девушкам по меди команду дам.

Именно про монеты 1958 года Штелле в Москве и вспомнил. Хрущёв тогда к денежной реформе выпустил монеты номиналом рубль, два, три, и даже пять рублей. Только реформу отложили на пару лет, и все наштампованные монеты переплавили – ну, почти все. В будущем их цена будет колебаться от ста до трёхсот тысяч рублей за штуку. А вдруг попадётся монета в две копейки 1927 года? В 2020 году она будет стоить сто тысяч! Почему бы не вложиться сейчас? Ну, нет в сберкассе – будем искать у нумизматов. В Краснотурьинске эти товарищи, наверное, есть, а вот та-

ких монет у них на продажу, скорее всего, нет. Зато ведь у него есть один знакомый гражданин, который вращался среди коллекционеров. Теперь он «переквалифицировался в управдомы». Шутка. Теперь Марк Янович Макаревич, в девичестве Петуш, председатель колхоза «Крылья Родины». Спросим у него.

Событие пятнадцатое

– Вовремя. Пока вы в Москве прохлаждались, мне знакомый один звонил. Его дядя продаёт коллекцию советских монет. Там полно раритетов, есть и монеты 58 года. Но они не самые ценные – есть пробники первых монет. Их и выпускали всего по несколько штук, чтобы показать в наркомате. Одним словом, стоимость коллекции тысяч тридцать – сорок, но у этого дяди какие-то проблемы у родственников в Израиле, и ему срочно нужны деньги. Продаёт он только всю коллекцию, за двадцать пять тысяч. Пока покупатели думают, – Марк Янович с сомнением, чуть наклонив голову к правому плечу и изобразив большие глаза, смотрел ими на Петра.

Да, не может быть у Первого Секретаря Горкома КПСС таких денег. Так это у Секретаря! А он – писатель. Конечно, деньги и другие имеются, и скоро, то есть 1 апреля, будет розыгрыш облигаций, а потом, в принципе, можно часть обналичить, но писательские деньги ведь и на самом деле есть. Их без малого двадцать тысяч. Два гонорара в Москве в сумме на пятнадцать, и пять из издательства «Уральский Рабочий» за ту же «Буратину». Плюс могли уже немного и за песни перевести – тот счёт Пётр ещё и не проверял. По радио крутят цикл к 8 марта, по телевизору несколько раз концерт показывали. Могли и заплатить авторские, хотя, на-

верное, это так быстро не происходит. Значит, стоит вопрос о доставании пяти тысяч. Есть «Москвич» на продажу. Более того, его давно надо продать, ведь жена думает, что шуба куплена на эти деньги. Машина неновая, без малого десять лет ей. Ну, с неё и начнём, да добавим из заначки. Там как раз чуть больше тысячи осталось.

– Марк Янович, если мне продать «Москвич», то денег хватит. Я ведь гонорары за книгу получил. Звоните этому «дяде», берём коллекцию. Только нужно с машиной разобраться. Надо ещё найти покупателя.

– Не нужно искать. Пчеловод мой один ищет машину, как раз «Москвич».

– Поговори. А что с посылкой от швейцарского друга?

– Тоже ведь вовремя спросили – завтра нужно ехать в Карпинск и забирать контейнер. А послезавтра опять туда – «Волги» пришли.

– Ну вот – не было ни гроша, да вдруг алтын, как кому-то сказал Островский. Займётесь с Петром? От меня помощь нужна? – Петру, понятно, светиться-то особо было нельзя – и так с этими собаками на всю область прогремел. Выпороть бы этого доктора. Ведь уже восемь детей выздоровело. Чего вот ему спокойно не сиделось? Ладно, обошлось, но ведь в любой момент теперь припомнят. Нужно обязательно вылечить жену Героя Социалистического Труда, тогда эта собачатина огромным козырем станет. И нужно завтра наведаться в тубдиспансер, узнать, как обстоит дело с этим дефицит-

ным теперь на Северном Урале мясом. Как бы и в Тагил не пришлось охотникам ехать.

В целом день прошёл нескучно. Уже домой собирался, когда позвонил телефон.

«Говорит Москва». Звонила Вера Васильевна Смирнова. С ней час назад связался барон Бик и задал вопрос. Она с этим вопросом сходила к Федину, потом вдвоём посоветовались с юристом, и вот теперь она набрала товарища Тишкова. Господин-месье Бик обговорил в издательстве «Грассе» с его хозяином Бернаром Прива выпуск книги Петра с игрушками, и они сошлись во мнении, что стоит попробовать. Есть только одно «но»: книга Петра – это продолжение. Причём продолжение не «Пиноккио», известной на западе книги, а переделанной Алексеем Толстым сказки «Буратино». В текстах серьёзные различия, как и в героях. Чтобы печатать продолжение, нужно сначала напечатать саму сказку. Только Алексей Николаевич Толстой умер, не дожив пары месяцев до Победы.

– Ну, в чём же проблема? Есть сказка, есть, наверное, наследники. Можно с ними договориться, – не понял проблемы Пётр.

– Конечно, Пётр Миронович – есть даже хороший перевод на французский, и небольшим тиражом книга году в пятидесятом во Франции издавалась, но барон Бик хочет, чтобы литературно обработали Пиноккио именно вы.

– Интересный поворот. Вера Васильевна, вы же знаете,

что мне некогда. Я ещё месяц, а то и два на «Рогоносца» потрачу. А потом, даже если и возьмусь, то ещё несколько месяцев. И не факт, что получится лучше, чем у Толстого, – начал отрещиваться Штелле.

– Я уже поговорила с последней женой Толстого Людмилой Ильиничной Крестинской-Баршевой. Она согласна выпустить книгу в соавторстве с вами. Идея в том, чтобы вставить туда несколько песен и чуть изменить сюжет, чтобы ваша книга естественнее вытекала из самого «Буратино». Записывайте её номер телефона, – Смирнова продиктовала цифры, – Да, забыла сказать, Людмила Ильинична – вполне состоявшийся писатель, именно она написала сценарии к мультфильму и художественному фильму. Уверена, вы подружитесь. Ей ваше продолжение понравилось, она даже согласилась написать вступление ко второму изданию.

Пётр попрощался с неугомонной старушкой и задумался. А ведь мысль интересная. Есть, вернее, будет, замечательный фильм, вышедший где-то в середине семидесятых годов, и там есть несколько песен. С помощью Вики вспомнить их вполне реально. Бедный Булат Шалвович, опять останется без своих лучших песен. Зато можно не опасаться, что Окуджава их уже написал. Насколько помнил Пётр, сочинял он тексты чуть не из-под палки – заставлял режиссёр Леонид Нечаев. Вот и обойдёмся без палки. Заодно с Викой-Машей нужно обсудить и одну интересную переделку. Пётр во время поездки в Москву вспомнил одну зажигательную песню

из будущего. Переделать – раз плюнуть, зато космический хит будет убойным. А ещё нужно переговорить о песне Высоцкого «Марш космических негодяев». Песня уже написана, и, конечно, для трансляций, что по радио, что по телевизору не подходит. Хотя бы из-за строчки «как с горы на собственном заду». Но ведь если чуть подправить текст и уговорить на это Высоцкого, то песня будет недурная. Что нам стоит заменить «заду» на «звезду». Например: «чтоб открыть нейтронную звезду», или там «сверхновую». Нужно переговорить.

Глава 3

Событие шестнадцатое

Где взять таких людей? Вернее, наоборот. Куда денутся эти люди? Что это? Бедность? Привычка? Большинство ведь выходцы из крестьян, а родители-пенсионеры – просто крестьяне. Тем не менее, исчезнут такие люди через пятьдесят лет, а вместе с ними исчезнет и великая держава. Останутся одни наёмные рабочие, мерчандайзеры, мечтающие всё поделить, и олигархи, мечтающие всех ограбить до нитки. Но тут вам не там. Тут эти люди – вот они. Тысячи. Тысячи людей, стоящие в очередь на получение заветных шести соток.

Получив кусок болота, или, в лучшем случае, кусок леса, они, потрудившись свои восемь часов, порой на очень тяжелой работе, ломанутся в переполненные автобусы, почти раздавленные и еле живые, доберутся до выделенного участка и начнут корчевать и осушать, сжигать и завозить, копать и полоть. Из какого попало материала, где сворованного, где добытого, где и купленного, построят хибарку, соорудят теплички, понаделают грядок и будут счастливы. Будут ждать воскресенья, а с июля – и субботы, чтобы опять на целый день встать раком и пахать, как трактор, перекусывая хлебом с варёной картошкой, и, с того же июня, пучком лука.

Великие труженики великой страны, не исчезайте. Не превращайтесь в сидящих за компьютерами в «одноклассниках» лентяев, мечтающих выиграть в лото миллиард. Не надо. Оставайтесь. Хоть в этом маленьком городе. Оставайтесь тружениками!

Совещание длилось уже третий час. Воз, что даже не удивительно, был почти на прежнем месте. Среда. Обычная строительная оперативка в горкоме партии. Строительство только необычное – дачное. Вопрос, который Пётр попросил подготовить директоров предприятий города, был всего один: сколько человек у вас желают получить 6 соток? Оказалось, что если всё сложить, то получится цифра в пять без малого тысяч желающих. Много.

Готовясь к совещанию, Пётр достал карту города и прилегающих лесов и болот и попытался отметить на ней места, где в будущем появятся садовые товарищества. Потом вызвал всех руководителей, более-менее связанных с прокладкой трубопроводов. Сад – это ведь не просто куски земли. Если нечем поливать, то ценность этого куска земли стремится к нулю. Ну, картошка вырастет. Рек вокруг полно, главное – подать воду по трубе в сад. Вместе додумались и до котлованов, где вода должна накапливаться. Плюс, чтобы качать воду, нужно электричество. Нужны насосы. Ну, хоть тут не так тяжело, как какому-нибудь московскому садовому товариществу. Есть Богословский алюминиевый завод, там выпускают и ремонтируют большую линейку насосов.

Вот сейчас уже третий час подсчитывали, во что выльется каждому предприятию организация товарищества. А ведь крупным предприятиям одним и не обойтись. Наверное, среди этих пяти тысяч желающих почти половина – повторы. Муж и жена подали заявления в разных организациях, и ждут, у кого очередь подойдёт первой. Но даже три, скажем тысячи участков – это как минимум восемь садовых товариществ, к которым нужно тянуть трубопроводы, линии электропередач, копать там котлованы. На берегу реки строить насосные станции, и их потом обслуживать. Кое-куда и дорогу прокладывать надо. А где на всё это взять деньги? Да ведь и вопрос денег оказался не самым главным. Столбы электропередач где купить? Где взять километры труб? Алюминиевую проволоку? Где грейдер? Огромное количество досок для строительства заборов?

Пётр записал все вопросы, озадачил директоров сверкой очередников и проработкой со снабженцами озвученных хотелок, да и распустил народ на обед. Через неделю снова совещание по дачному строительству.

А ведь уже имеется почти десяток садовых товариществ, и большинство без воды и электроэнергии. Зато танков делаем больше всех в мире. И даже лучше всех. И самолётов, и ракет. И кораблей. Военных кораблей. Надо? Безусловно. Но ведь и сады для людей – надо.

На следующий день опять совещание по сельскому хозяйству. Точнее, по одной его маленькой частичке. А вот ин-

тересно, есть отдельное слово для этого вида деятельности? Есть ведь овцеводство. Есть заслуженные картофелеводы, одна вон напротив сидит. Лесовод? Ну, ладно, пусть будет лесовод-озеленитель.

План был такой. Нужно избавиться от всех посаженных в городе тополей. Успели предшественники немало – так ведь, кроме того, есть ещё целый питомник на другом берегу водохранилища, и там к посадке в этом году подготовлен ещё десяток тысяч этих деревьев, и вон директор питомника докладывает об этом с заслуженной гордостью.

– Иван Андреевич, а мы можем продать эти саженцы в соседние города? А ещё лучше – поменять на берёзы, или какие другие растения, – Рябков – директор питомника, выпучил глаза.

– А мы-то что сажать будем?

– А мы будем сажать кедры, рябины, осины, берёзы, лиственницы, даже пихты с елями будем сажать, – Пётр посмотрел на заведующего ГОРОНО.

– Где же всё это взять? В лесу? – плюхнулся на место директор питомника.

– Именно в лесу. Мы вот попросим Трофима Ильича подключить к этому всех школьников старше десяти лет. Нужно в этом году занятия завершить на неделю раньше, и эту последнюю неделю учебного года проводить в школах только два урока – труда и природоведения. Приносят школьники утром из дома лопаты и вёдра и идут в лес. Или едут в

лес. Транспорт попытаемся хоть частично выделить. Там под присмотром педагогов и пары родителей выкапывают молодые деревца и в вёдрах доставляют к заранее отведённому им месту. В это время другой класс там уже выкопал ямки и заготовил воду для полива. А ещё, исключительно для кедров, нужно уже сейчас на уроках труда изготовить таблички с колышками. На табличке после того, как колышек забьют в землю рядом с саженцем, учитель напишет: «Ответственный за кедр ученик 7 „Б“ класса Иванов Иван».

– А если детей в лесу клещи покусают? – недовольно пробурчал главный горонист.

– Возможный вариант. Поэтому будут взрослые, и нужно организовать потом осмотр. Мальчиков проверит мужчина – трудовик, физрук, кто-то из родителей, а девочек осмотрят классный руководитель и чья-то мама. Но вы не дослушали. 1 августа специальная комиссия осматривает посадки, и лучшие тридцать человек, те, у кого больше всего кедров в ответственности, и чьи деревья в хорошем состоянии, получают путёвку в «Артек». Скажем, штук тридцать путёвок.

– И где же их взять? Нам на всё лето приходит пара штук, а то и всего одна, – махнул рукой завГорОНО.

– Я постараюсь добыть. Сегодня же займусь. Теперь о взрослых. План тот же – людей организовать и отправить в лес. Наверное, в окрестностях Краснотурьинска не очень много молодых кедров, так что нужно ехать дальше, в сторону Североуральска. У многих предприятий есть техника,

доберутся. Здесь нужно тоже предусмотреть соревнование по посадке максимального количества кедров. Пусть наш город будет вечнозелёным. Сразу вырубать тополя не будем. Нужно под каждый посадить маленький кедр, а когда он чуть подрастёт – вот тогда с тополем и разделаться. Иван Андреевич, а вы в своём питомнике прекратите сажать тополя – сажайте липы, вязы, ясени. Эти деревья должны у нас перезимовать. Ну, и кедры сажайте. Понимаю, что тополь растёт быстрее кедра – только вот когда тополь вырастет, он половину лета будет резко ухудшать жизнь краснотурьинцам. Сначала засыплет всех клейкими чешуйками, потом завалит серёжками, а конце концов весь город будет чихать от пуха. А ведь у многих на него аллергия, они просто носа из дома не смогут высунуть. Кедр же вместо вредного пуха даёт полезные орешки, и пусть мы с вами и не дождёмся урожая, зато дождутся внуки, и будут умным руководителям прошлого спасибо говорить и смеяться над серовчанами, что купили у нас рассаду тополей. Есть вопросы?

Вопросов набралось прилично. Ну, для того и собирались. Заодно и ещё один интересный момент обсудили. Нужно при отправке детей в лес выдавать им по горсточке кедровых орехов – пусть закопают в землю. И пусть взойдёт только пара процентов, и пусть доживёт до взрослого состояния пара процентов от этих, но если так делать ежегодно, то со временем Краснотурьинск будут окружать кедровые леса – а ведь это гораздо полезней, чем сосновые. Потянутся животные –

белки, бурундуки, за ними – куницы и соболя. Если охоту запретить, то со временем будет настоящий заповедник, о котором где-нибудь на пляже в Сочи или Севастополе горожане будут рассказывать случайным пляжным знакомым, а те – завидовать и ругать руководителей своего Урюпинска.

После окончания совещания по окедриванию города Пётр засел за телефон. Раз обещал путёвки, то и достать их нужно, а это – проблема. «Артек» один, а Петров много, и всем надо. Ну, у него чуть больше возможностей, и ещё желания гораздо больше.

До первого дозвонился только после обеда. Заняты люди, не сидят в кабинетах. Был этим первым товарищ Мкртчян. К нему кроме путёвок имелся и ещё один вопрос, было и чем заинтересовать. Среди песен, что Пётр зарегистрировал в ВУОАПе, было несколько вещей, которые вполне подходили для ресторанов. Один только «Миллион алых роз» чего стоил. А «Мадам Брошкина» из репертуара той же Пугачёвой? Для ресторана убойная вещь. Ну а «Настоящий полковник»? Чем не хит?

– Дорогой Пётр Миронович, я ведь не в министерстве работаю. Поузнаю, но тридцать путёвок не обещаю. С сапогами тоже попробую помочь. Вы через пару часов будьте у телефона, перезвоню.

Правильно, Пётр до кучи и ещё одной просьбой директора рынка озадачил. Для номера с Гагариным нужно одеть певиц и бэк-вокалисток в платья в стиле «милитари» и сапоги-бот-

форты. Платья уже почти готовы. Материал в Свердловске сделали, рисунков они с Викой целый ворох родили. Сейчас швейная мастерская полным ходом эту продукцию выдаёт, как и костюмы для Гагарина и музыкантов. Удивим страну.

Перезвонил Петрос чуть раньше.

– Ух, столько сегодня улыбался, что теперь год с кислой физиономией ходить буду, – с армянским акцентом пожаловалась чёрная телефонная трубка.

– Получилось? – не стал участвовать в южном многословии Пётр.

– Шесть путёвок на третью смену, она начинается 4 августа, и три пары сапог с киностудии «Мосфильм». Там сейчас закончили снимать какой-то исторический фильм.

– Ты просто волшебник, дорогой товарищ Петрос! – вот теперь красивых оборотов не жалко.

– Вай, ты бы знал, Пётр Миронович, сколько я волосков из бороды вырвал! – засмеялась трубка.

– Как бы сапоги быстрее получить? А то скоро и не нужны будут, – снова перевёл Тишков разговор в деловую плоскость.

– А мне песни как? – опять заржала трубка.

– Проблема, – вслух задумался Штелле.

– Какая проблема! Я сегодня же отправлю в Свердловск самолётом Акпера, а ты отправь туда своего человека. В аэропорту поменяются. Акпер отдаст сапоги, твой человек плёнки с песнями и ноты. Хорошо придумал?

– Нет, ты точно волшебник, уважаемый Петрос. Слушай, так ведь и не узнал твоего отчества.

– Мушегович. Моего отца звали так же, как и отца Фрунзе, или Фрунзика. Он Фрунзе Мушегович, я – Петрос Мушегович.

– Хорошо, Петрос Мушегович, мой человек в десять утра будет завтра стоять у входа в аэровокзал и в руках держать... – а что держать?

– Нет. Акпер будет стоять и держать сетку с мандаринами. Договорились?

– Договорились, – ну вот, лиха беда начало – уже шесть путёвок есть.

Между этими двумя разговорами дотянулся и до второго потенциального донора. Естественно, товарищ Фурцева. Екатерина Алексеевна хмыкнула и спросила – а Луну с неба не достать?

– Екатерина Алексеевна, вы ведь слышали такую фамилию – Высоцкий? – начал разыгрывать отвлекающую комбинацию Пётр.

– Только не говорите, что он споёт песню «Марш космических негодяев», – прозвучало почти зло. Оказывается, и правда, что умным людям хорошие идеи приходят в голову одновременно.

– Значит, слышали? Екатерина Алексеевна, я частично переписал его текст. Убрал кое-что, вставил более удобоваримые строчки. Нужен Высоцкий. Пусть послушает. Ес-

ли удастся его уговорить на мои исправления, то это будет «Марш покорителей звёзд». И нас с вами будут помнить только из-за этой песни, скажем, лет через сто.

– Там ведь ещё Юрий Петрович Любимов.

– Не любите любимого миллионами Любимова? Правильно. Это не искусство, это позёрство. Только не совершайте ту же ошибку, что и с Солженицыным. Приласкайте, дайте премию, назначьте во всякие советы и комитеты. Увидите, ажиотаж схлынет. У нас любят невинно страдающих и ненавидят любимчиков.

– А долго ждать? – а ведь сильно обижена на Любимова.

– Начните хвалить в газетах. Поставьте в пример другим режиссёрам.

– Змей ты, Пётр Миронович. Пять путёвок в «Артек» и пять в «Орлёнок» попробую достать. Высоцкий завтра позвонит в десять утра. Да, Пётр Миронович, это правда, что француз тебе больше миллиона долларов посулил?

– Думаю, намного больше.

– Выгнать, что ли, мужа? Женишься на мне? Школу, как Шолохов, откроешь? – нда, не любят в нашей стране и богатых.

– Детскую больницу.

– В одиннадцать перезвони.

Вот и думай, удачно всё прошло или нет. Путёвок десяток добыл. «Орлёнок» не хуже «Артека», хоть и звучит не так пафосно.

А после Мкртчяна удалось дозвониться и до третьего потенциального поставщика путёвок. Александр Васильевич Борисов, председатель Облисполкома, хмыкнул, услышав, кто его от государственных важных дел оторвал, и сразу же наехал.

– Пётр Миронович, а вы в курсе, что у меня жена опять ваше приложение к газете за три рубля купила?

– Зачем? Я ведь вам подписку оформил? – не въехал Пётр.

– Оформил. Так это на литературное приложение, а жена купила интересную газетку, «Садист» называется.

Точно. Газета «Заря Урала» начала выпускать новое приложение для садоводов и прочих крестьянствующих субъектов. А что, вон сколько всяких героев и кандидатов в городе – пусть примут участие в расползании знаний по передовым методам ведения дачного хозяйства. А если серьёзно, то Пётр дал команду корреспондентам покопаться в разных газетах и журналах и сверстать первый номер приложения, а второй уже делать по просьбам и предложениям читателей. Вот второй номер, скорее всего, и купила жена председателя облисполкома. Пётр газетку видел – на самом деле полно полезных советов. И апофеозом – объявления, где садоводы могут написать о желаемом обмене одних семян или луковиц с саженцами на другие. Пусть в Краснотурьинске будут самые красивые сады.

– Не переживайте, Александр Борисович, и на это приложение оформим вам подписку.

– Пять.

– Ну, пять так пять.

– Жена с коллегами поделилась, а те в крик – и им надо.

Женщины!

– Александр Борисович, у меня к вам просьба есть. Я тут одну акцию провожу по озеленению города, и хочу к этому делу школьников привлечь. Ну, и как приз – путёвка в «Артек». Не поможете? – Пётр даже специально в просьбе число не озвучил. Пусть начальство само щедрость проявит.

– Хорошо. Я поузнаю, что можно сделать.

– Там ещё ведь и пионерский лагерь «Орлёнок» есть.

– Есть. Внука в прошлое лето туда отправлял. Восторгов было! Перезвоню через пару часиков.

Перезвонил. Три в «Артек» и пять – в «Орлёнок». Это ведь уже двадцать одна. Осталось чуть – правда, и людей способных на это, немного осталось среди знакомых. Что ж, попробуем позвонить Георгию Михайловичу Рогульскому, заместителю председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, – решил Штелле.

Пётр успел по приезде из первопрестольной переговорить с обоими начальниками ИТУ. Отказать не отказали, но и энтузиазма не проявили. Так ведь и понятно, зачем им лишняя головная боль? Это в первый разговор полковники суксислись, а ведь на следующий день состоялся и второй, после того как с ними пообщались из Москвы со Свердловском по этому же поводу. Энтузиазму опять не добавилось, но доба-

вилось рвения. Товарищам приказали, и обязали, и хвоста накрутили. И ладно. Самая долговременная вещь – это «временка», а самые лучшие фанаты – это те, кому выгодно фанатеть. Выбьется команда в первую лигу – смотришь, какая очередная юбилейная медалька отколется, а то и в столицу Урала заберут на повышение. А ежели команда в призёры выбьется? Стимул.

Рогульский рассказал о почти принятом решении по созданию команды второй лиги «СКА-Маяк», осталось пару подписей собрать – и на путёвки отреагировал без хмыканий и уговоров. Перезвонил через пятнадцать минут и сообщил о принятом решении выделить в Красноурьинск в ДСШ десять путёвок в «Артек» и пять – в «Орлёнок». Блин! Надо было с этого товарища начинать.

Событие семнадцатое

Высоцкий позвонил. По стандартному «здравствуйте» было не понятно, как он относится к этому разговору. А вот голос был узнаваем, хотя хрипотцы поменьше – ещё не искурил и не надорвал связки на своих спектаклях.

– Владимир Семёнович, вы ведь знаете, кто я? – после обычных дежурных приветствий спросил Пётр.

– Тяжело не услышать ваши песни, если их не переставая по радио крутят, – нейтрально отозвался Высоцкий.

– Тогда давайте сразу к делу. Я сейчас готовлю концерт, посвящённый Дню Космонавтики. Юбилей – десять лет. Десять лет космической эры. Пока для нормального концерта не хватает пары песен. Над одной сейчас работаю, но пока сыровата, а вот тут недавно был в Москве и услышал из открытого окна ваш «Марш космических негодяев». Пока в самолёте летел, всё пытался слова переделать так, чтобы песня не про негодяев была, а про покорителей звёзд. Вроде получилось.

– Услышать можно? – после почти минуты молчания прохрипела трубка.

– Нужно. Слушайте. Изменений немного.

Вы мне не поверите и просто не поймёте:

В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, —

По пространству-времени летим на звездолёте,
Чтоб открыть сверхновую звезду.

Но от Земли до Беты – восемь лет,
Ну а до планеты Альфа-Зет,
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и краса – ох, влипли, как!
Наизусть читаем Киплинга,
А кругом – космическая тьма.

На Земле читали в фантастических романах
Про возможность встречи с иноземным существом,
А теперь летим к ним без сомнения на равных —
Нам все встречи с ближним нипочём!

Но от Земли до Беты – восемь лет,
Ну а до планеты Альфа-Зет,
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и краса – игрушки нам!
Наизусть читаем Пушкина,
А кругом – космическая тьма.

Нам прививки сделаны от хворей всех сверхновых,
От любых болезней и от бешеных зверей —
Нам бояться нечего потоков ледниковых:
На Земле бывало веселей!

Но от Земли до Беты – восемь лет,
Ну а до планеты Альфа-Зет,

Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Места нет в ракете, тесно тут,
Стоя сон по нескольку минут,
Всё забито блоками,
Наизусть читаем Блока мы,
А кругом – космическая тьма.

Прежнего земного не увидим небосклона:
Если верить рассказням учёных чудаков,
Ведь, когда вернёмся мы, по всем по их законам
На Земле пройдёт семьсот веков!

Но от Земли до Беты – восемь лет,
Ну а до планеты Альфа-Зет,
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Не достать, к несчастью, книжки нам,
Наизусть читаем Пришвина,
А кругом – космическая тьма.

Пётр закончил читать речитативом свою переделку и замолчал. Молчали и на том конце провода. Долго молчали. Штелле не начинал первым, боялся спугнуть Высоцкого. Первым не выдержал Владимир Семёнович. Как-то жалобно, что ли, произнёс:

– Это ведь совсем другая песня. Не моя. Смысл ушёл.

– Владимир Семёнович, даже спорить не буду – ваша лучше. Далеко мне до вас. Один только маленький нюанс: не хотите разве вместе с Гагариным оказаться на одной сцене и

спеть её? Дома для друзей, да и на других концертах, пойте свой вариант, а для всей страны, которая отмечает десятилетие космической эры, для мальчишек, мечтающих стать космонавтами, мечтающих покорять другие планеты, лететь к другим звёздам, спойте мой вариант. Это не догма, если хотите что исправить – пожалуйста, но это должен быть «Марш покорителей космоса», – Пётр слышал, как сопел в трубку Высоцкий.

Потом её прикрыли ладонью и там забубнили. Слышно не было даже отдельных слов, только раз промелькнуло «Юрий» – дак и без слов понятно, что звонит Высоцкий из кабинета Любимова, и тот сидит рядом, ну или стоит. Советует. А как надо относиться к этому советчику-антисоветчику? Пётр считал, что именно вот такие люди, как Любимов, Солженицын, Андрей Николаевич Сахаров со своей неоднозначной супругой-кукушкой Еленой Боннэр и разрушили страну. Даже не «Меченный» и «Борька алкоголик». А эти! Борцы! Победили. И что, сладка победа? Наркотики и нищета основной массы населения. Проституция. Бандитизм девяностых. Полные полки в магазинах. Полные полки поддельных продуктов. Шоколад, который не плавится, а сворачивается при попытке получить фондю, колбаса, которая не жарится, и далее по списку. Свобода слова? Свобода показывать порно детям, свобода материться с экрана? Так вот уж прям невтерпёж было, чтобы обязательно матом, и не меньше, чем на всю страну? Получилось ведь. У любой ме-

дали две стороны. Иногда вторая – уж больно отталкивающая. Нужна ли такая медаль?

– Я должен приехать в этот ваш Краснотурьинск? У меня ведь спектакли, да и договор есть с клубом железнодорожников о выступлении, – бубнёж наконец прекратился.

– Гагарин едет и будет здесь 1 апреля. Нужно приехать сюда, Владимир Семёнович, здесь будет запись. Говорухин будет снимать концерт, – вроде лёд тронулся.

Опять забубнили. На этот раз недолго.

– Второго прилечу в Свердловск, как до вас добраться?

– Не пойдёт. Гагарин приезжает 1 апреля в Краснотурьинск. Он три дня вас ждать не станет. Тогда лучше вообще не приезжайте, – ну, доберёмся ещё до подсказчика!

На этот раз бубнили чуть не пять минут.

– Как до вас добраться?

Блин, словно вагон разгрузил. Надо ли было? Надо. Нью-Васюки превыше всего.

Событие восемнадцатое

Нэй, на на на!
Позвонила я тут Васе,
Друг сказал, что он на Марсе,
И у них сегодня танцы.
Я, конечно, сразу к Пете,
Полетели на ракете,
чтобы
Нэй, на на на!
Потанцевать,
На Марсе потанцевать,
Нэй, на на на!
Будем потом вспоминать
Танцы на Марсе!
Нэй, на на на!
Нэй, на на на!
Нэй, на на на!
На на на!

– Ну, там ещё пару куплетов про Венеру и Луну. Что думаешь?

– Очень хорошо, что вы не решили стать певцом. Не ваше, – зазвенела как колокольчик Маша Нааб, она же по совместительству Вика Цыганова.

– «Вайя кон Диос», что с испанского «ступай с Богом»,

без сомнения поют лучше, но эта самая Даниэлла ещё только чуть старше тебя. Ещё не пишет песен и не поёт, да и не дотянуться до Бельгии, придётся самим выкручиваться, – постарался попасть в тон девочке Пётр.

– Наши примадонны тоже не подойдут, хоть и по другой причине. Если у вас нету ни слуха, ни голоса, то у них всё слишком «есть». Как-то раз была на одном концерте с Долиной. Вот она точно в песню попала, не хуже самой Даниэллы. Ей сейчас лет десять-двенадцать. Мы вроде ровесницы теперь получаемся, а ведь она была меня старше намного. Стоп, стоп, стоп! Я знаю! Нужно срочно звать Эдиту Пьеху. Здесь её голос подойдёт. Нужно только чуть акцент усилить, убойная будет вещь. Станный вы человек, Пётр Мионович. Как можно было такую переделку придумать? Мне бы такое и в голову не пришло. А музыку напишу, там ещё такой сложный перебор на гитаре. Вспомню, только гитару нужно в руки взять.

– Да, знаешь, случайно получилось. В самолёте мимо кресла прошла проводница в своей мини-юбке. Только пару шагов от меня сделала, как самолёт попал в воздушную яму. Её повело, сначала шагнула в сторону, потом два шага назад. Вроде выровнялась, но потом всё повторила – вот тут я и вспомнил вступление из этой песни. Если это в конце восьмидесятых был самый убойный хит, то теперь весь мир порвём.

– Думаете, эту песню пропустят? Не слишком будет сме-

лю? – Маша-Вика изобразила движения Даниэллы.

– Без сомнения смело. А ведь ты права, Вика, кроме Пьехи никому нельзя доверять. Ей разрешат. Она иностранка, ей можно. А если Гагарин на подтанцовке будет, то ещё и на ура прокатит.

– Думаете, он и правда приедет? – недоверчиво покачала головой девочка.

– Фурцева обещала.

– Как вы с ней поладили? Меня всю жизнь её именем пугали.

– Она так стремится назад в Политбюро, что на всё пойдёт ради этого. Я ей пообещал заработать триста миллионов долларов концертами и песнями, вот она и загорелась. Теперь этот таран не остановить, – изобразил паровоз Штелле.

– Думаете, такую огромную по нынешним временам сумму можно заработать песнями? – Вика округлила глаза.

– Непросто. Для этого придётся уничтожить «Битлз», занять их место на небосводе. Ну, и по пути всяких «Роллингстоунзов» похоронить с «Квинами». Не дать появиться «Бони Эмам» и прочим «Аббам». Нужно будет фильм, как «Абба» снять. Заработаем. Они одним фильмом не меньше отгребли. Слышал, только у нас больше тридцати миллионов посмотрели – что уж про всякие Америки говорить.

– Наполеон отдыхает. Для начала заполучите Пьеху, – хмыкнула Цыганова.

– Пошёл звонить.

- Пётр Миронович, и попросите опять тех гитаристов – там сложная партия.
- Уже побежал.
- Пётр Миронович, сто раз пожалела, что с вами связалась. Кто будет потом? Большой театр весь привозить?
- Привозить? Екатерина Алексеевна, вы тоже решили нас посетить? Там, наверху, это не покажется подозрительным?
- Всё шутишь. Зачем Пьеха нужна?
- Песню написал про космос. Даже не бомба, настоящий ядерный взрыв. Нужен очень влиятельный продюсер, желательно из Америки, а то песню они у меня украдут.
- Правда? Опять шутишь? Правда?
- Екатерина Алексеевна, ещё раз повторяю, нужен очень и очень известный западный продюсер. Только эта песня принесёт десяток миллионов долларов.
- Сначала хочу услышать. Приеду первого апреля с Пьехой, Гагариным, Ростроповичем, Ойстрахом, Хилем и Зыкиной – и несколько десятков менее звучных имён. Представляешь, что будет, если концерт провалится?
- Не провалится, – вот и поговорили.
- А ведь Нью-Васюкам гостиницу пора строить, пятизвёздочную. Вон какие сомы стали заплывать.

Событие девятнадцатое

Звонок раздался в восемь, как говорится, нуль-нуль, на том конце трубки ждали.

– Пётр Миронович, не рано? – голос был незнаком.

– Слушаю вас, – нейтрально ответил Пётр.

– Это Давид Фёдорович Ойстрах вас беспокоит.

– Очень внимательно вас слушаю, – плохо, наверное, что мэтры в Москве в шесть утра уже по телефону названивают. Не к добру.

– Мы тут с несколькими товарищами обсудили ваше видение и попробовали предложенные композиции сыграть. «Шторм» Вивальди в вашей трактовке, несомненно, выигрывает. Произведение непростое. Девочка, которая передавала ноты, сказала, что исполнитель должен бегать по сцене. Идея ясна – только ведь мне скоро шестьдесят. Я привезу трёх скрипачей – сына, Володю Спивакова и Витю Третьякова, он победитель Международного конкурса имени Чайковского за прошлый год. Вот они со Спиваковым и будут бегать, а мы уж с Мстиславом Леопольдовичем Ростроповичем посидим. А вот вторая вещь хороша! Кто автор, не подскажите?

А кто автор? А автор у нас Дидье Маруани. Сейчас парнишке лет тринадцать, ещё напишет много чего. Не обеднеет без одной вещи, «Just Blue». Через пару десятков лет у

нас это будет называться «Волшебным полётом». Пусть называется. Ничего красивого в словосочетании «просто синий» нет, а именно так переводится композиция. Или это альбом так назывался – «Волшебный полёт»? Чёрт его упомнит.

Маша-Вика долго отнекивалась, не хотела быть автором. А кто ж тогда? Поругалась и махнула рукой.

– Моя приёмная дочь Мария Нааб.

– Та девочка, что диктовала ноты? Сколько же ей лет? По голосу совсем ребёнок, – заволновались в Москве.

– Десять.

– Вы шутите, товарищ Тишков! – даже акцент одесский прорезался.

– Отнюдь. Маша – уникам.

– Непременно приеду. Вы сказали – приёмная? А что с её родителями?

– Отец этой зимой умер от туберкулёза, – а кто мать? Вот ведь блин, даже профессий этих Наабов он не знает.

– Жаль. Хотелось бы пообщаться.

– Приезжайте, пообщаетесь с самой девочкой.

Событие двадцатое

Уехали. Нет. Уехали! Уехали! Произошло это 7 апреля. Получается, теперь целый месяц можно жить спокойно? К сожалению – нет. Ну, во-первых, не все уехали. Остался на пару дней Высоцкий, записывать свои же песни. «Сыновья уходят в бой», «Он вчера не вернулся из боя», «Мы возвращаем Землю». Пётр дал Володе (ровесники всё же, и характерами сошлись, так что перешли на «ты») послушать военный концерт, который руководство страны приберегло ко Дню Победы, а потом предложил записать эти три песни, и если у того появится желание, то пользоваться ими как своими на любых концертах, совершенно бесплатно. Совесть замучила? Да нет. Просто биться за копейки уже не надо. Денег вполне хватает, а скоро и от господина Бика река полноводная потечёт. А совесть? Так Окуджаву не меньше обокрали, а Владимирова, а Тухманова, а Мигулю? Не для себя. Воровство – это когда в корыстных целях. Вон ведь Юрию Деточкину вся страна сочувствует – а мы не хуже. И не в обезличенный детдом деньги, а в благоустройство родного города. Те просто проедят, а здесь останутся на века. По крайней мере, хочется на это надеяться.

Вот сейчас Владимир Семёнович и осваивает свой же репертуар, а заодно согласился дать 9 апреля концерт для жителей города. Много ли маленьких городов в Свердлов-

ской области могут похвастать концертами Высоцкого? Ответ простой – «НОЛЬ».

С той же целью остались и Буйнов с Градским. Нет, понятно, не «Сыновья уходят в бой» записывать – другие песни. Всё же у Сирозеева голос слабоват, а у Богатикова специфический. Попробуем некоторые песни отдать Буйнову, а «День Победы» – Градскому, с его-то голосищем.

В Краснотурьинске фурор, да ещё какой. Фурцева слово сдержала и прислала негритянку. Двух. Просил же Пётр кубинку или эфиопку – вот и получил и кубинку, и эфиопку. И, до кучи, хоть и не просил, приехала ещё одна кубинка, но испанских корней. Черноокая Сиомара Анисия Орама Леаль, более известная как Ракель Ольмедо – в будущем мексиканская и кубинская кинозвезда, а сейчас начинающая актриса и певица. Как очутилась на Северном Урале? Узнала, что в лучший ансамбль мира требуются певицы. Узнала от подружки Селии Крус – к той обратился наш посол на Кубе с просьбой подобрать молодую темнокожую певицу. Подобрала, да ещё и интересный довесок. Негритянку звали Джанетта Анна Альмейда Боске, и была она ни много ни мало дочерью известного кубинского революционера, а сейчас заместителя министра РВС – Революционных вооружённых сил Кубы – и целого «КОМАНДАНТЕ» до кучи. Между прочим, батянька был третьим человеком на Кубе, получившим это звание, после самого Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары. Ещё батянька, Хуан Альмейда Боске, – член Политбюро ЦК КПК

с октября 1965 года, да к тому же известный на Кубе автор песен. Дочка была выше всяких похвал внешне. Рост – как по заказу, просил же Пётр высоких. Девушка была сантиметров на пять выше Петра, а рост реципиента был где-то метр семьдесят восемь. Худая, поджарая, как бегунья на длинные дистанции. Чуть бы бюст побольше – и вообще секс-бомба. Копна волос в мелкую кудряшку, большие глаза, совсем не негритянский нос – явно поучаствовали испанцы или другие колонизаторы в разбавлении кровей. А вот губы – как у накаченных силиконом див начала 21 века. Одним словом, четвёрка с плюсом. Почему только четвёрка? Ну, потому что Эфиопия на этот конкурс представила вообще супердиву. Рост чуть ниже, где-то метр семьдесят – только это единственный минус по сравнению с кубинкой. Бюст явно на полновесную тройку, осиная талия и вполне себе приличные бёдра. Ярко-коричневые глаза под длиннющими ресницами. Вполне европейские черты лица, настоящая грива чёрных с лёгким оттенком рыжинки волос. И просто красавица – где только такие водятся? Здесь в генотипе, скорее всего, поучаствовали евреи, хотя, может и без итальянского участия не обошлось, они же долгонько куском Эфиопии владели – той самой Эритреей. Сейчас, оказывается, Эфиопия совсем не дружественная СССР держава – поторопился Пётр. Менгисту Хайле Мариам придёт к власти, свергнув императора, только в середине семидесятых – сейчас же там правят бал США, но заместитель министра туризма и культуры Эфио-

пии Мохамед Дирир послал двух дочерей учиться в СССР. Самого его арестовали, и сейчас он под судом, старшая дочь вернулась на родину и тоже была арестована, а вот младшая оказалась умнее и попросила убежища в СССР. Ну а так как она училась в Гнесинке, то Фурцевой под руку и подвернулась. Звали диву Керту, что с какого-то их языка переводится как «воин». Имени она вполне соответствовала – чуть что, сразу кулаки сжимала, и в глазах прекрасных пламя. Ох и намучаемся.

С языками у обеих певиц будущих было так себе. Английским – чуть-чуть, с огромным акцентом и коверканьем слов. Сам Пётр английского не знал – ну разве несколько слов, тейбл там да фейс, а ещё компьютер – потому правду ему открыла Наталья Евгеньевна Горбаневская, очередной диссидент, сплавленный в Краснотурьинск. Наталья Евгеньевна уже успела с борьбой за Венгрию засветиться и принять участие в акциях против процесса четырёх – типа «свободу Гинзбургу». Ну, может, и права была Фурцева, их сюда отправляя – в Краснотурьинске им вместе с Заграевской Инной Михайловной, присланной ранее, развернуться сильно не дадут. И при деле. Первая песни на немецкий и французский переводит, вторая – на английский. И до кучи кучу народа этим языкам обучают. Гастроли всё ближе – не с русскими же песнями туда ехать. «Там» не поймут, а значит, и не оценят. Вот теперь на три ученицы больше стало, а заодно и сами будут брать уроки испанского – не до диссидентства.

Выспаться бы тётечкам. Устроены бывшие москвички в ГорОНО методистами, выделили им комнаты в коммунальных квартирах. Пусть хлебнут русской глубинки, постоят в очередях – может, и одумаются.

И ещё один повод посплетничать в городе: узбечки-сестрички выходят замуж. Угадайте с трёх раз, кто счастливицы. Повезло двум бывшим зэкам. Доохранялись. Танкист Пётр выбрал старшую, на целых двадцать минут, а гражданин Макаревич довольствовался тем, что осталось. Ну а что? Девушки красивые. Цивилизацией не испорченные. Экономные, опять же. Прелестный акцент из прелестных губок. С квартирами только беда. Пока просто поменялись комнатами в общежитии, но это ненадолго. Буквально через пару недель сдаётся дом по улице Колхозная, в котором получает квартиру начальник колонии подполковник Иванцов, а в его однокомнатную переезжает Пётр Оберин.

С председателем колхоза чуть сложнее. На правом берегу Турьи, чуть дальше посёлка Южный, город выделил место под строительство домов. Снег уже сошёл, делянки колышками обозначили, чуть потеплеет, и начнут котлованы под фундаменты копать. Дома будут строить из оцилиндрованного бревна. Станки на заводе уже изготовили и проверили в работе, буквально завтра-послезавтра ДОК начнёт выдавать первую продукцию – а нужно её много, ведь кроме домов для будущих колхозников нужно строить и санаторий в Трускавце. План, разработанный Петром совместно с главным ар-

хитектором города Любаном, в Министерстве цветной металлургии приняли. Двадцать красивых шестиместных домов с кухней и мансардой, плюс два больших дома под пионерский лагерь на сорок человек в сумме, плюс столовая на двадцать человек с кухней. Никаких отдельно стоящих зданий «типа сортир», все удобства внутри домов. Геологи пробурят скважину, завод изготовит оборудование для откачки из недр воды, её фильтрации и озонирования – не хлором же людей в местах отдыха травить. Берег озера нужно будет отсыпать песком, построят несколько беседок и маленькую кафешку со столиками под открытым небом. Красота! Только на всё это нужно вагоны и вагоны этого самого оцилиндрованного бревна. Это кроме кучи всяких резных финтифлюшек для украшения сказочных теремов. Деньги Ломако выделил, осталось освоить. Кроме всего этого, чуть в стороне будет построено два дома для ВИП-персон из министерства. Ну, так планировали – однако пришлось для реализации проекта обратиться за помощью к председателю Облисполкома. Нужны вагоны для перевозки, нужна бригада со Свердловской киностудии, которая наловчилась терема рубить – много чего нужно, так что ВИП-домиков стало четыре. Так это, без сомнения, к лучшему! Сейчас, во времена всеобщего дефицита, иметь ВИП-соседей полезно для снабжения. Себя-то ведь не обидят.

Событие двадцать первое

*А когда поезд уходил, огни мерцали,
Огни мерцали, когда поезд уходил.
А поезд «чух, чух, чух», огни мерцали,
Огни мерцали, когда поезд уходил.*

Опять вагон поезда Карпинск – Свердловск. Потом самолёт. До столицы. Всё, как и в прошлый раз? Не совсем. Компания чуть больше – плюсом две маленькие девочки. Потому сейчас не на верхней полке – там Катя с Машей, которая Вика. А началось всё, как и обычно, со звонка чёрного телефона.

– Алло.

– Кто говорит? – дежа вю. Хотя если переводить с французского, то это – «уже виденное», а здесь – «уже слышанное». А потому ответим, чтобы мало не показалось.

– Кавалер ордена Трудового Красного Знамени, член Союза Писателей, Первый Секретарь Краснотурьинского горкома КПСС Тишков Пётр Миронович, – завис оппонент.

– Сейчас будете говорить с Екатериной Алексеевной Фурцевой, – наконец выдал собеседник.

– Жду с нетерпением, – а ведь о двух наградах Пётр не упомянул.

Почему? Не знал, как упоминать. Вот если у тебя орден,

то ты кавалер. Если у тебя, скажем, «Ленинская премия», тогда ты лауреат. А как говорить, если у тебя медаль?

Обладателем аж двух медалей Пётр Миронович Тишков стал совершенно для себя неожиданно. Вызвали неделю назад в Свердловск, и, не совсем торжественно, Первый Секретарь Областного Комитета КПСС товарищ Николаев Константин Кузьмич их Петру у себя в кабинете под жиденькие хлопки десятка человек вручил. Первую медаль «За отличную службу по охране общественного порядка» помогал прикреплять к лацкану пиджака, уже не коричневого, начальник УВД Министерства охраны общественного порядка (МООП) СССР генерал-майор Емельянов Евгений Арсентьевич. Медаль полагалась только работникам милиции или другим военнослужащим, но для Петра сделали исключение – наградили по представлению подполковника Веряскина. За ликвидацию, так сказать, организованной преступности, и как человека, от этого пострадавшего. Потапа так и не нашли, товарищу, что на Тишкова с ножом кинулся, дали по совокупности трёх статей семнадцать лет, а Петру вот медаль. В прилагаемом удостоверении было написано: «за храбрость и самоотверженность, проявленные при ликвидации преступных групп и задержании уголовных преступников». И правду ведь написали. Вторую медаль выбил для Петра Будённый Семён Михайлович, в благодарность за песни о войне. Это была юбилейная медаль – «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Тиш-

кову она тоже была по большому счёту не положена – не во-евал, ни в каких подпольях не участвовал, мал был. Когда война закончилась, ему только семнадцать стукнуло. Даже нет – и стукнуло-то только через месяц, но для легендарного маршала это не препятствие.

Милицейская медаль вот была вполне заслужена. Преступность в Краснотурьинске снизилась в несколько раз. По этой причине рядом стоял и теперь уже полковник Веряскин – ему прикололи к лацкану милицейской формы такую же медаль на красно-синей ленточке и выдали полковничьи погоны.

Тишкова тоже погонами не обделили. Военный комиссар Свердловской области генерал-майор Стёпушкин торжественно сунул Петру два зелёных погона с тремя звёздочками – типа, теперь ты, Пётр Миронович, – старший лейтенант запаса. А ведь коньяк был только за лейтенанта заплачен. Руку пожал и совсем большой начальник, присутствующий на приёме – генерал-полковник танковых войск Егоровский Александр Александрович, командующий войсками Уральского военного округа.

Генерал и от себя подарок вручил. Ну, может, и не совсем от себя. А может, и совсем не от себя, а от Будённого.

– Пётр Миронович, мне тут Семён Михайлович Будённый звонил. Кроме похвалы вашим песням зашёл разговор о том, что вы в Краснотурьинске пытаетесь создать музей военной техники. Как у вас, есть успехи? – и руку после рукопожатия

не выпускает.

– Есть. Только ведь смотря с чем сравнивать. До Кубинки далеко.

– Знаете про Музей боевых машин? Только ведь туда не попасть, закрыт для посетителей, хотя ходят разговоры о возможности допуска штатских. Ну да ладно. У нас в Свердловске на одном из полигонов стоит немецкий вездеход. Фашистская гусеничная амфибия LWS, Land-Wasser-Schlepper Type II. «Maybach HL108TR». Всю голову сломал, пока это название выучил. Вещь необычная. На борт берет десант порядка двадцати человек с оружием и боеприпасами, плавает, по болоту ходит. Это такая большая железная лодка с гусеницами. Оружие с неё, естественно, снято, двигатель в нерабочем состоянии, и иллюминаторы выбиты. Ржавчина ещё поработала. Берёте?

Нда, на тебе, убоже, что нам негоже. Хотя вещь ведь уникальная, их и с огнём в целом виде не найдёшь.

– Конечно, возьмём, восстановим. Большое спасибо вам и Семёну Михайловичу.

Однако, вернёмся к чёрному телефону.

– Пётр Миронович, вам необходимо быть 22 апреля в Москве, – даже не поздоровавшись, взяла быка за рога Фурцева.

– Но у меня нет песен про Ленина, – не въехал Пётр.

– Других хватает, – хохотнула трубка, – Тебе Ленинскую премию будут вручать. Суслов лично список перечеркал,

чтобы тебя туда вписать. Всё Политбюро единогласно проголосовало. Рад?

Что можно сказать? Уже ведь проболталась министр, не сюрприз. Но, конечно же, рад. И деньги не лишние. Это ведь целых десять тысяч! Когда ещё от Бика денежки начнут поступать – а жить сейчас хочется. Гонорары уже истрачены, целый чемодан монет прибыл из Москвы. Ещё и не разобрал коллекцию. Некогда.

А тут – бам, и куча денег. Можно новые проекты замутить.

– Екатерина Алексеевна, а что хоть с песнями о космосе, понравились руководству? – концерт по телевизору 12 апреля показали, а сейчас уже и по радио крутят новые песни, но не все.

– Ох, Пётр, вот как с тобой договариваться? Выпросил только шесть новых песен, а сам десять написал, пришлось резать концерт и у маститых исполнителей прощения просить. Песни Михаил Андреевич одобрил все. Поморщился при упоминании Высоцкого – не любит он его, но «Марш покорителей Вселенной» утвердил. А вот с твоей «на-на-нэй» долго не решался, как поступить. Даже советоваться к Брежневу ходил – вот Леонид Ильич и дал добро. Да, тут Ойстрах недавно звонил, спрашивал, зарегистрировал ли ты уже «Волшебный полёт»? Можно ли исполнять? Что скажешь?

– Ну, вот приеду в Москву, заодно и в ВУОАП зайду. А музыку пусть исполняет. Нам с Машенькой не жалко. Ека-

терина Алексеевна, а что с продюсером импортным? – конечно же, нужно срочно за рубежами Родины застолбить за собой право на эту песню – да ведь, наверное, не только на неё. Это обыватели, не сталкивающиеся близко с шоу-бизнесом, думают, что это только мы у всяких «Ирапшинов» «Синий иней» воруем. На самом деле и акулы иностранные не дремлют, а сейчас почти любая их с Машей вещь – это прорыв. Нужно регистрировать в США. Кто не верит – может посмотреть великие хиты «Битлов» да Мика Джаггера из 1967 года. Детский сад! Куда им до русских шлягеров из девяностых.

– Есть два варианта. Мне заместитель вчера докладывал. В Париже есть филиал крупной американской компании Columbia Broadcasting System, называется CBS France. У них там проблемы, не нужны американские песни во Франции. Разместились в небольшой частной квартирке, нищенствуют. Директором у них Жак Суппле. По телефону высказал желание до Москвы прокатиться и наши песни послушать, хоть и морщился. Это мне так переводчик сказал. Вторая рыбина покрупней – Эндрю Луг Олдем. Молодой ещё, всего двадцать три года. Английский музыкальный продюсер и писатель. Сейчас работает менеджером британской рок-группы Rolling Stones, но те им недовольны, хотят сменить на американца. Этот тоже в Москву готов приехать. Контракт с этими «Катящимися Камнями» у него ещё не истёк, но пару дней выкроит. Какой тебе нужен?

А какой? Один – американец, и это хорошо. К тому же у него есть звукозаписывающая аппаратура и, наверное, мощности для тиражирования пластинок. Зато второй работал с Миком Джаггером, даже не так – работает, и сделал группу вполне успешной. Второе место после «Битлов». Как выбрать?

– Екатерина Алексеевна, а можно мне будет пообщаться с обоими? Сложный выбор.

– Что с тобой делать! Помни про триста миллионов. Хорошо, приглашу обоих. Ещё вопросы есть? А то там на приёме куча народу ломится.

– Спасибо вам большое, товарищ министр. Екатерина Алексеевна, а что с Машей? Ей премия не положена?

– Шутишь! Десятилетней девочке? Можешь взять её с собой на награждение, да и жену. Хотя – ребёнок ведь грудной. Ну, родную дочь бери. Я три билета бронирую в Кремль. Всё, нет времени. До свидания.

Вот и поговорили.

Событие двадцать второе

На нижней полке думалось гораздо хуже, чем на верхней, да ещё девчонки отвлекали, всё что-то шебуршались и ползали туда-сюда. Плюсом ворчал на них Макаревич и звенел железной ложкой в стакане, попивая чаёк, как бы не пятый стакан. Вот через этот отвлекающий фон Пётр и пытался подвести итоги попаданческой деятельности за очередной месяц.

Начать стоит с бугаёв. ЦС общества «Труд» победным не стал, а вот удачным – точно стал. Кошкин завоевал две медали, обе бронзовые. Не удалось ему совладать с дагестанцем. Вёрткий, молодой, злой, как чёрт. Плюсом появился грузин, вообще звероподобный. Весь шерстью заросший и здоровущий, как медведь гризли. Ужас. Он и стал победителем. Тем не менее, третье место бывшего милиционера даёт ему право выступить и на общей России, и на чемпионате СССР. Вот на первенство РСФСР бугаи сейчас и едут.

Тёжке-танкисту опять повезло. Он стал четвёртым в своём весе, но бог решил ему подыграть и сломал в финальной схватке ключицу литовцу, что у Петра и выиграл. В результате тренеры «Труда» опять взяли на освободившееся место гражданина Оберина, так что в соседнем купе две нижние полки оккупировали телохранители. Едут они с Петром только до аэропорта, потом летят в Ленинград. Первенство

РСФСР там пройдёт.

Макаревича Пётр с собой взял с целью, а не за компанию. Нужно продать ещё пару колец из Свердловского клада и ещё один чейндж произвести. В этом кладе же было пять икон. Плюс та, что изъяли у Потапа, минус та, что пошла на оплату приезда Бика – всё равно пять. Пётр цены и ценности их не представлял, но... Не то сейчас время, чтобы иконы на стену вешать. Да, если честно, и не видел Штелле в этих тёмных ликах никакой красоты. К тому стоит добавить, что считал он себя воинствующим атеистом. Где можно и не можно вступал в споры с доморощенными богословами, и это доставляло удовольствие.

Вот и избавимся от предметов культа. Взамен Марк Янович должен попытаться добыть картины русских художников, желательно, кого-то из «передвижников», лучше всего пейзажи. Их и повесим на стену. Кольца же пойдут на перестройку двух Волг. Деньги нужны. Недешёвое это занятие тюнинг, тем более что Пётр решил у одной «Волги» ламбо-двери сделать. А ещё инжектор. Читал как-то в одном романе про попаданцев, что в СССР, в Центральном научно-исследовательском институте топливной аппаратуры, что в Ленинграде, в это время сделали инжектор. Нужно разузнать про это подробнее. Чем чёрт не шутит, опередим загнивающих капиталистов. В самолётах ведь ещё в тридцатые годы ставили инжекторы – может, за тридцать лет и научились делать?

Свердловский клад пока остался единственным давшимися в руки. В Челябинске получился облом. Нет, не опередили – не получилось даже приблизиться к кладу, чтобы поработать металлоискателем. Почти зря съездил и время потратил. Кладов, по данным из интернета, в Челябинске две штуки. Один находится в районе улиц Карла Маркса и Кирова – там через несколько лет найдут гигантский малахит, спрятанный кем-то из челябинских богачей в XIX веке. Второй, тоже в семидесятых, найдут на территории охотничьего магазина оружейника Мартынова. Там откопают сундук с фамильными драгоценностями. Очень и очень великоват сундук для фамильных ценностей – Пётр фотографию видел. Ну, если это, конечно, не царская фамилия.

Походил Штелле по улице Карла Маркса. Дудки! На самом деле нужны раскопки. Место оживлённое, да и точного описания этого места нет в интернете. Что, весь перекрёсток перекапывать? А на какую глубину? Облом, одним словом. И магазин нашёл. Бывший? Да нет. Сейчас тоже магазин. И что самое плохое – тоже оружейный. Шутка. Охотничий. А, следовательно, здание под сигнализацией и надзором Вневедомственной охраны. И двери железные. Не попасть! Пётр даже зашёл, сделал вид, что блёснами интересуется, потом, на всякий случай, купил пару, чтобы подозрения не вызывать долгим присутствием. В результате рекогносцировки только один план созрел – утром, после открытия, вломиться туда. В тамбуре надеть маски. Продав-

да связать и усыпить хлороформом. Потом вывесить табличку «Ревизия» и закрыться. Прозвонить всё металлоискателем. Хотя дело непростое, железа в магазинчике – до чёртиков. Предположим, что найдётся сундук. Забираем содержимое, распахиваем по сумкам и уходим. Стоп! Чтобы запутать следы, всё обильно засыпаем махоркой. Ещё стоп! Нужно ведь создать видимость ограбления. Придётся прихватить пару ружей – а это уже серьёзная статья. Нужно ли рисковать?

Вот и думай! Вот сейчас лежал и думал. Всё же нужно брать. Ну, время терпит. Совсем бесцельной поездку в Челябинск не назовёшь – организовалась куча времени, и Пётр всю её потратил на книгу. Больше пятидесяти страниц в сумме с дорогой написал, почти закончил третью и последнюю часть, а сейчас в знаменитом портфеле вообще лежит готовая рукопись. Хотел успеть к первому мая, а получилось вот к двадцатому апреля. Ещё посмотрел соревнования по классической борьбе. Сам ведь давным-давно даже чемпионом области был среди студентов. Случайно попал – самбо занимался, но тренер из УПИ предложил заменить заболевшего, вот Пётр и пошёл. Пошёл и выиграл, даже какую-то дощечку с олимпийским мишкой дали. Кошкину Вадиму за два третьих места дали две, правда, вместо мишки на одной олень, а на другой берёза. А в целом соревнование не понравилось. Азарта много, а вот техники и красивых приёмов – кот наплакал. Впрочем, классическая борьба – и так менее зрелищ-

ный спорт по сравнению с тем же дзюдо. Может, именно поэтому американцы выступают за вывод его с олимпиады, а не для того, чтобы навредить России? У них-то главное – количество зрителей, купивших билеты. Деньги.

Из других успехов можно похвастать посылками из Швейцарии. Семена и прочую семенную продукцию, было ведь полно луковичных и корневищных, отдали Шабурову. Вениамин Иванович перебрался в краснотурьинский питомник и привёз с собой пару человек из Свердловска. Скоро варягов размещать будет негде. Нужно срочно строить несколько домов.

Семян дипломат прислал много, и большинство – в красивых цветных пакетиках. Такие ведь не отдашь, замучаешься потом на вопросы отвечать. Пришлось всем четверым собираться в освободившемся гараже у Тишкова и клеить из тетрадок пакетики, пересыпать, подписывать, заменяя немецкую и французскую мову на язык родных берёз. То-то диссидентки косились, когда Пётр им приносил целую кучу листов, каракулями написанных.

Что можно сказать про семена? Похоже, дипломат просто заходил в магазин и говорил: «мне вот с этой витрины всех по одному пакетику заверните». Было всё! Даже то, чего никто и не знает, тоже было. Как реагировать на надпись «Гейхерелла Хоней Роуз»? Чего это? Хорошо хоть картинка цветная есть. Были и полезные семена. И огурцы были, и помидоры, и перец всякий. Хватало и экзотики – например,

семена тсуги канадской «Minima». Ёлка ёлкой. Порадовали десятка полтора пакетов с семенами картофеля, и ещё десятка два – с пшеницей, рожью, овсом и ячменём. Небось, селекционеры загнивающей Швейцарии не хуже наших будут. Проверим?

Был приличный пакет с пакетиками деток гладиолусов. Штук сорок. Жаль, нет самих луковиц – из деток ждать пару лет придётся, пока вырастут и зацветут. Зато сорок! Была пара десятков луковичек крокусов и пять пакетиков с луковичками мускари, ещё были нарциссы, восемнадцать пакетиков, и десять с гиацинтами. Да, ещё четырнадцать пакетиков с корневищами ирисов и столько же с клубнями георгин. Плюс несколько штук иксий и фрезий. Штелле их в своём саду пару раз пытался вырастить, но они уже на второй год мельчали и не цвели. Может, у настоящих ботаников получится.

Кроме семян в контейнере была и техника. Как и договаривались – швейцарский магнитофон и американская камера. К ним огромное количество киноплёнки и кассет с магнитной лентой. Нашлась и маленькая коробочка с тремя часами «Патек Филипп». Золотые, с автоподзаводом – красота. Магнитофон отдали во дворец, теперь можно более качественные записи делать. Камеру же передали во временное пользование бывшему светилу военной документалистики Рымаренко Леониду Ивановичу. Сейчас это первый и пока единственный клипмейкер страны, уже четвёртый клип сни-

мает. Первые два соорудили по песням, которые в будущем будет исполнять Любовь Успенская – «Кабриолет» и «Карусель». Сделали ещё в конце марта, и хотел Пётр отдать в кинотеатр «Россия» в Краснотурьинске, чтобы их вместо журнала показали, но...

Вика Цыганова отговорила, да Пётр и сам понимал, что лучше подождать – по той простой причине, что с 3 апреля в прокат вышел фильм «Кавказская Пленница». Штелле вспомнил, что Джеймс Кэмерон, чтобы не соперничать со «Звёздными Войнами», несколько раз переносил показ фильма «Аватар». Ну да и мы не глупее. Фильм Гайдая выстроил огромные очереди к кинотеатрам – оно и понятно, это ведь и на самом деле один из лучших фильмов, снятых в СССР, хоть «Оскара» ему и не дали, да, вроде бы, и в нашей стране наградами не завалили. Вот и решили показать клипы числа 17-го, когда фильм уже пройдёт во всех кинотеатрах. А тут звонок из Москвы, да премия. СССР ведь, нужно опасаться. Пётр решил взять оба клипа с собой. Сейчас коробки с плёнками лежат в чемодане на верхней полке. Покажем Фурцевой, пусть одобрит. И время удачное – комедия вон сколько денег принесла.

Что можно сказать о клипах? Начнём с того, что режиссёр и автор сценария того клипа с кабриолетом, что сняли с Любашей Успенской, поработали на твёрдую... двойку. По десятибалльной шкале. Бегает по тёмной комнате изображающая тоску Успенская и – каков творческий подход! – при

упоминании кабриолета показывают на самом деле кабриолет, а в нём нетрезвых скоморохов. Пять баллов за креативный сценарий. Стоп! Там ведь ещё есть прорыв один. Прорыв гноя из фурункула. При словах

«Как хотелось мне душой согреться
От тепла твоих любимых рук»

показывают некого мачо, который курит. Явно не славянской внешности. Этакий истинный чернявый мачо. Ещё пять баллов! И не стыдно было режиссёру деньги у несчастной женщины брать.

Штелле решил чуть изменить «удачный» сценарий, на пять по стобальной шкале. Во-первых, кабриолет стал телегой, к которой прибили из кривых досок сколоченные борта, дверцы вообще сделали в виде дверей от салуна – открывающиеся в обе стороны. Вместо сидений приколотили покрашенные в белый цвет табуретки. Над местом «водителя» арка, на которой белыми, чуть кривыми буквами на зелёном фоне написано: «КАБРИОЛЕТ». Последняя «Т» потому маленькая, что не влезает.

Так ведь чуть лучше. Теперь про «согреться от рук». Сидит Вертинская на поляне в лесу у костра. Зимой. Ночью. В бальном-свадебном платье белом. И кутается в «оренбургский пуховый платок», дырявый, правда. Рядом с ней на снегу навалены руки от манекенов, вот их она в костёр и под-

брасывает. Манекенов не нашли. Нет, парочку нашли, но заведующая ателье грудью встала за их целостность. Пришлось руки манекенов положить сверху, а на третьей зоне выстругали для костра руки попроще. Разве это хуже «мачо»?

Дальше.

«Рыцарем без страха и упрёка
Ты, увы, не стал, любовь моя».

Тут ведь у плохого режиссёра или ещё худшего сценариста возникла бы идея нарядить мачо в доспехи, стоящего на одном колене перед Успенской и протягивающего ей кроваво-красную розу. И как только предшественники до этого не додумались? Написано же в песне – «рыцарем». Написано – «кабриолет», показываем кабриолет. Написано – «согреться», показываем огонёк сигареты в руках у мачо. Почему нет рыцаря?

Штелле решил покреативить. Рыцарь встаёт на колено. Протягивает цветы. Только бумажные. И не только потому, что в начале марта в 1967 году всё плохо с кроваво-красными розами. Просто так смешнее. Рыцарь в неполном доспехе. У Михалкова есть только щит и меч. Деревянные. Чем Михалков не мачо? Только вполне себе славянское, чуть ли даже не из дворян!

В последнем припеве, когда Вертинская влезает по вставшему на колени у телеги музыканту с тромбоном в теле-

гу-кабриолет, кучер поворачивается и изображает шварценеггерскую улыбку. Ну, ту, где его учат улыбаться. Эдакая квадратно-оскальная. Кучера играл дедушка Штелле – немного лопухий, лысеющий, седеющий. Чуть забавный. Над улыбкой промучились долго, но результат того стоил.

Ещё про один эпизод стоит упомянуть – его в клипе Успенской точно не было.

«Но смогу ль твоей быть дамой сердца,
Если сердца нет в тебе, мой друг?»

Идёт операция, на операционном столе Михалков, хирург делает разрез, поворачивается и говорит:

– Констатирую, сердца нет. Есть печень, – поворачивается один из ассистентов, которого тоже играет дедушка Штелле, и демонстрирует ту же шварценеггерскую улыбку.

Первым готовый клип показали приехавшему снимать второй концерт Говорухину. Тот выпал в осадок. Кстати, о Говорухине. Станислав Сергеевич ещё ведь маститым не стал, известным только. Он недавно снял фильм «Вертикаль» с Владимиром Высоцким. Ещё не написаны и не сняты по его сценарию прогремевшие «Пираты XX века», которые соберут без малого девяносто миллионов зрителей, став лидером проката СССР. Нет даже в задумке «Места встречи». Нет «Десяти негритят». Сейчас у будущего мэтра в планах фильм о войне, опять с Высоцким. Пётр этот фильм помнил,

«Белый взрыв». Не самая удачная работа. Нужно пару песен туда подбросить.

– Пётр Миронович, вы думаете, это разрешат показывать? – выбравшись из осадка, поинтересовался будущий корифей.

– «Что же из этого следует?» «Следует жить,
Шить сарафаны и лёгкие платья из ситца.»
«Вы полагаете, все это будет носиться?»
«Я полагаю, что все это следует шить».

– Вы придумали? Сейчас?

Вот обормот, опять придётся песню воровать, ругнул себя Пётр. Так «Москва слезам не верит» и без «Оскара» останется.

Второй клип, снятый с теми же артистами и дедушкой, Говорухин просмотрел без сползания со стула. Привык. «Карусель». Неплох был и оригинал. Борис Щербаков неплох. Режиссёра Пётр не помнил, Вика тоже, только сказала, что фамилия украинская. Вот и у нас будет украинская. Рымаренко же снимал, хоть имя с отчеством и русские – Леонид Иванович. Или имя Леонид хохляцкое? Вот ведь у Брежнева имеется, а он откуда-то с Украины.

Но и второй клип серьёзно отличался от оригинала. Там не очень красивая женщина с не очень красивой фигурой извивается с шалью возле вешалки. Та ещё находка режиссёра. У Петра были карусель и поезд. Когда Вертинскую Ми-

халков сажает в пустой вагон, то он сажает её действительно в пустой, так на вагоне крупными буквами и написано – а проводником там опять дедушка Штелле. И когда поезд трогается, и все ожидают, что в окне, появится личико Вертинской, чтобы помахать Михалкову, появляется проводник (дедушка) с улыбкой Шварценеггера. Он же включает карусель, когда она уже почти остановилась, и при этом потирает руки.

«Я уже не та, что была ещё вчера,
Я уже давно поняла: любовь – игра».

Когда звучит эта строчка, Вертинская превращается в маленькую девочку, которая собирает снеговика, вставляет ему морковку на место носа, при этом поворачивается и показывает зрителям язык.

Одним словом, гораздо веселей, чем за кучу денег снимут в будущем. К тому же Вертинская в сто раз красивее Успенской, а Сенчина поёт ровно во столько же раз лучше. Пришлось, правда, прогнать её голос через какую-то примитивную штучку, что привезли по заказу Рымаренко со Свердловской киностудии – нужно было чуть снизить голос. Слишком звонкий и высокий у Сенчиной.

Ещё из успехов можно назвать проведение городских олимпиад. Их решили устроить в одной школе в одно время, только классы разные. Провели. Штелле захотел и сам

поприсутствовать, но сидеть и наблюдать, как дети чешут затылок, времени не было, и потому опоздал на полчаса – думал, как раз первые начнут отвечать. Обломался. Первые, те самые, кого готовили к областным олимпиадам, встретились ему на входе в 9-ю школу, уже домой шли. Для них это не уровень. Всё же посидел полчаса, послушал ответы по физике и химии, раз уж пришёл. Теперь нужно дожидаться 5 мая. Посмотрим, как ребята покажут себя в Свердловске.

К эстафете тоже готовятся. Вот тут в успехе можно даже не сомневаться. Там будут простые школьники, здесь – сборная. Там от силы пару тренировок по передаче палочки, здесь – месяцы тренировок. Стоит подумать на следующий год и о выезде команды завода. Как поступил Сысоев в прошлом-будущем? Купил в Москве десяток спортсменов очень высокого уровня и на несколько месяцев устроил их электролизниками, вот БАЗ и выиграл пару эстафет на приз «Уральского рабочего» – только вот радости в жителях города этот факт не особо вызвал. Ну, потешил директор своё эго. Мы пойдём другим путём. Выиграем своими силами. А для этого силы нужно готовить, нужен план. Родим.

Ещё один немаленький успех был. Пётр создал в Краснотурьинске соляную пещеру. Нет, сам в горах ничего не копал. Вообще никто ничего не копал. Взяли бомбоубежище в доме № 6 по улице Молодёжной и раскурочили, затем всё оббили кедровой досочкой и установили в небольшой комнатке пять топчанов из того же кедра. Ещё в одной комнатке сва-

рили из нержавеющей стали ванну для маленького соляного озера. Потолки местные художники раскрасили под ночное небо с северным сиянием, местные же умельцы десятком гирлянд это ночное небо чуть подсветили. Не Голливуд, но для СССР – вполне. Пока всё это делали, Марк Янович Макаревич сматался в городок Соль-Илецк Оренбургской области и договорился с товарищами, что колхоз «Крылья Родины» купит у них пласты соли и просто соль из их лечебных озёр. Деньги решают всё? Дудки! В Советском Союзе всё решают связи. Вот звонок Будённого, которого удалось на это дело сподвигнуть, и решил вопрос – буквально через пять дней всё отгрузили. Самую соляную комнату оборудовали по всем канонам XXI века: стены двойные, а за соляной стеной освещение синее. Сказка получилась. Плюс небольшой родничок для создания шума льющейся воды, да тихая музыка, в основном вальсы Штрауса. Первой посетительницей стала почти выздоровевшая жена Героя Соцтруда Константина Николаевича Чистякова. Алла Тихоновна прошла курс кормления собачатиной и курс приёма полученных из Москвы импортных антибиотиков. Рахиль Хацкелевна Фрейдлина, доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, постаралась. Что помогло – неизвестно. Хотя, почему неизвестно? Помогло лечение. Кроме учительницы выздоровели ещё три ребёнка. Итого уже десять детей.

О чудесах в Краснотурьинске по стране поползли слухи. Незадолго до сегодняшней посадки в поезд, уже на пороге

квартиры, Петра остановил задребезжавший телефон. Звонил ни много ни мало министр автомобильной промышленности СССР Александр Михайлович Тарасов – внук болен туберкулёзом. Никакие лекарства и санатории не помогают, чахнет парнишка.

– Возьмёте? О вас сказки рассказывают.

А кто эти сказки рассказывает? Да много ведь знаменитостей побывало. Хотя, уровень министра... Фурцева! Вся беда этой женщины – язык. Непосредственность. Она думает, все говорят то, что думают. Все бросаются помочь ближнему. Все боготворят Ленина и партию, им созданную. Беда!

– Александр Михайлович, я боюсь. А вдруг не получится вылечить? – честно признался Тишков.

– Пётр Миронович, дорогой, мы отчаялись уже. Вы последняя надежда. От меня любая помощь. Вам машина нужна? «Чайка»? – а голос со слезой.

– Я сегодня в Москву уезжаю. Будут Ленинскую премию вручать за песни. Вы ведь будете на награждении – давайте там поговорим.

– Договорились, – прежде чем трубку положить, Тарасов подышал ещё, видно, собирался что-то добавить, но передумал, – До свидания.

Пётр вспомнил, как пару месяцев назад мечтал – вот вылечат жену героя Чистякова, и жизнь наладится. А теперь что? Тарасов не Чистяков. И плюсов больше, и ответственность больше. Но не в этом дело – в случае удачи круг уже

не разомкнуть. Повалят дети и внуки руководителей самого высокого уровня, и неудача может быть очень чревата. Доигрался в доктора.

Постояв на пороге под нетерпеливыми взглядами Маши и Тани, – опоздаем ведь на поезд! – Пётр вернулся в свою комнату типа «кабинет» и сунул в счастливый портфель проект санатория в Трускавце. Попросим у министра не «Чайку», а санаторий в Краснотурьинске. Ну и ещё кое-что. Об этом кое-чем Пётр сейчас под мерный стук колёс о стыки рельс и размышлял – хотел поразмышлять. Не получилось.

– Пап, вставай, скоро санитарная зона, туалеты закроют. Проводница уже всех будит, – трясла его за плечо Таня.

Событие двадцать третье

Свердловск вымотал. Началось с того, что в Богданович ехать не надо. Они не успели произвести обжиг. У них план. Пипец! Весь Краснотурьинск был поставлен в позу «зю». Весь – это не преувеличение. Это факт. Чашки и блюда раскрашивали чуть не сто человек. Все учащиеся и преподаватели Художественного училища. Все художники предприятий и кинотеатров. Все выпускники Художественного училища прошлых лет, не покинувшие город. Все выпускники художественной школы, пожелавшие принять участие в этом флешмобе. Успели за неделю, отправили спецрейсом в Богданович, а у них, самок собаки, план. Пришлось ехать к Борису. Председатель Облисполкома при Тишкове обматерил директора фарфорового завода. И что? Что изменилось? Конец месяца. Точно утрутся и продолжают гнать план.

Ладно. Есть ведь и другие дела. Ну, у кого-то есть. «Уралобувь» кожу в Краснотурьинск не отгрузила. План. Правда, хоть половину замши отправила. Пётр опять хотел было ломануться к Борису, но передумал. Нашёл начальника отдела снабжения и дал ему взятку – в прямом смысле. Торжественно вручил золотые часы «Полёт». Самому теперь не надо, есть куда круче. Обещал всё сделать за три дня, и на будущее заверил в совершеннейшем почтении. Нет! «Население нужно менять».

Ещё хуже получилось в редакции «Уральского рабочего». Сами книго-газето-печатники всё сделали нормально – бумага в Красноуральск отгружена, станок печатный тоже, даже три. Два с металлолома и один почти рабочий. Ну, утрёмся. Починим. Не надо спасать эту страну. Нужно её переделывать.

Проблема была в другом. Ушёл в длительный творческий запой художник, что должен был нарисовать иллюстрации к «Буратинам». Чем свердловчанам не понравился Владимирский – непонятно. Потому что москвич? Ну и ладно. Деньги за книгу получены, пусть сами разбираются. Умоетесь! Поможем. Узнал в редакции адрес «творца». Взял двух бугаёв и наведалься. Художник Михаил Щировский жил неподалёку от вокзала, в старых деревянных домах-бараках на улице Стрелочников. Запой ощущался ещё на улице. А уж в подъезде! И в запое был весь подъезд. Пётр нашёл в соседнем подъезде трезвую бабушку и узнал у неё, где тут ближайший телефон. Оказалось, что как раз в квартире Михаила. Пришлось менять план – хотел вызвать машину из вытрезвителя. Ладно, обойдёмся своими силами. Для начала взяли ту самую бабушку и торжественно ввели в квартиру художника.

– Вона он у стенки сидит, – ткнула пальцем пожилая женщина и им же перекрестилась. Большого пальца на руке не было. Где-то недосчиталась. Может, и на войне.

Персонаж, что сидел у стенки, был «спящим». Это не мешало трём гостям сидеть за столом и принимать на грудь

«вермут» из бутылок по 0,8 литра.

– Мужики, – Пётр повернулся к спортсменам телохранителям, – Мне очень нужно, чтобы эти люди больше здесь не появлялись никогда.

– Нужно – значит, нужно, – изрёк афоризм бывший старшина.

Он взял ближайшего гостя за шиворот, приподнял его одной рукой и... Своей второй рукой сломал палец на левой руке товарища. Двое других сначала хотели «ринуться» на защиту безвинно пострадавшего от властей, но были пойманы за шиворот тёзкой. Ещё две минуты, и все трое были спущены с лестницы – благо, невысокой, так как квартира была на первом этаже. У всех троих указательные пальцы на левой руке были сломаны.

– Если ещё раз зайдёте в эту квартиру – лучше заранее возьмите с собой запасные челюсти. Сломаю! – Вадим даже оскалился для верности.

Совсем даже без криков и проклятий с угрозами алконавты потрусили за угол. Что ж, теперь сам художник. Набрали в ванну холодной воды и погрузили туда тело. Для верности ещё и притопили. Очнулся, начал сучить ножонками и ручонками. Это против Кошкина-то. Через десять минут купания почти трезвый «творец» предстал голым и мокрым перед Петром. Почему голым? Психология. Голому против одетого тяжелее аргументы «против» придумывать. За время купания Пётр осмотрел «нехорошую квартиру». А ведь

и вправду недурной художник. На стенах и на столе – не на кухонном, на рабочем – было полно рисунков-иллюстраций к сказам Бажова. И хороших иллюстраций! Были и другие рисунки. На счастье (художника), и пара Буратин имела. Вполне. Были даже картины в рамках. Пейзажи Урала, осень, скалы, вода. Красиво.

– Михаил. Ты бросай пить. Я – Тишков Пётр Миронович. Сейчас тебе Вадим сломает один палец на левой руке. Если через неделю иллюстрации к моим повестям про Буратино не будут в редакции, то мы тебя найдём и сломаем все пальцы на обеих руках. Уяснил?

– Не надо. Я всё напишу, – сделал попытку забиться в угол Щировский.

– Надо. Это для тебя же. Вадим, – Кошкин подошёл и за долю секунды, так что художник даже не успел испугаться, проделал «операцию».

Вот только тогда Михаил и испугался, и завизжал, и обмочился. Ещё одно купание – и почти вменяемый соратник.

– Михаил, а ты картины продаёшь? Я бы вот эти две купил, – Пётр указал на две особо удачные картины, изображавшие одно озеро, но в разное время года. Диптих? Или как это называется?

– Так забирайте, только не ломайте больше пальцы, – зашмыгал носом художник.

– Так нельзя. Ты ведь работал. У нас любой труженик получает по заслугам. Так сколько? – ещё не хватало так за-

братъ, а потом товарищ заявит, что ему под угрозой жизни поставили ультиматум – либо картины, либо эта самая жизнь. Ещё и палец предъявит.

– Десять рублей.

– Хорошо. Вот двадцать, за обе, – Пётр вынул из кармана кошель и достал пару «красненьких», – Через неделю зайду в редакцию. Не подведи.

Порадовали только напоследок. Пётр заехал в Суворовское училище. Генерал Тихончук Михаил Павлович был трезв и деловит – спешил. В парадной форме и при орденах с медалями. Немало. Обнял, позвякивая наградами.

– Ну что, Пётр Миронович, считай, получилось. Принято решение создать в Краснотурьинске филиал нашего училища. Подробностей не знаю, приказ ещё не дошёл, где-то в пути. Это так, добрые люди позвонили. Рад, поди? – от небольшого зеркала в углу кабинета прокричал генерал.

Пётр и в прошлый раз заметил громкий голос начальника училища. Война. Скорее всего, последствия контузии.

– Конечно, рад. Спасибо большое, Михаил Павлович. Не пожалеете.

– Уже сто раз пожалел, но песни ты хорошие пишешь, а значит, и человек ты – хороший. А мы, хорошие люди, должны друг другу помогать – иначе нехорошие верх возьмут. Согласен? – отвернулся наконец от зеркала, так ничего и не поправив, генерал.

– У вас ко мне какая-то просьба? Излагайте – всё, что в

моих силах, – догадался Пётр.

– Ты Богатикова пришли ко мне на 9 мая.

Ого. Хотя... Нет, всё равно – «ОГО».

– Хорошо, Михаил Павлович. Пришлю, – есть ведь Сирозеев, который за эти три месяца сильно подрос, и есть Градский – в страшных очках, но с чудесным голосом. Выкрутимся.

Глава 4

Событие двадцать четвёртое

Мария Нааб, она же Вика Цыганова, тоже была в Свердловске при делах. Нужна была певица с низким, почти мужским голосом – да те же песни Любы Успенской петь. Ну, и других хватает – «Tombe la neige», к примеру, для гастролей вещь необходимая. Желательно найти девушку с контральто. На худой конец, низкое меццо.

Когда она озвучила свою идею Петру Мироновичу, он заржал.

– Извини, Вика, представил картину. Сидишь ты как Пуговкин, закинув ногу на ногу, тростью помахиваешь и прослушиваешь девиц из консерватории и филармонии.

– И в чём юмор? – обиделась Вика.

– Тебе десять лет. Ладно, девушки будут петь, а вот как на эту сцену будут смотреть преподаватели и разные другие руководители?

– Нам нужна девушка с низким голосом. Ваши предложения? – Вика рассердилась. Это тело доставляло на каждом шагу кучу неудобств. Плюсы? Ну, если считать плюсом прыщички и сопли, то плюсы были. А так – одни минусы. В Краснотурьинске почти привыкли к причудам соплячки, тем бо-

лее что практически всегда она оказывалась права. Даже побивались. Ну, и стоящий за спиной Первый секретарь горкома партии. А в Свердловске? А в Москве??? И так ещё лет десять. Ужас!

Отдушиной были репетиции – там забывала о возрасте. Постепенно и окружающие стали забывать. Один Богатиков из хохляцкой вредности всегда начинал со споров. Один раз даже замахнулся на девочку, и это случилось при Петре Оберине – телохранителе и шофёре «папы» Пети, как иногда в шутку называла его Вика. Что уж там сделал здоровущий «Майор» (так его все знакомые называли) и как объяснил зазвездившемуся певцу политику партии – неизвестно, но с тех пор Богатиков ведёт себя как шёлковый, лишь иногда позволяет себе посылать убийственные взгляды.

Ещё бесятся изредка диссидентки, особенно Наталья Евгеньевна Горбаневская. Поэт непризнанный! Нет, признанный – на Западе! О, этот манящий Запад. Там свобода. Там дышать можно полной грудью. И бесполезно что-то говорить, как со стеной. «Таити, Таити... Не были мы ни на каком Таити! Нас и здесь неплохо кормят». Ну а Вика была. И на Таити тоже. Особенно потряс Лиссабон. Идёшь себе за гидом по туристическим местам и вдыхаешь запах океана и вечности, запах истории. А сверни в проулок, отклонись от маршрута. Помойка! И, как на всякой помойке, там знатно воняет, особенно в маленьких тесных переулках. Пахнет тухлой едой, мочой, под ногами валяется мусор и бегают

крысы. Везде стоят битые, разгромленные машины. Всё в граффити, часто с изображением половых органов. В переходы просто страшно спускаться – это общественный туалет. Даже всякие Гарлемы отдыхают. Проститутки, наркокурьеры – всё на виду. Показать бы этот Запад диссиденткам! И ведь даже не расскажешь. Не поверят и подозрительно спросят – а информация-то откуда? «От верблюда»! Нужно свою страну делать прекрасной, а не захлёбываться слюной от зависти.

– И что же делать, Пётр Миронович?

– Попробую договориться.

Интересно, а есть вещи, о которых не смог бы договориться Тишков? Прямо чудеса. Словно кто подыгрывает. Договорился и тут. С помпой всё пройдёт. В малом зале филармонии, нет, в Камерном зале, состоится прослушивание всех певиц Свердловска с низкими голосами. И ведь всего один звонок секретарю Свердловского облисполкома. Глинских Василий Иванович лично сопровождал девочек и Марка Яновича Макаревича к роялю – в смысле, зашёл с ними на сцену и поприветствовал собравшихся. Но рояль! «Rönisch», Санкт-Петербург, 1909 год. Сказка.

– Это председатель колхоза «Крылья Родины». Все ведь слышали песни к 8 марта и Дню Космонавтики? Это их рук дело. В ансамбль «Крылья Родины» для записи нескольких песен нужна певица с низким голосом. Победительница этого конкурса через месяц будет одной из самых знаменитых

певиц страны. Постарайтесь, – и под шёпот тёток и девиц гордо удалился.

Руководитель! Умеет народ на подвиг воодушевить. Вот только насчёт «рук»... Хотя Сенчину с Толкуновой уже и руками двигать научили, не только челюстью. Что можно сказать о самом прослушивании? Долго, нудно, нервно. Сначала пришлось распрощаться с пожилыми толстыми тётками, хотя у одной вполне себе голос – намного выше среднего. Точнее, намного ниже, и с замечательной такой хрипотцой. Заметочку с данными певицы Вика оставила в блокноте. Показывать нельзя, а вот запись на пластинку?

Ещё двоих отсеяла из-за внешности – тоже толстые, и голоса слишком оперные, уже не переучить. Осталось четыре – одно контральто и три низких меццо. Хотелось бы контральто. Оказалось, что не получится – а ведь голос у женщины круче, чем у Шер. Валентина Николаевна Левко пришла из любопытства. Она солистка труппы Большого театра.

– Похвастаться пришли? – насупилась Вика.

– Интересная ты девочка. Ходят по Москве слухи, что все эти замечательные новые песни ты придумала, – погладила по голове, как упирающегося котёнка.

– Только музыку.

– Ну да, ну да. И «Танцы на Марсе»? Туда нужен голос?

– И туда не помешает.

– Жаль, что вы не в Москве. Я бы пару песен с вами записала, – а на вполне симпатичном личике нет сожаления.

Как же, оперная ДИВА!

– Жаль, что вы не сможете переехать в Краснотурьинск.

– Где это?

– Там, где будут мечтать побывать всякие Паваротти. Хочется «Грэмми»? А победить в Сопоте? Дать концерт на Уэмбли? Вы будете петь для нескольких сотен избранных – а та певица, которую я сегодня отберу, будет петь в той же Венской опере, в лондонском «Ковент-Гардене», в «Ла Скала» для королей и министров, за гонорары соизмеримые с ценой этого здания.

– Да ты Наполеон в юбке, – снова погладила по головке.

– Валентина Николаевна, мне ещё вон тех трёх будущих звёзд слушать.

– Будешь в Москве, звони, – и протягивает визитку. Хай-тек. Точно ДИВА!

Прошла на троечку последняя девушка, аспирантка кафедры сольного пения Уральской консерватории имени М.П. Мусоргского.

– Гибалин Борис Дмитриевич, ректор консерватории, – дядечка, всё это время сидевший в последних рядах Камерного зала, подошёл к Марку Яновичу.

– Рад знакомству. Марк Янович Макаревич.

– А можно и мне вашу девочку послушать? – опа, неожиданный поворот.

– А цель какая? – устала Вика.

– Необычная девочка – и, судя по песням, даже не та-

лант, а просто гений. Я со многими композиторами знаком – всегда есть узнавание. Не скажу, что произведения похожи, но есть общие моменты. А тут ни одна песня не похожа на предыдущую, словно их десятки композиторов писали. И ведёт себя Маша как взрослая.

Ну вот. Что там Штирлиц говорил про провал?

– Тут, наверное, Борис Дмитриевич, дело в том, что я песни как таковые не пишу. Пётр Миронович Тишков их сочиняет и мне напевает, а я просто превращаю его хрипы и стоны в музыку. Аранжировку помогает делать Гофман, это руководитель Краснотурьинского Академического симфонического оркестра, – попыталась выкрутиться Вика-Маша.

– Вот! Час от часу не легче. Человек, не знающий нот, сочиняет песни, без преувеличения великие песни. Девочка десяти лет пишет для них музыку. А человек, который нигде не учился музыке, создаёт академический симфонический оркестр в городе, где даже нет музыкального училища. И он без сомнения справляется с аранжировкой! Мне тут Светланов звонил, пообщались, поперебивали вам косточки. Больше всего это похоже на мистификацию, и меньше всего – на правду. Плюс Фурцева, что с вами носится, как с писаной торбой. Даже не чудеса – за гранью. Ойстрах назвал вас троих инопланетянами. Что скажете? – и голову седую набок склонил, руки за спину завёл. Следовательно, блин.

– «На Тау Ките
Живут в красоте —
Живут, между прочим, по-разному —
Товарищи наши по разуму».

Высоцкий тоже нигде не учился, даже в музыкальную школу не ходил.

– И это чувствуется. Мелодии простоваты, – не сдавался ректор.

– Борис Дмитриевич, лет тридцать ведь ваша консерватория работает. А ещё есть Москва, Ленинград, Киев. Подскажите дальше? Десятки консерваторий. Десятки тысяч выпускников. Сколько из них стали писать «великие» песни? И сколько «великих» песен написано выпускниками консерваторий? – решила уделат метра «пигалица».

Ректор не сдался.

– Твоя правда, Машенька. Обидно. Может, выход предложишь? – и опять в позу следователя.

– Борис Дмитриевич, Маше десять лет, – попытался защитит девочку Макаревич.

– То-то и оно, уважаемый! То-то и оно! Так есть выход? – отмахнулся как от мухи.

– Борис Дмитриевич, мне на самом деле десять лет. А выход? Может, нужно больше свободы? Разрешить студентам создавать всякие ВИА, театры миниатюр с использованием музыки. Проводить конкурсы на лучшую песню, – Вика пожалала плечами.

– Я три дня назад был на репетиции в ТЮЗе – ученик бывший пригласил, он там за музыку отвечает. Они сейчас сказку ставят. Опять вы! И песни хороши. Несколько штук даже не «великие» – следующая ипостась. «На века». Не пригласите в Краснотурьинск на репетицию?

– С удовольствием. Приезжайте числа 7-го мая, на три дня. Увидите и генеральную репетицию, и концерт. А если приедете с мальчиком, лет десяти, с хорошим высоким голосом, то вообще замечательно. Есть несколько песен, а вот исполнителей хороших нет, – Вика вспомнила свою идею поискать «Серёж Парамоновых» в Свердловске.

– Договорились. А сейчас, может, споёте что?

– Слушайте, – Вика села за рояль. Вещь!

– «Дремлет притихший северный город,
Низкое небо над головой,
Что тебе снится, крейсер „Аврора“,
В час, когда утро встаёт над Невой?»

Плакал ректор. Не навзрыд. Просто слёзы катились. Не замечал.

– Сюда мальчик и нужен? – прокаркал, когда отзвучали последние аккорды.

– И сюда.

– Найду. Весь Свердловск перерою.

Штирлиц утёр пот. Вместо врага – соратник.

Событие двадцать пятое

Как там мессир Воланд говорил Маргарите на балу:

«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут».

Дали. Пётр был последним. Сначала давали учёным. Ни одной знакомой фамилии. И вдруг: Новиков Сергей Петрович – старший научный сотрудник Математического института имени Владимира Андреевича Стеклова Академии наук СССР, за цикл работ по дифференцируемым многообразиям. Целоваться с Брежневым вышел тот самый Сергей, что помог у Люши на дому решить проблему с «кубиком Нерубика». Тесен мир.

А дальше ещё интереснее. Лясс Абрам Моисеевич – заведующий лабораторией, Борсук Павел Афанасьевич – старший научный сотрудник ЦНИИТМ; Долбенко Евгений Тихонович – бывший главный металлург Южуралмашзавода; Онуфриев Иннокентий Александрович – бывший главный инженер МЧЗ «Станколит»; Ткаченко Андрей Сафронович – начальник цеха МЗ «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе; Рыжков Иван Васильевич – доцент ХПИ имени Владимира Ильича Ленина, за разработку и внедрение в производство принципиально новой технологии литейного производства – изготовления стержней и форм из жидких само-

твердеющих смесей.

Мать вашу, родину нашу. Это придумали в 1967 году. А когда начали внедрять? Через сорок лет. Пётр и внедрял, году эдак в 2007-м, на заводе, в РМБ (ремонтно-механической базе). Ну нет, не отвечает он за всю страну, а на БАЗе внедрим в этом году. Связи решают всё. Вот сейчас и свяжемся с Абрамом Моисеичем.

А дальше пошли соратники.

Светлов (Шейнкман) Михаил Аркадьевич (посмертно) – за книгу «Стихи последних лет».

Караев Кара Абульфаз оглы – за музыку балета «Тропую грома» (1958).

Моисеев Игорь Александрович, балетмейстер – за концертную программу ГААНТ СССР (1965).

Пименов Юрий Иванович – за серию картин «Новые кварталы».

Симонов Рубен Николаевич – за постановки пьес классической и современной драматургии в МАДТ имени Евгения Багратионовича Вахтангова.

Ну, и:

Тишков Пётр Миронович – за цикл песен ко Дню Победы.

Достойные соратники. Пётр впервые узнал, что замечательный русский поэт Светлов на самом деле Шейнкман. Бывает. Моисеев (слава богу, не тот – тот родился в тюрьме и имел фамилию Мойсес) и Симонов (тоже не тот), оказывается, Симонянц, – на слуху. Композитора Караева и худож-

ника Пименова Пётр не знал и в будущем ни разу не слышал – но познакомиться стоит. Связи.

Что ж, пора идти целоваться. Пётр содрогнулся. С мужиком целоваться взасос! Как отучить Брежнева от этого? Потом ведь весь мир над ним смеяться будет. Вытерпел. Зажмурился и губы сжал со всей силы. Аж шатнуло. Пожал руку мягкую.

– Спасибо.

И вдруг Брежнев выдал явно не по протоколу.

– Хорошие песни. Слезы текут. Тебе спасибо, Пётр. И дальше пиши такие песни.

Неплохой вроде мужик, а во что страну втравил? Советчики хреновые. Суслов, Андропов, что ввергли СССР в афганскую войну. Интересно, сработало ли письмо? Пока вроде никаких изменений. Дождёмся посадки Союза-1, а потом середины мая, когда Семичастного заменят на Андропова. Сядет ли? Заменят ли?

Награждение, что символично, происходило в Свердловском зале Кремля.

Потом был банкет – и даже не фуршет, ещё не придумали. Сидели за столами.

Тихон Хренников, заместитель председателя Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, толкнул речь. Не умеет, занудно до смерти. Потом слово дали первому Герою Социалистического Труда в об-

ласти литературы, поэту Николаю Тихонову. Седой, вальж-
ный, громогласный. Чуть живее получилось. Настал черёд и
Фурцевой. Вот молодец тётка! Речь так речь. И ничего не
понятно, и хочется встать и аплодировать. Талант.

Пришлось и Петру выступать. Все награждённые благода-
рили партию и правительство, обещали оправдать высокое
доверие. Штелле решил не выделяться и не креативить. Не
время и не место. Поблагодарил тех же и добавил «дорого-
го Леонида Ильича» – ещё не вошло это у народа в обяза-
тельную привычку. Обещал написать ещё больше хороших
песен.

Выделился старый знакомый. Сергей Новиков решил,
видно, воспользоваться трибуной и предложил открыть в
каждом городе математический класс, а в Москве или Ле-
нинграде – основать интернат для особо одарённых. Всё пра-
вильно сказал, только место перепутал. Путин его в Сочи со-
здаст. Там детям лучше, чем в стоящей на болотах Москве и
в совсем уж заливаемом и сверху, и снизу Ленинграде.

Когда начали вставать и вести застольные беседы, к Тиш-
кову выстроилась очередь. Первым подлетел не присутство-
вавший в зале министр автомобильной промышленности
СССР Александр Михайлович Тарасов, а Тихон Хренников,
эдакий цепной пёс реакции. Сейчас, надо думать, поводок в
руке Суслова.

– Пётр Миронович, рад знакомству! Ваши песни – это
просто глоток свежего воздуха, – ну ничего себе. Правду ли

писали в будущем о сём муже?

– Спасибо, Тихон...

– Николаевич.

– Спасибо, Тихон Николаевич. Только не просите спеть, нет ни слуха, ни голоса, – поржали.

Хренников ещё раз пожал руку и сделал вид, что отошёл, а сам пристроился чуть в стороне за спиной. Подслушивает. Значит, не ввали про его любовь к «борьбе с формалистами». Да и пусть слушает.

Вторым прорвался Сергей Новиков. Математик поздравил, пожал руку, выслушал ответный комплемент и почти отошёл. Ага. Сделал вид, что пытается отойти, и глазами в угол стрельнул. Прогулялись до угла.

– Пётр Миронович, есть новости по вашему кубуку?

– Давай так, Сергей. У меня есть пара образцов. Не с собой, конечно. Приходи завтра утром по тому же адресу, часов в десять, – понятно, что в этот раз Тишков поселился в гостинице «Россия», с ним ведь дочь и Маша-Вика – но вот завтра у него назначена встреча с химиками у Чуковских дома. Совместим. Кубики сделали на зоне и вручили торжественно Петру за пять пачек «со слоном». Почти бесплатно.

– Пётр Миронович, к вам и не пробиться, – вот на этот раз министр.

– Александр Михайлович, вы не переживайте. Конечно же, мы возьмём мальчика. Как его зовут?

– Тёзка ваш. Почти полный. Пётр Митрофанович, – чуть

улыбнулся.

– Возьмём тёзку. Он один будет?

– А мать?

– Она тоже больна?

– Тоже, от неё и заразился.

Час от часу!

– Женщина в каком состоянии? – вот уж вляпался так вляпался.

– В среднем, – губы поджал.

– Она вам дочь или невестка?

– А это имеет значение?

– Я просто хотел спросить, а остальных членов семьи она не заразила? – лысый министр, похожий на Хрущёва, поджал губы. Властный товарищ, не привык просить.

– Нет, недавно все проверялись. Это невестка.

– Хорошо. Пусть приезжают. Разместим обоих в детском тубдиспансере. Там сейчас немного свободнее стало, – и правда ведь, за последние три с небольшим месяца выздоровело десять детей, а прибавилось только трое, да и те – из Карпинска и Волчанска.

– «Чайку»...

– Подождите, Александр Михайлович. У меня к вам три просьбы. Даже, вернее, предложения. Два вам точно понравятся, да и третье интересное.

– Предложения? Кого-то устроить нужно в министерство? – конечно же, «балшой началник».

– Нет. Это не на минуту разговор, к тому же, нужно показывать картинки.

– Что машину спроектировали? Фурцева говорила, что вы инопланетянин, – улыбнулся, оттаивая, но глаза невесёлые.

– И машину тоже. Где мы сможем спокойно поговорить?

– Надолго в Москве? – протёр лысину платочком министр.

– Дня на три-четыре. Как пойдёт.

– В понедельник в восемь утра в министерстве. На вас будет выписан пропуск. Кто-то нужен кроме меня? – вот, ну есть же деловые люди.

– Нужен человек, который занимается кузовами «Волг».

– Две сороки! Будут вам сороки, – теперь улыбнулся по-настоящему.

– Сороки?

– Юрий Наумович Сорочкин – это заместитель главного конструктора завода по кузовам. Виктор Петрович Сорочкин – заместитель начальника экспериментального учебного цеха автозавода. Они на ГАЗе главные спецы по кузовам. Их там «двумя сороками» зовут. Сегодня же вызову, к понедельнику придут. Не придётся хоть краснеть? – опять насутился товарищ.

– Придётся. По противоположной причине.

– Заинтересовали. Сегодня суббота. В понедельник. Знаете, где находится наш дом терпимости?

– Дом терпимости?

– Здание имеет множество входов и выходов с разных сторон, в нем полно переходов, лабиринтов и тупиков. До революции это был доходный дом Алексея Хомякова. Ходят слухи, что в годы НЭПа в нем размещался дом терпимости – благодаря множеству лабиринтов, тупиков, выходов посетителям удавалось избегать нежелательных встреч.

– Не слышал. Интересно.

– Дом стоит на пересечении Кузнецкого моста и Петровки. Красивое здание, найдёте. Ну, не буду больше задерживать, вон к вам уже очередь выстроилась, – снова протёр лысину платочком, и крепко сжав руку, отошёл.

– Пётр Миронович! – вот и Фурцева.

– Добрый день, Екатерина Алексеевна, – чуть снова не поклонился. Здесь бы выглядело не смешно.

– Пётр Миронович, не знаю, плохо это или хорошо, но Михаил Андреевич и Леонид Ильич хотят познакомиться с Машей... вашей, – и радостно щерится, вспомнила про рифму.

– И где они?

– Сейчас пошли в малый зал. Там отдельный стол для руководителей.

– Я про Машу и Таню.

– А я откуда знаю? Шучу, не пугайтесь. Твой человек их у входа в Кремль встретил и проводил в гостиницу, потом моему заместителю отзвонился, а он мне передал, – у, змея! Пётр аж взмок. Потерять этих пигалиц в Кремле...

– Уже послали?

– Конечно, – снисходительно улыбнулась Фурцева.

– Позвоните в номер, пусть посланец возьмёт серый чемодан. Без песен ведь не обойдётся.

– Уже чемоданами песни возишь? – чуть пьяненькая Екатерина Великая прыснула.

– Приходится с вами, – лучший экспромт всегда получается после долгих репетиций. Вот и проверим эту поговорку.

– Как привезут, я тебя заберу. Веселись пока. Много не пей, – и ломанулась за Хренниковым.

Ну, осталось пообщаться с Абрамом Моисеевичем Ляссом. Заведующий лабораторией ЦНИИТМ. Как это расшифровывается? ЦНИ понятно – Центральный научно-исследовательский. ИТМ – институт тяжелого машиностроения? Или точного? Военный, значит. Из Подольска.

– Абрам Моисеевич, можно вас украсть у дамы на пару минут? – завлаб, высокий, почти лысый мужчина с остатками волос только в районе висков, подливал вина крашеной шатенке, не очень-то молодой и совсем не привлекательной.

– Вы ведь композитор? – орлом вылетел лауреат из-за стола.

– Поэт. Это к делу не относится. Я Первый секретарь горкома партии в городе Краснотурьинске. У нас там есть Богословский алюминиевый завод.

– Знаю, даже знаком был с Рюминым, – покивал Моисеевич.

– Замечательно. Там есть литейка чёрная, небольшая. Насосное хозяйство и бронировка мельниц, ну, и по мелочи ещё всякой всячины льют. Тонн триста в месяц. Разговор о насосном хозяйстве. Нельзя ли ваши смеси там внедрить в этом году? У вас формальдегидные смолы? – Пётр отводил за руку товарища подальше от начинающего становиться шумным стола.

– Что, простите? Нет, у нас не пластмассы. У нас смеси на основе жидкого стекла.

Опять Штирлиц был на грани провала. Экое старьё! Даже не вчерашний, а позавчерашний день. И за это Ленинскую премию? Бред! Хотя ведь и живём в этом самом позавчерашнем дне. И как теперь выкручиваться? Ну нет. Пойдём напролом.

– Абрам Моисеевич, а если к песку добавить не жидкое стекло, а эти самые смолы? Не пробовали? Я ещё дня четыре буду в Москве. Нужно встретиться, поговорить. Ещё такая идея есть. Берёте форму, накрываете слегка нагретой полиэтиленовой плёнкой. Потом ставите опоку. Герметичную, с патрубком. Засыпаете сухой песок, и снова плёнку. Потом включаете небольшой вакуумный насос. Песок твердеет. Переворачиваете, не отсоединяя от вакуума, устанавливаете стержни, и так же со второй опокой. При этом вакуум не отключаете. Заливаете. Отключаете вакуум – песок весь сам высыпается. Не нужна никакая регенерация, только просеять. Чтобы плёнка не прилипла к отливке, нужно из

пультверизатора обрызгать её антипригарной краской. Лучше на основе спиртов – быстрее высохнет. Метод резко увеличивает качество литья. Вот, я вам на две Ленинских премии материала подкинул. Так когда встречаемся?

– Пойдёмте сейчас со мной в гостиницу, я всех своих позову! – глаза горят, лысина блестит. Учёный!

– Не могу. Брежнев зовёт за свой стол, песни петь. Завтра воскресенье, жду вас со всем коллективом в гостинице «Россия» в семь утра в холле. Не напивайтесь. Нужны ваши незамутнённые мозги.

– Пётр Миронович, где тебя черти носят? Брежнев тебя пока одного зовёт! – Фурцева. Вихрь в юбке.

Мы девчонки из простых,
Без серёжек золотых,
Вот таких, золотых,

Но красивые, пардон!
Посмотри со всех сторон,
Посмотри со всех сторон...

Припев:

Танцуй, Россия, и плачь, Европа,
А у меня самая, самая, самая красивая опа!
Танцуй, Россия, и плачь, Европа,
А у меня самая, самая, самая красивая опа!

Проигрыш.

Все артисты, не вопрос,
Миллионы алых роз
К моим ногам.

Я девчонка из простых,
Без серёжек золотых,
Вот таких, золотых.

Припев:

Танцуй, Россия, и плачь, Аляска,
А у меня самые, самые, самые красивые глазки!
Танцуй, Россия, и плачь, Европа,
А у меня самая, самая, самая красивая опа!
Рыдай Канада, пали из пушки,
А у меня самые, самые, самые красивые ушки!

Молчание? Да нет. Гром оваций. Куда там! Притопывание и прихлопывание. Впечатлились. Особенно когда Вика-Маша в конце сбацила задний глайд, иначе именуемый «лунной походкой», и... запустила шляпой в зрителей. Поймал Шелепин, протянул Брежневу, а тот вдруг бросился на импровизированную сцену целовать девчонок. А потом и Петра. Три раза. Дай бог сил это пережить!

Однако теперь по порядку.

До того, как привезли девочек, пообщались с Вождём минут пять-семь. Странные, непонятные вопросы и подковырки.

– Как охота в ваших краях? – все знают про страсть Брежнева к этому действу. Ну, не спорт же.

– Ходят люди, и на лося, и на волков охотятся. Бывает, и на мишек натываются. Правда, за всем этим приходится ехать подальше в горы, звери ведь городской шум не любят.

– А мне вот доложили, что всех собак перестреляли, – и непонятно, как реагировать. Будем по поговорке: «не знаешь, что говорить – говори правду».

– Да, уже и до соседних городов добрались.

– Помогает? – и опять этот взгляд.

– Десять детей и жена Героя Соцтруда, директора нашего подсобного хозяйства.

– А медики?

– Сомневаются.

– Мне вот Катерина доложила, что ты теперь самый богатый человек в стране, – теперь глаза блеснули – издевается.

– Да, напали деньги. Со всех сторон валяются, не отбиться. Все на город пуцу. Ну, почти все.

– Завидовать будут. Пакостить. Что сделали с тем доктором, что кляuzu написал? – теперь точно смеётся.

– Закопали.

– Закопали? Живым? – и челюсть отпала.

– Что вы, Леонид Ильич, под ворохом бумаг. Целыми днями всякие отчёты пишет. От детей отодвинули. Нужно думать о других, если ты врач, а не о том, что с тобой может случиться. Перестраховщик и дурак.

– Много ведь дураков.

– Боремся.

– Успеваешь и песни писать, и книжки, и город резко в гору пошёл. Докладывают. Хватает времени?

– По двадцать пять часов с сутки работаю.

– Так в сутках двадцать четыре...

– А я встаю на час раньше, – купился Генсек на старую шутку, задрезжал. Мелко захихикал и подкравшийся бочком Суслов.

– Приехали.

Ну, слава Всевышнему.

На этот случай Пётр с Викой Цыгановой разработали целый сценарий. Времени особо не было, так что все реквизиты взяли уже готовые. Ну, какие были. Кроме того, успели отработать корейский танец с Таней. И Вика, и Пётр видели, как корейские девушки из какого-то танцевального коллектива танцуют под русские песни, в том числе и под эту нетленку Глюкозы. Времени было всего три дня, но в целом получилось неплохо, а сама Маша-Вика ещё и над лунной походкой поработала. Тоже не Майкл Джексон – только ведь на дворе 1967 год. Она не только первая, но и единственная.

Брежнев обнял обеих девочек и покрутил, разглядывая со всех сторон. На «сестрёнках» были платья в стиле «милитари». Красота, кто понимает.

– Ну, что вы нам споёте? – влез поперёд батьки Устинов. Командир ведь. В будущем. Сейчас Гречко.

Вот Вика молодец. Она проигнорировала второстепенного персонажа и обратилась напрямую к Генсеку.

– Леонид Ильич, нам нужен магнитофон.

– А сами петь, что, не можете? – опять вылез пьяненький Дмитрий Фёдорович.

– Катерина, есть здесь магнитофон? – всё ещё поворачивая так и эдак Таню, отвлёкся на секунду Брежнев

Фурцева Петром была предупреждена, и человек с немецким магнитофоном стоял за дверью. Алле-оп, и всё готово. Пётр достал из чемодана кассету с плёнкой-«минусовкой» и поставил на магнитофон.

– Леонид Ильич, можно мы с сестрёнкой споём шуточную песню? – и невинно похлопала глазками.

– А гитары вам не надо? – приподнял свои брежневские брови Брежнев.

– Музыка записана на магнитофон, а петь мы будем по-настоящему.

– Давайте шуточную.

– Ровно сто лет назад царь Александр II Николаевич продал американцам Аляску. В народе ходят слухи, что договор заключён на 99 лет, и в этом году Штаты должны её вернуть. На самом деле это не так – договор не предусматривает возврата. Но народу ведь хочется верить! Вот про это и есть наша песня, – произнёс вступительную речь Тишков и включил магнитофон.

«Не валяй дурака, Америка,
Вот те валенки, мёрзнешь небось.
Что Сибирь, что Аляска – два берега:
Баня, водка, гармонь и лосось».

Последний припев пели уже все вместе. Потом все члены Политбюро долго тискали девочек. Досталось поцелуев и объятий и Петру. Даже Фурцева чмокнула.

Выпили. За возвращение Аляски. Потом за Сибирь. Девочкам налили лимонаду, и даже кока-колы. Изыск и дефицит. Не знают ведь, что в будущем ею будут с деталей ржавчину смывать.

– Может, девочки ещё споют? – пьяненькая Фурцева и сама готова была выпрыгнуть на сцену. Ну как сцену – просто по паре стульев с боков поставили, чтобы ограничить пространство.

– Песню так песню. – Пётр, прежде чем нажать на клавишу, предупредил, – Это тоже шуточная песня.

Включил воспроизведения. Зазвучала музыка Глюкозы. В отличие от оригинального исполнения, Пётр с Викой решили вступление растянуть на пару минут. Было предусмотрено действие. Украли у Майкла Джозефича Джексона. Вика подошла к чемодану, развернула стул так, чтобы зрителям не было видно, что в чемодане, и открыла его. Потом сделала вокруг него боковой глайд и достала пиджак. Его сшили из толстого шёлка, настолько белоснежного, что прямо глаза слепил. И ярко-красные пуговицы. Шёлк как-то где-то в

Москве достал Мкртчян по просьбе Петра. Надела, и ещё круг глайда. Дальше из чемодана были вынуты перчатки из этого же шёлка, тоже с красными пуговицами и таким же рантом. Последней на свет появилась шляпа. Её под маленькую девичью головку переделали в краснотурьинском ателье из шляпы Тишкова. Разрезали сзади и снова сшили, а чтобы скрыть шрам, натянули красную ленту. Ну, не Пьер Карден – только это первая и единственная в мире шляпа для девочки.

Ну, а потом и грянули «песню»! Таня только подпевала в припевах, вела Вика. Уж точно не хуже самой Глюкозы. Оригинальную версию Пётр сразу зарубил. Какие там олигархи – да и опа-попа уж больно часто звучит. Добавил глазок и ушек – так и смешней, и не так по пролетарской душе скребёт. Получилось. А в конце задняя лунная походка. Из хайтеков хайтек. Снос башки. Удивили, поразили, впечатлили.

Пришлось и второй раз петь после перекуса и запивона. На этот раз припев и кое-кто из старичков поддержал – и опять обнимания и целования. Один только Суслов что-то недовольно пробурчал на ухо Пельше.

– А ещё, Пётр, есть у тебя новые песни? Тоже шуточные, – Брежнев уже прилично принял на грудь.

– Есть, но они на киноплёнке, – Пётр вытащил из чемодана коробки, – нужен проектор и кинозал.

– Через аппарат изобретателя Евгения Мурзина пропущена музыка? – спросил подошедший Андрей Павлович Кириленко.

Пётр его узнал. В обкоме в Свердловске висит большой портрет предыдущего Первого секретаря. Ни про какого Евгения Мурзина Штелле не слышал, но зарубочку в памяти оставил – завтра у Фурцевой поинтересоваться. Екатерина Алексеевна, если сама и не знает, то один чёрт информацию добудет. Может, нам это в свой удел обязательно нужно.

– Нет. Там просто короткометражные фильмы с песнями.

– Катерина, распорядись! Пошли, Пётр, выпьем пока. Хорошие у тебя песни. И все разные. А про День Победы потом споём все вместе.

– Хорошо, Леонид Ильич.

Кинозал был небольшой, мест на пятьдесят, весь в красных тонах. Замечательные, обитые бархатом, удобные кресла. Барствуют слуги народа. К нему довольно долго шли нестройной толпой по красным дорожкам, то поднимаясь по ступенькам, то спускаясь.

Клипы пришлось крутить два раза – понравилось.

– Нужно показать в кинотеатрах. Не хуже всяких «самогонщиков», – вынес вердикт Вождь. – Ты, Пётр, сам снимал? Хороший актёр этот дедок. Не узнал его. Как фамилия? Поощрить его надо. И Вергинская хороша. Катерина, дай им заслуженных артистов в этом году, – пьяный Брежнев был щедр.

От Штелле же не укрылось, как опять зашушукались совершенно трезвые Пельше и Суслов. Ой, не к добру.

– Да, Катерина Ксевна, а девочкам чтобы завтра подарили

хоорошие золотые серёжки. С красными камнями. Рубины там. Проследи. Потом доло – ик – жишь, – уже и язык заплетается. Пора на боковую.

Событие двадцать шестое

Перебрал. Старался ведь не идти в ногу с политбюро. Может, и не шёл, но и того хватило. Пётр еле проснулся в половине седьмого, а на семь сам симпозиум назначил. Голова бо-бо, во рту ка-ка – и холодный душ не облегчение ожидаемое принёс, а сопли из носа. Сейчас бы «принять ванну, выпить чашечку кофэ». Кофэ и принял. Целую большую кружку. Дудки! Нет больших кружек. Хотя, где-то, наверное, есть – но в продаже не видел, посему пришлось пить из стакана. Или кофэ не тот, или нельзя из стакана – но и тут ожидаемого эффекта не получилось. Весь результат – сопли прошли. Голова по-прежнему бо-бо. Анальгин? Взял с собой и анальгин, и аспирин, и даже ампициллин новомодный – где-то жена добыла, врач ведь. Съел две таблетки и спустился в фойе. И охренел.

Внизу под лестницей стояла толпа – человек двадцать. А за стеклянными дверями ещё почти столько же курили. И с первого взгляда было понятно, что это не постояльцы и не желающие этими постояльцами стать. Это по его душу. ВЕЩЕЙ НЕТ.

– Пётр Матвеевич! – из толпы вынырнул Лясс.

– Миронович.

– Ой, простите. Пётр Миронович, взбаламутил я наше болото. Один с другом поделился, тот со своим. Так и набра-

лось по зёрнышку, – лауреат не смущался. Гордился. Вот она – ГВАРДИЯ, что куёт для страны щит, ну и меч заодно.

– Абрам Моисеевич, я думал вас человек пять-семь будет, сядем на лавочке и поговорим – а сейчас чего? Мне с лестницы вам речь толкать? – голова мгновенно перестала болеть, поняла, что не до неё. О заднице беспокоиться надо. Тут, не ходи к семи гадалкам, и пару человек из «конторы глубокого бурения» тусуются.

– Не переживайте, товарищ Тишков, – вперёд вышел солидный дядечка – точно «бурильщик», – здесь есть несколько конференц-залов – вот самый большой я уже зарезервировал. Только вас и ждали. Разрешите представиться – директор ЦНИИТОЧМАШ Виктор Максимович Сабельников. Кандидат технических наук.

– Ну, пойдёмте. Не готовился к лекции, тезисы на комоду дома забыл, – пробурчал Пётр, пропуская начальство. Толпа всколыхнулась и быстренько выстроилась в очередь по научному ранжиру. Пошли.

Уселись. Попереглядывались. Прокашлились. Пётр усиленно соображал, как объяснить знания. Он, конечно, преамбулу ещё вчера набросал, но получалось, что может и не сработать. Начнут копать – могут и докопаться. Вот так попаданцы и начинают свой путь в психушку.

– Давайте так, товарищи. Я сейчас объясню источник моих дурацких идей, а потом их расскажу. А вот ответить на технические вопросы, скорее всего, не смогу. Сейчас поймё-

те, почему, – зал загудел.

– Пётр Миронович, вы не волнуйтесь, здесь собрались лучшие металлурги и химики нашего института. Вместе докапаемся до нюансов, – решил подбодрить его Лясс.

– Одним словом, есть у меня знакомый буржуй, – опять гул в зале.

– Пётр Миронович, а можно чуть поконкретнее? – директор выглядел сосредоточенно.

– Как скажете, Виктор Максимович. Мою книгу случайно увидел случайно проходивший мимо книжного магазина в Москве барон Марсель Бик. Тот самый Бик. Вот у вас его ручка в кармане пиджака.

– Случайно? – теперь молодой человек из первого ряда.

– Если вы пришли сюда в чём-то меня обвинять, то до свидания. Я Первый секретарь горкома партии, и вчера весь вечер провёл с Леонидом Ильичом Брежневым и другими членами Политбюро. Ещё один выкрик с места или вопрос не по делу – и я уйду, – а что, пора «бурильщиков» на место ставить. – Прошу этого молодого человека покинуть зал.

– Извините его, Пётр Миронович, он будет нем, как рыба.

– Или я, или он!

– Товарищ Тишков... – стал приподниматься выскочка.

– До свидания! – Пётр стал протискиваться к выходу.

– Пётр Миронович, он уходит. Товарищ Шестопалов, выйдите! – заорал Сабельников на, теперь уже без сомнения, КГБшника.

– Хорошо. Позже поговорим, – злое личико товарищ изобразил.

Вышел под гробовое молчание.

– Марсель Бик предложил мне издать мою книгу во Франции. Перед этим мы немного пообщались. Когда он узнал, что я работаю в металлургическом городе, то разговор незаметно перешёл на металлургию. Переводчица была не металлург, да и сам барон тоже не металлург, он химик. Сюжет такой. К нему пришёл изобретатель и предложил создать линию по выпуску оборудования для литейного производства, – Пётр перевёл дух.

Вроде бы неплохая отмазка. Не поедут же во Францию проверять его слова у фабриканта Бика. Или поедут, отправят «сладкую ловушку»? Подпоют, разговорят. Но ведь не сегодня. Да и не самое простое мероприятие.

– Давайте чуть отвлечёмся от француза. Мне по роду деятельности приходится часто бывать на заводе, что расположен в Краснотурьинске. Там есть небольшая чёрная литейка. Вникал в производство. Интересно. Так вот, представил ваши стержни у них на производстве и задумался. А как с регенерацией песка? Часть стержней попадёт в бункера с отработанным песком, и потом на бегуны. Пусть сита большую часть отсеют. В следующей фазе ещё. И ваши стержни будут накапливаться. Что произойдёт? Штелле точно знал, что произойдёт. Именно по этой причине стержни с жидким стеклом и не нашли широкого применения.

– Можно через несколько циклов обновить песок, – встал лауреат Ленинской премии.

– Конечно же, можно. Всё имеет свою цену. Подумайте. Но вернёмся к изобретателю-французу. Оборудование выглядит так... – и Пётр описал линию литья с вакуум-плёночной формовкой. Ту самую, что через десять лет купят у японцев, да так толком в стране и не внедрят. Сначала перестройка, потом «лихие девяностые», а потом олигархи, которым нужно выжать всё из действующего оборудования, а не внедрять новое.

– Вот это мне барон Бик и поведал. Я думал, он советуетеся со мной, как с металлургом, но нет. Он отказал этому изобретателю. Там ведь из пластмасс только плёнка, а всё остальное – железо. Не его профиль. А рассказал он по той причине, что зашёл разговор об изобретателях. Ну, про то, что многие изобретения опередили своё время, вот как ручка его. Мы до сих пор ещё в школах детей учим писать обычной перьевой ручкой, чернильницы дочь в рюкзаке носит. Вечно в пятнах от этих чернил. А он такую хорошую ручку сделал! Вот он и поведал об изобретателе. И ещё одну вещь тот француз предложил: добавлять к песку формальдегидные смолы. Мол, никакого нагрева, печей и прочей громоздкой техники. Только небольшие бегуны, высокоскоростные. Я точно не химик, и состав этих смол не помню. Единственное, что могу подсказать – как-то запомнилось из разговора, что песок должен быть промытым, не содержать глины, она

резко снижает прочность. И что нужна щавелевая кислота как катализатор. Вот и все мои знания.

Народ молчал.

– В США оболочковые формы пытался внедрить господин Яссон. Об этом были публикации, – прервал молчание седоусый дедушка в последнем ряду. Похож на запорожского казака. Чуба только не хватает, просто лысина на голове.

Загалдели. Сначала тихонько, памятуя про окрик директора. Потом погромче. Потом громко. Пётр сел на стул. Ждал. Он рассказал всё, что сам знал и помнил про эти процессы. Не сможет, скорее всего, ответить ни на один вопрос сих учёных мужей. Вопросы последовали. Самое интересное, что почти на половину ведь и ответил – память услужливо выталкивала на поверхность нюансы.

Хорошо поговорили. Всё, пора к химикам-химичкам.

Событие двадцать седьмое

Список с номерами. И дальше химическая заумность.

$C_6H_{14}N_2O_2$ – Мельдоний, метаболическое средство, нормализующее энергетический метаболизм клеток, подвергшихся гипоксии или ишемии.

$C_{17}H_{19}N_3O_3S$ – Омепразол. Он же – «Омез», препарат от гастрита и язвы.

$C_{13}H_{21}NO_3$ – Альбутерола сульфат. Бронхорасширяющий препарат для купирования приступов бронхиальной астмы, а также для приёма при хроническом бронхите.

$C_{22}H_{30}N_6O_4S$ – Силденафил. Препарат, обладающий выраженным влиянием на кровоток в области органов малого таза (в половом члене в том числе), самый мощный из афродизиakov. «Виагра».

$C_{25}H_{36}N_6O_4S$ – Уденафил. Лекарственное средство, также предназначенное для лечения эректильной дисфункции, то есть неспособности достичь и сохранить эрекцию, необходимую для совершения полового акта.

$C_{20}H_{34}O_5$ – Алпростадил. Препарат для постоянного лечения эректильной дисфункции, но обладает и сосудорасширяющим свойством.

Шесть лекарств. Шесть стеклянных баночек. Все синтезированы. По некоторым начаты испытания. Некоторые коллеги присутствующих за столом дам испробовали на себе.

Остались под впечатлением. Речь, конечно, об «Омезе». А вы о чём подумали?

К встрече с дамами Пётр мог и хотел подготовиться. Если тебе это почти ничего не стоит, то почему бы и не поблизиться? Сразу по приезде в Москву, едва разложив вещи в номере гостиницы, он набрал телефон директора рынка – и обломался. Товарищ Мкртчян на совещании в райкоме.

– А Армен на месте?

– Нет, с ним.

– А когда будут?

– А когда будут, тогда будут.

И что делать? Весь план рушится.

– А вы не могли бы передать товарищу Мкртчяну, что звонил Тишков? Я в гостинице «Россия», и номер телефона следующий...

– Товарищ Тишков, Пётр Миронович, это Акпер говорит, может, помните!

– Конечно, помню. Как новые нарды, получили?

– Спасибо, Пётр Миронович, всё получили. Красивые. Все завидуют! Просят себе такие достать. Вы им не продавайте. Когда есть только у тебя – это одно, когда у всех – уже неинтересно. Вы что-то хотели? Говорите мне. Смогу – сам сделаю, не смогу – как только Петрос Мушегович вернётся, ему передам.

– Хорошо. Мне нужен казан горячего таджикского или узбекского плова по тому адресу, куда доставляют продукты,

послезавтра, в воскресенье, к десяти часам утра. К нему лепёшки и пару бутылок того абрикосового вина. Ну и, если есть, фрукты, – Штелле решил сам не готовить. Это время, его в Москве всегда не хватает. К тому же вполне трезво оценивал он свои кулинарные способности. Это на ура прошли первые блюда – новые, необычные, а так ведь ни разу не повар. Иссяк запас изысков, – Да, чуть не забыл. Если возможно, то пару баночек крабов и варёную кукурузу. Стоп, ещё отварной рис – если есть, то длиннозерный, – решил всё же удивить и сварганить салат «из крабовых палочек», только вместо приправленной химией рыбы – настоящие крабы. «Снатка» даже в свободной продаже бывает.

– Пётр Миронович, я ведь сам повар – вы хотите из этих продуктов приготовить какое-то необычное угощение?

– Салат.

– А рецепт не расскажете? – на том конце провода неприкрыто царило пренебрежительное недоверие.

– Легко. Берёте рис и отвариваете до состояния, когда он ещё не разварился, каждое зёрнышко отдельно. Каша не нужна.

– Это важно?

– Это – самое важное. Дальше. Берёте кукурузу и варите долго, чтобы получилось почти как отваренные молодые початки.

– Понятно. Не проблема.

– Потом отвариваете яйца и режете их на кусочки, соизме-

римые с зёрнами кукурузы. Самое главное для любого салата – чтобы составляющие были одного размера, – посмотрелся, блин, кулинарных каналов. Теперь настоящих поваров учит.

– Не слышал. Спасибо. Запомню.

– Теперь так же поступаем с крабами. Следующий ингредиент – лук. Он не должен быть горьким. Говорят, есть в Крыму сорт, аж сладкий. Не продают у вас на рынке?

– Почему не продают. Как раз продают. Сорт и называется «Крымский». Красный, плоский, сладкий. Только купить сложно, знатоки сразу расхватывают. А что делать, если сейчас нет? – заинтриговал повара. Нет уже недоверия.

– Можно обычный белый лук обдать кипятком с небольшим количеством уксуса. Только потом промыть – не должно остаться запаха.

– Сделаем. Все ингредиенты?

– Нет. Главный остался. Соус «майонез». Нет у вас?

– Слышал в техникуме, но никогда не пробовал. Научите готовить?

– Берёте яйца и отделяете желтки от белков. Смешиваете желтки с растительным маслом. Лучше оливковым, или хлопковым, в крайнем случае. Запах семечек тоже не нужен.

– Есть оливковое.

– Ну и замечательно. Смешиваете, добавляете немного уксуса, соли, сахара, и чуть-чуть горчицы. Теперь взбиваете до бледно-жёлтой сметанообразной массы. Вот этим майонезом и заправляется крабовый салат. Если сделаете и по-

лучится вкусно, то не нужно отдельно ингредиентов – пусть с пловом принесут готовый салат. Передайте Петросу, что я в долгу не останусь. Есть пару очень хороших песен.

– Вай, дорогой Пётр Миронович, я сам приготовлю и сам принесу. Какие счёты между друзьями. Если салат получится, и его начнут подавать в ресторанах родственников и друзей Петроса Мушеговича, то уже десяток пловов окупится. Всё будет в лучшем виде. Можете о закусках не беспокоиться – беспокойтесь о гостях. Придётся домой на носилках отвозить – так накушаются.

Отправляясь «по бабам», не забыл и о девочках. Договорился с Макаревичем, что тот сводит их в Третьяковскую галерею. Ну, Вика Цыганова, конечно, была, а вот для Тани будет незабываемое впечатление из детства.

Вроде бы всё предусмотрел, а вышло, что чуть не опоздал. Раскланялся с металлургами и военными и пошёл к стоянке такси – а там очередь. Отвык ведь во времена проживания в будущем, которое все попаданцы хотят заменить вот на это прошлое. Память – вещь избирательная: хорошее долго помнит, а вот об очередях норовит забыть.

Очередь двигалась. Подъезжали «Волги» с шашечками, ещё не жёлтые, а бежевые, и не 24-е, а 21-е, но это скорости приближения к заветной дверке не меняло. Пётр глянул на изделия швейцарских гномов. Опоздает, если ничего не предпринять. А что можно предпринять? Достать сотовый и позвонить в «Яндекс-такси»? Поймать частного? Это в 67-

м году? Вернулся в гостиницу и заказал такси по телефону. Обещали в течение получаса. Ладно, один чёрт быстрее не получится.

И успел ведь! К двери квартиры Чуковских поднялся без трёх минут десять, и не один поднялся, а с тремя помощниками. Вот надо отдать должное южным народам нашей необъятной Родины. Они другие. Тысячелетия воспитания в духе чинопочитания и понимания природы человека сделали своё дело. Плов был не в казане, как заказывал Пётр. Отнюдь. Он был на трёх огромных блюдах, и плова было три, по трём разным рецептам. Салат «Крабовые палочки» тоже был не в кастрюле: его подали в большой супнице с плотно закрывающейся крышкой. Кроме того, были немаленькие блюда с виноградом, мандаринами и совсем чудом – клубникой. Где взяли – в апреле? И три большие вазы. С розами. В одной белые, во второй – розовые, в третьей – кроваво-красные. Опять чудо для 67-го года. С «доставкой» столкнулся у подъезда – препирались с консьержкой, не желающей поощрять эту вакханалию щедрости.

– Это со мной.

– А ты-то кто, милоч? – правильная тётка, бдит.

Пришлось распахнуть куртку. На сером пиджаке небольшой иконостас. Слева медаль лауреата Ленинской премии. Справа орден Трудового Красного знамени, две медали и значок члена Союза писателей. Что уж на тётку подействовало, значок или премия – не стал выяснять. Пропустила, и

ладно. Уже поднимаясь по лестнице, понял: ни то, ни другое. Куртка!

Обычная коричневая кожаная куртка. Сшитая по канонам XXI века. Капюшон, оторочка из песца, молния, куча всяких карманов, погончики. Ну не за лётчика ведь тётечка приняла. Не иначе – за знаменитого артиста. Вон сидит внизу, гадает, «Больших или Малых Академических театров». С курткой намучился. В ателье отказали – ровно кожу не прошьют, коробить будет. Слабоваты машинки. Пришлось идти к сапожникам – тоже отказали. Машинки сломаны, никто починить не берётся. Есть одна допотопная, но строчку ровную не держит. Пётр вспомнил, что и в первые дни «попаданчества» прочёл об этом в местной газете. Дал команду отвезти машинки в ЛМЦ на завод, там отличные специалисты по ремонту станков. Починили ведь. Починили – только лучше не стало. Машинка прыгает, как норовистая лошадка, и строчку всё равно не держит. Беда! Пришлось отправлять Макаревича на «Уралобувь» с подарком. Вручил ведро кедрового ореха и три кило мороженой клюквы, ну и тонкую золотую цепочку, из новых. Сработало на пять. Приехали два наладчика – и наладили. Более того, научили этому специалистов по токарным станкам. А говорят, что взятки зло. Это заблуждение – вон сколько пользы. Главное – это цель, а тут цель явно благая. Во-первых, куртка себе. Во-вторых, куртки «дочерям». В-третьих, у сапожной мастерской теперь есть две практически новые швейные машины, и есть специалисты по

их наладке и ремонту. А в чём минус? Развратили главного по ремонту спеца на «Уралобуви». Это одной-то цепочкой? А кто ж в обозримом будущем ему вторую даст? Их ведь всего двое, попаданцев. Ну и не очень легко представить десятилетнюю девочку, раздающую цепочки. Хайтек!

Акперу нужно отдать должное. Дверь открыла старшая Чуковская. Бывший повар (повара, как и КГБшники, бывшими не бывают) изобразил поклон из фильма про старика Хоттабыча и мановением руки запустил конвейер. Жаль, нет музыки – чего-нибудь из Хачатуряна. Пётр нёс вазы. За огромными букетами даже узнан не был. На стол всё не влезло – вазы разместились на полу, а блюдо с клубникой – на комод. Шок. Вот подходящее слово.

– Акпер, вот кассета с песней. Твоё угощение выше всяких похвал. А теперь представь пять таких угощений. Вот такая песня! Никто не слышал.

Пожали руки и распрощались. Дамы пытались оставить волшебника, но армянин был непреклонен – дела. А песня и в самом деле была бомбой. «У беды глаза зелёные». Даже жалко расставаться. Намучились! Пела грудным контральто эфиопка, с чарующим акцентом. Просто снос башки. Это в XXI веке. Здесь – атомный взрыв.

Пока прощался с волшебником и песней, не обращал внимание на обитателей и гостей квартиры. А зря! Понюхали, попробовали. Оценили жест.

– Да, Пётр Миронович, зря вас Люша инопланетянином

обзывает. Вы с этой планеты. Только из подземного мира. Там дьявол у вас на посылках? Как такое возможно в Москве ранней весной? – членкор так разволновалась, что даже акцент проступил. А кто она по национальности?

– Мы с Вельзевулом братья. Что скрывать правду – она всё равно на свет вылезет. Только одно «но»: он меня ограничивает в чудесах. На сегодня всё, исчерпан лимит, – шутейно поклонился, – Плов нельзя есть холодным. Быстро к столу.

Сидели, болтали ни о чём. Доедали плов. Вдруг звонок в дверь. На манеже те же: опять Акпер. Плетёная корзина. В ней коньяк «Камю», шампанское «Мадам Клико», ананас, а в нагрузку – ещё и термос с мороженым.

– Петрос Мушегович послушал песню. Это лучшая ваша песня.

Акпер ушёл, а Пётр остался.

– Пётр Миронович, а как зовут третьего брата? Это от него подарки? – а ведь и в самом деле – перебор для нищей интеллигенции в 1967 году. Даже у Брежнева вчера было на пятьдесят баллов дешевле, если по пятидесятипятибалльной шкале.

– Плов нельзя есть холодным, а мороженое – горячим.

– О какой песне говорил этот прохвост? – насела с другой стороны Люшина мать.

Пришлось достать кассету, перемотать, найти и поставить. Атомный взрыв. Все рыдали. Все – это и Пётр тоже. Вещь.

– Пётр Миронович, но ведь так нельзя! Такого не бывает. Каждая ваша песня – это шок для всей страны. Это же за пределами человеческих возможностей. Кто вы на самом деле? – возопила, вернувшись из «дамской комнаты», главная химичка.

– Десерт тает, и всех моих способностей не хватит превратить сладкую жижицу в мороженое назад. Вернёмся к нашим баранам.

Потом сидели в кабинете главного Чуковского и обсуждали лекарства. Цезаревна с мамой мыли посуду и готовили чай, сидели втроём. Рахиль Хацкелевна, доктор Вера Спиридоновна Ляшенко и Пётр. И как только эти дамы докторами наук стали? Они, скорее всего, хорошие химики, а вот организаторы – никакие. Лекарства даже у нас не зарегистрированы. Ну, им, возможно, виднее про всякие там испытания клинические, Пётр не особенно в курсе был, а вот дальше?

– Нужно сделать так, чтобы их не смогли у вас украсть иностранцы. И в то же время нужно сделать так, чтобы за патентами выстроилась очередь, – попытался включить женщин в процесс спасения Родины попаданец.

– Этим занимается соответствующая организация. Автор ведь передаёт все права государству, получая патент, – разъяснила политику партии членкор секретарю этой партии.

– Да и ладно. Вам нужно получить заграничные патенты, и ещё нужны правильные статьи в журналах. А самое главное, особенно по «Виагре» – статьи с восхвалением должны

появиться на первых страницах таблоидов.

– Да вы с ума сошли, Пётр Миронович. И что такое «таблоид»? – Фрейдлина отмахнулась, как от больного.

– Что же плохого будет, если на первой странице «Таймс» – это и есть таблоид – появится статья? И вот такой заголовок: «Эти русские смогли получить афродизиак, который на самом деле работает. Где вы, стареющие ловеласы? Вам дорога в Москву! Только поплотнее набейте кошельки долларами – русские научились торговать».

– Вы предлагаете нам самим торговать? – квадратные глаза.

– Я секретарь горкома, а не прикидывающийся им психбольной. Просто в СССР с патентов платят проценты. Здесь это миллионы и миллионы долларов! Если наладить выпуск только этого препарата, то продажи будут на миллиарды. А «Омез»? Тоже ведь потребность огромная, гастрит у каждого третьего – а у каждого второго мысль, что у него гастрит. А если этой мысли нет, то её нужно внушить. Помните начало романа «Трое в лодке, не считая собаки»? Там главный герой нашёл у себя все болезни, даже, кажется, беременность. Вот статьи с такими симптомами раннего гастрита и начинающейся язвы должны неделями не слезать со страниц западных газет. В Москве должен быть магазин, который продаёт только ваши лекарства, и проклятые буржуи должны часами стоять в очереди. Пусть побывают в нашей шкуре. Страна тратит огромные деньги на вооружение, иначе бы давно съе-

ли. Пусть за это оружие платят их граждане, а не наши.

– А ведь Вельзевул не отнял у вас способности к чудесам! Обманули. Вон, хлещут, как из рога изобилия. Делитесь планами. Поможем, чем можем.

Глава 5

Событие двадцать восьмое

Только приступили к конструктивной беседе о завоевании западного рынка, как в дверь позвонили. И без всяких шестых чувств Пётр понял, что это по его душу. Нет, по тело – в душу коммунисты не верят. За дверью был без экивоков коммунист. Ростом товарищ был с Петра, может на пару сантиметров даже пониже, а вот вес! Вес коммунист имел под сотню. И это был не пивной животик – это были мышцы.

– Тишков Пётр Миронович? – спросил, но в ответе не нуждался – возможно, фотографию видел, – Собирайтесь, едем в Завидово.

Очевидно, обладатель мышц ожидал вопросов типа: «куда?» или «зачем?». Пётр промолчал. Кто же в XXI веке не знает, что в Завидово дача «дорогого Леонида Ильича». Помолчали.

– Где ваши дочери? – первым бросил играть в молчанку коммунист.

Пётр мельком глянул на часы и уловил приподнявшуюся бровь «собеседника». Швейцарцы показывали почти двенадцать. Зря их надел, запоздало пожалел Пётр. Довыпендривался. Теперь доложат.

– Скорее всего, в Третьяковской галерее.

И тут товарищ удивил. Он достал из внутреннего кармана рацию – вполне себе небольшую, и даже в пластмассе. Для 1967 года вещь неординарная.

– Василий, к выходу в Третьяковку. Две девочки десяти лет, – посланец вопросительно выгнул бровь.

– С ними мужчина лет сорока в кожаной куртке. Девочки в куртках с капюшоном из серого материала, – подсказал Пётр, правильно истолковав выгибание. Ну, так не интересно! А где «Первый, я Окунь, говорю со дна Невы»?

– Собирайтесь. Машина внизу. Вам нужно заехать в гостиницу?

– Зачем?

– За песнями, – чуть не изобразил улыбку «собеседник», но вовремя одумался.

– Нет, кассеты с собой, – да разве можно такую ценность в номере оставлять? Вон, в знаменитом многострадальном портфеле.

– Жду вас в машине.

Пришлось распрощаться. Ну, тезисы намечены – пусть думают. Назначили ещё одну встречу, во вторник вечером в ресторане «Прага» – просто Пётр других не знал. Не «масквич». У подъезда ожидала не «Чайка». Да даже и не «Волга». «Рафик»? Так ведь и не «Рафик». Чудо-юдо. Голубая коробочка типа «Рафика», но без окон. И мордочка другая – более квадратная и с круглыми фарами.

– Что это? – поинтересовался Пётр у собеседника, обойдя голубое чудо.

– ЕрАЗ-762. Говно машина. Хотя и новый, но ломается каждые три дня. Только что снова из ремонта. Ни черта армяне делать не умеют.

А вот тут Пётр был не согласен. Вон сегодняшний банкет – сумели. В ошибках подчинённых всегда виноват начальник: либо не тем делом заставил заниматься, либо не проконтролировал. Как-то в одном из попаданческих романов Штелле читал про эту машину. Тоже ругал афтор – начитался, видно, негатива в «википедии». А мы не будем ругать. Нам дела нет. Нам нужно Краснотурьинск сделать лучшим городом мира, а не страну спасти. Не умеют и не хотят армяне с грузинами выпускать хорошие, качественные машины – и флаг им в руки, и барабан на шею, и ноты за пазуху. Пусть мандарины выращивают. Вон дети их видят только под Новый Год – значит, мало деревьев, мало рабочих рук. Заводы надо строить в России, а мандарины выращивать в Грузии с Арменией, а не наоборот.

В принципе, понятна и основная идея, заставляющая там строить заводы. Идей-то несколько, в том числе и демографическая. Там быстро растёт население за счёт высокой рождаемости, и людей нужно трудоустраивать, но не это главное. Главное – увеличить процент «рабочих» в республиках. Именно из-за того, что на Украине при создании СССР была мала прослойка пролетариата (сельское население – кре-

стьяне), Ленин со Сталиным и отдали «безвозмездно» хохлам Донецк, Луганск, Николаев, Одессу. Это чисто русские города, с крохотным процентом фамилий, заканчивающихся на «о», зато пролетариата там – хоть ешь одним местом. Кому лучше сделали творцы первой перестройки? И вообще, для гениев у них многовато ошибок.

– Ваши? – отвлѣк от государственных мыслей Петра коммунист.

Дорогу пересекали Маша с Таней в сопровождении Макаревича и трёх похожих на коммуниста типов.

– Пётр Миронович, нас что, арестовали? – бросился к Штелле литовский еврей.

– Ну, что вы, Марк Янович! Нас Брежнев в гости зовѣт.

– Приказано вас троих доставить, – пробубнил главный коммунист.

– Марк Янович – директор колхоза, в котором и создан наш ансамбль. Думаю, Леониду Ильичу будет интересно с ним познакомиться. Кроме того, там ведь будут принимать горячительные напитки, а кто в это время присмотрит за девочками? – сделал Пётр попытку повисить общественный статус бывшего зека.

– Есть приказ. Присмотрят, не волнуйтесь – там будут и внуки Леонида Ильича.

– Извините, Марк Янович, пытался. До свидания. Встречаемся завтра в половине восьмого у меня в номере.

Внутри неказистое изделие армянских автомобилестрои-

телей выглядело гораздо презентабельней. Почти что салон «Кадиллака», только столика с висками всякими не хватает. Тёмная, почти чёрная, замша, шторы на несуществующих окнах. Уют. И кто-то поработал над шумоизоляцией, и вообще над изоляцией – и по ногам не дуло, и звука мотора почти не было слышно. Могут ведь, если заставят.

Внуков у дорогого Леонида Ильича на даче было трое (все): пятнадцатилетняя Виктория, восьмилетний Леонид и шестилетний Андрей. Невеста Виктория держалась в стороне, только холодно кивнула при встрече, пока... Пока девочки не избавились от курток. Эти модницы в музей надели сценические платья. Стиль «милитари» со стоячим воротником и десятком карманов на стальных молниях, самых широких, что нашли, плюс сам материал. Камуфляж типа американского «вудленда», то есть близко расположенные пятна коричневого, чёрного, зелёного и очень светло-зелёного цветов. Спереди шнуровка, как на ботинке, плюс чёрный кожаный ремень с довольно массивной латунной (из рандоля, чтобы не тускнел) пряжкой. Из такой же кожи узкие погоны, спускающиеся с плеча на рукав, тоже с пряжками. Ну и берцы – из чёрной кожи со вставками светло-коричневой.

Осматривать девочек бросились все – и Виктория, и Галина, и даже бабушка Виктория, и жена Юрия Леонидовича Людмила Владимировна. Пусть смотрят – для того и шили. Подошёл покрутить юных дарований и Марис Лиёпа. Новая пассия Галины – и не побоялась ведь женатого мужика при-

вести в дом родителей.

– Где это делают? Импорт? – характер внучки уже сложился. Дед с бабкой разбаловали.

– Разве загнивающие капиталисты так смогут? Материал сделан на Свердловском камвольном комбинате, а пошиты платья в ателье Краснотурьинска. У нас же и ботинки в сапожной мастерской сшили. Понравилось?

– А кто модельер? – неудобный вопрос задала Галина Леонидовна.

Пётр его с Машей-Викой обговаривали. Та отрещивалась, как могла.

– Пётр Миронович, мне десять лет! Не забывайте.

Пришлось взять огонь на себя.

– Он перед вами.

– Ну надо же! Поэт, писатель, художник, модельер. Разносторонний вы человек.

– Галчонок, ты не поверишь, но Фурцева мне рассказала об ещё одном таланте Петра. Он отлично рассказывает им же и придуманные анекдоты.

– Пётр Миронович, немедленно расскажите свой анекдот, – безапелляционно потребовала «Галчонок».

– Прямо вот с порога?

– Да, не стесняйтесь, все свои, – подмигнул ему Марис.

– А можно тогда политический? Раз все свои, то не посадят ведь.

– Уже неплохо. А давай политический, – изобразил гру-

зинский акцент Брежнев.

– Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв посетил свиноферму. Фотокорреспонденты газеты «Правда» сделали снимки и на утро обсуждают, как же их подписать. Один предлагает:

«Свиньи вокруг товарища Хрущёва».

«Отклонено!»

Другой редактор:

«Товарищ Хрущёв среди свиней».

«Ни в коем случае! Это же Первый Секретарь!»

Думали, думали... Наутро вышла газета и подпись под фото: «Третий слева – товарищ Хрущёв».

Через пять минут публика вытерла слёзы и потребовала продолжения банкета.

– Как изменил Хрущёв Ленинскую формулу коммунизма?

«Коммунизм – это советская власть плюс кукурузизация всей страны».

– Кукурузизация! Пётр Миронович, ну утомили. Сами всё придумываете? Вам надо вместо Райкина выступать. У вас смешнее, – опять пять минут слёзы и сопли вытирали. Первой вот жена дорогого Леонида Ильича отсмеялась.

– Пётр, давай ещё один, и к столу. Короткий только, – Брежнев достал платок и вытер слёзы, что скопились в уголках глаз.

– На пенсии Никита Сергеевич посылает жену в магазин

за икрой. Нина Петровна сходила в обычный гастроном и ничего не принесла. Возмущается Никита Сергеевич:

«Всего две недели прошло, как меня сняли, а уже все развалили».

– Развалили! – Леонида Ильича пополам согнуло.

– «Почему после удаления Сталина из мавзолея там удвоили охрану?»

«Возле мавзолея видели Хрущева с раскладушкой».

– Всё! Всё, хватит! Нельзя же так, до сердечного приступа доведёте, – замахала на Петра руками Галина, – Пойдёмте почаёвничаем, а потом девочки нам споют пару песен.

Немного о самом Завидово. Пётр раньше там не был, хотя и слышал, что из дачи сделали музей. Гуляй – не хочу. Дача поразила – нет, далеко не роскошью. Убожеством. Само здание по шкале Рихтера получит девять баллов. Человека XXI века затрясёт и повалит на землю. Двухэтажный небольшой барак из серого камня, больше всего напоминающего шлакоблок, и ничем не облицован. К нему две сросшиеся пристройки, в один этаж и с одной стороны. Какой-то неоклассицизм. Пётр в душе надеялся, что архитектора расстреляли. Дальше – больше. В двух десятках метров – небольшая баня отдельным строением. Деревянная, совершенно не вписывающаяся в композицию. И вокруг всего этого – растаявший уже луг с молодой порослью мать-и-мачехи и лопуха. Можно ведь герань посадить, колокольчики разные, ромашки – нет, обычные сорняки. Хорошо хоть борщевика нет. Или его ещё

в страну не завезли горе-агрономы?

Как фамилия этого ландшафтного архитектора? Дайте адрес, чтобы случайно не зайти.

Внутри дачи – не лучше. Стоп! Перед входом в дом стоит фигурка небольшого оленя, покрашенная в золотой цвет. Другой краски не было? Или от унитаза осталась? И ведь дорогой Леонид Ильич этим всем гордится, он сюда руководителей иностранных государств приглашает. Или Брежнев чистейшей воды бессребреник, или полный идиот. А ещё в обоих случаях у него нет ни малейшего вкуса. Необразованный крестьянин.

Внутри была только одна вещь, которая выбивалась из нищей безвкусицы. Бильярдная – с хорошим массивным столом и фонарями над ним. Кии из какого-то красноватого дерева, шары из слоновой кости. Или сейчас ещё нет других? В холле на первом этаже лежал большой ковёр. Очень большой и не очень красивый. Просто большой ковёр, с низким ворсом и низкой плотности. Дешёвая поделка из Узбекистана. На стене голова кабана. Потом, путешествуя по дому, увидел ещё две головы – оленью и волчью. Головы были хороши – для охотничьего домика или дома средневекового барона, но ведь это дача. Неудобные и немягкие стулья, длинный банкетный стол. Канапушка несуразная, не в цвет остальной мебели. Кухня вообще собрана из разных по стилю и цвету предметов. И во всех комнатах на потолке висят изделия неумех-стеклодувов из Гуся-Хрустального – а ведь Чехосло-

вакия рядом и сидит на наших дотациях. Ладно сами люстры – привези мастеров и обучи этих гусей хрустальных!

Что не так с этой реальностью? Почему строим Асуаны и отправляем сотни танков и самолётов в Египет, сотни самолётов во Вьетнам, и не можем сделать евроремонт главе государства?

Почаёвничали за этим самым длинющим столом. Хорошо хоть не самовар вынесли. Жена Леонида Ильича и ещё одна женщина внесли несколько больших заварочных чайников, потом чашки с блюдцами. Вполне себе красивые – не иначе у императоров позаимствовали. Вот только на всех одинаковых не хватило. Точно нужно расстрелять организатора этого всего. А вот пирог с яблоками был хорош. Настоящий штрудель – Пётр пробовал в Мюнхене.

– Мне добавки.

Во время этого действия к Брежневу подошёл один из коммунистов и отозвал в другое помещение, а когда Леонид Ильич возвращался, то Пётр мельком увидел в приоткрытую дверь Семичастного. И не узнал бы, но товарищ Председатель Комитета был в генеральской форме.

Брежнев Владимира Ефимовича к столу не позвал и сам спасать мир не ломанулся. Только усаживаясь снова во главе стола, с непонятым прищуром глянул на Петра. Дескать, «ну-ну».

– Пётр Миронович, – это Виктория Петровна, – Вы бы сняли пиджак и галстук, вон вспотели. У нас тепло.

А Тишков взял и сдуру выполнил – а там хайтековая рубашка. До этого из-за костюма и галстука была почти не видна – ну, может, пуговики на воротнике в глаза бросались. А теперь?

– Ну ничего себе! – это вскочили Галина и начала его вертеть.

– Опять Краснотурьинск? – одобрительно покивал Лиёпа.

– Лёня, тебе надо такую же рубаху, – включилась и устроившая всё это жена дорогого Леонида Ильича.

– А мне платье, – не удержалась внучка.

– И мне парочку, – подлила масла «Галчонок», – Марис, а тебе нужно такую рубашку и костюм. А то краснеть иногда за тебя приходится.

– Прямо уж краснеть! – на солисте балета был явно заграничный костюм, но один чёрт мешковатый, и брюки застёгивались чуть не на груди.

– И не спорь. Пётр Миронович, как это организовать? – Галина, не встретив сопротивления родителей, разошлась.

Домашней заготовки на такой вопрос не было. Пришлось импровизировать.

– У меня созрел дьявольский план. Озвучить?

– Не томите, – это невеста Вика не удержалась.

– Леонид Ильич берет вас и летит в Свердловск. Там он встречается с руководством области, посещает «Уралвагонзавод» в Нижнем Тагиле – а вы в это время приезжаете в Краснотурьинск, с вас снимают мерки и в авральном порядке

шьют заказанные вещи. Марис же берёт с собой партнёршу и даёт пару выступлений в наших дворцах. Кроме вас желателен приезд в Краснотурьинск и человека, который в армии отвечает за форму. Леонид Ильич, вы же видели ту, что была на Гагарине? – сказал, и аж передёрнуло от страха – уже Генеральному секретарю указивки выдаёт.

– Папа! – это, понятно, Галчонок – но, возможно, не сработало бы.

– Деда? – может, и этого бы не хватило, хотя Вика старалась – столько мольбы в голосе.

– И мне форму! – всеми забытые дети младшего Брежнева напомнили о себе хором, а тут и отец проявился.

– Правда, пап, давай съездим, – торговый представитель СССР в Швеции, наверное, за всё время застолья столько слов не сказал, – и Люда себе платья закажет – а то ей и вправду в Швеции краснеть приходится.

Людмила Владимировна, серой мышкой сидевшая среди внуков, вдруг смутилась и добавила свой пяточок.

– Неудобно ведь.

Это, скорее всего, Брежнева и добило. Всё же мужик он решительный и за семью горой.

– Возьму Гречко с Устиновым и Кириленко. Первого – демонстрация, и дальше концерт. Второго отсыпаяемся. Третьего летим в Свердловск. Вечером вы садитесь в поезд и едете в Краснотурьинск, а мы – в Тагил. Двух дней хватит, – кивок Петра, – Пятого выезжаете назад, и шестого утром самолёт в

Москву. По форме скажу Гречко, пусть возьмёт с собой кого. Красивая, без всяких сомнений, но ты ведь представляешь, сколько будет стоить переодеть всю армию, перестроить все заводы?

Пётр ничего не ответил. Мозг лихорадочно бился в голове, пытаясь сбежать куда подальше от навалившегося ужаса. Разрядила обстановку Виктория Петровна.

– Пётр Миронович, Лёня говорил, что ваши дочери поют замечательные песни. Можно послушать?

Нужно.

– Нам бы магнитофон, – осмотрел комнату Пётр.

– Сейчас принесу, – подскочила Вика.

Принесла чёрно-белый чемоданчик, открыла. Совсем даже и неплохо – катушечник Grundig ТК 47 Stereo. Пётр от швейцарца в два с лишним раза больше по размерам получил установку, но понадеемся на качество немцев. Поставил катушку с песнями, что уже пели после награждения. Не надо множить сущности, тем более что таких песен и придумано-то не больно много. Вика спела «Не валяй дурака, Америка», а потом устроила своё представление с чемоданом. Понятно, что в гостиницу за ним пришлось всё же заезжать. Сам Пётр бы и не вспомнил – подсказала Таня. Уже залезли в армянский «Рафик», и даже тронулись, и тут:

– А чемодан?

Пришлось ехать в «Россию». Так как гостиница ещё была не достроена, то подъехать к западному корпусу днём не

получилось, пришлось пешком прогуляться. Но вернёмся к песням.

Когда смолкли последние аккорды «Гуляй, Россия, и плачь, Европа», и Вика-Маша продемонстрировала лунную походку, наступила тишина. Эффект ожидаемый. Вещь для 1967 года убийственная.

– А меня так научи! – первой выскочила на центр комнаты Вика.

– Да, Пётр Миронович, потрясли. Убийственная вещь, – первым высказал своё мнение Лиёпа, – Я тоже этому хочу научиться. Интересный город Краснотурьинск. Уже с нетерпением жду поездки. Там ведь, наверное, ещё больше чудес?

Ответить не дали – все начали хлопать и требовать повторить. Один Брежнев сидел и широко улыбался – он ведь уже видел, и именно поэтому пригласил показать семье. Теперь вот, как и всякий политик, купался в лучах чужой славы.

– А нет у вас новых песен про войну? – это неожиданно подала голос Виктория Петровна.

– Ну, баба, пусть споют ещё раз про Европу, – аж покраснела от крика младшая Виктория.

– Вот уж и спросить нельзя, – отмахнулась жена дорогого Ильича.

– Хорошо. Сейчас Маша с Таней ещё раз споют про Европу, а потом новую военную, – ринулся мирить небожителей Пётр.

Спели. Нужно было перемотать плёнку, так как нужная

песня, вернее, минусовка, была через две, но Пётр, не разобравшись до конца в управлении немцем, нажал не на ту клавишу. Вместо шуршания перемотки началась песня – Тишков хотел её выключить и всё же перемотать, но не дали.

– А ну стоять! – это скомандовала Галина.

Оно и понятно. Голосом эфиопской дивы Керту Дирир воссоздавалась одна из лучших песен, написанных в СССР – «У беды глаза зелёные». Наверное, Сергей Беликов пел не хуже. Нет, споёт. Или теперь не споёт? Не в этом дело. И Штелле, и Цыганова слышали эту песню и в исполнении Ваенги, и в попытке переделать слова на женские для Толкуновой. Куда им до Беликова, даже слушать противно. А вот высокое меццо-сопрано эфиопки и чудесный акцент сделали песню даже лучше. К концу все вытирали слёзы, не стесняясь.

– Что это было? – первым обрёл голос Генсек.

– Песня. Новая. Завтра буду регистрировать, – пожал плечами Тишков.

– Пётр, ты дурачка-то не включай. Кто поёт? – подлетел Брежнев.

– По моей просьбе недавно Екатерина Алексеевна Фурцева прислала в Краснотурьинск трёх молодых певиц. Одну из Эфиопии – её зовут Керту Дирир – и двоих с Кубы. Вот эта Керту и пела.

– У вас что там – негритянки по Краснотурьинску разгуливают? – усмехнулась Галина.

– Одна кубинка – довольно темнокожая. Она дочь заместителя министра РВС – Революционных вооружённых сил Кубы, и целого «команданте», Хуана Альмейда Боске. Зовут девушку Джанетта Анна Альмейда Боске.

– Как-то это мимо меня прошло. Дочь заместителя министра вооружённых сил Кубы? Продолжаешь удивлять ты меня, Пётр. Вроде бы некуда уже, а каждую минуту новость. Тут вот Семичастный приезжал, говорил, что ты военным лекцию сегодня в «России» читал, и секреты государственные выбалтывал.

– Врёт ваш Семичастный, – закусил удила Пётр, один чёрт ничем хорошим общение с сильными мира сего не заканчиваются. Ошибся.

– Поясни, – и взгляд такой хитренький. Явно не так доложил КГБшник.

– Совершенно случайно я стал обладателем передовой технологии литья, вот и хотел рассказать о ней новым знакомым. Вчера только познакомились при вручении премий. А товарищ Лясс Абрам Моисеевич привёл половину института, вместе с директором – вот лекция и получилась.

– Случайно? – опять ухмылочка.

– По пьяному делу барон Бик проболтался. Он когда узнал, что я из металлургического города – решил получить у меня бесплатную консультацию, а получилось, что выдал ценную информацию. Я и решил поделиться с компетентными товарищами, – Петра отпустило. Брежнев не позвал бы

его к семье, если б хоть в чём-то подозревал.

– Мне тут посоветовали использовать тебя для вербовки этого Бика. Сможешь?

– Леонид Ильич, Марсель Бик – это капиталист до мозга костей, он ненавидит коммунистов, и завербовать по политическим мотивам его нельзя. А под принуждением, наверное, можно – но не факт, что он не заявит об этом ДГСЕ и не станет гнать нам дезу. Тот, кто вам это насоветовал, либо совсем не специалист, либо враг нашей страны.

– Но-но! Мне Семичастный сказал, что это идея Михаила Андреевича, – насупил брови Брежнев, – Не считаешь же ты Суслова врагом?

«Ещё как считаю!» – хотелось прямо закричать. Нельзя. Брежнев его ценит и верит.

– Ну что вы, Леонид Ильич, от Суслова я видел только хорошее. Значит, он просто не обладает всей информацией. Бик с помощью меня заработает кучу денег – именно поэтому и общается со мной. Капиталист, везде ищет выгоду. Именно так его и надо использовать. Он получает выгоду от моих произведений, а я и вся страна – от его недальновидности и недооценки моих умственных способностей.

– Умный? Да не сверкай глазами. Сам знаю, что умный. И коммунист настоящий. Пойдём, выпьем по сто грамм перцовочки, и ставь песню про войну, – Брежнев был одет по-домашнему, в синий спортивный костюм – причём рукава куртки были ему чуть велики, и он загнул манжеты, демон-

стрируя обмётку резинок. Ёкарный бабай, Генеральный секретарь ходит в импортном костюме не по размеру. Сейчас Брежнев куртку расстегнул, да ещё и ворот рубахи ослабил – совсем как уставший пенсионер. А сколько ему? Шестого года. Получается, шестьдесят первый идёт – пенсионер и есть. Выпили, Пётр перемотал кассету, нашёл начало песни и включил. Эту вещь они разучили недавно, и участие Петра в её создании было близко к нулю. Текст вспомнила Вика, она же и музыку подобрала, целый вечер третируя гитару. Потом аранжировку сделал Гофман. А вот Пётр песню слышал в той жизни всего один раз. Понравилась, но не запомнилась. Песня называлась «Прадедушка». Вот сейчас Маша-Вика её и сбацила под весёлые аккорды из техники побеждённых. Была в тексте натяжка – Пётр попытался её исправить. Даже не так – натяжек было много. Во-первых, в словах: «Прадедушка, прадедушка, он всю прошёл войну, от Волги и до самого Берлина». Война-то точно не с Волги началась. Пётр заменил «От Бреста и до самого Берлина». Дальше ещё хуже: «Он так рано ушёл на войну, был как я он в военные годы». Ребёнком, что ли? Бред. Заменил на: «Он уж взрослым ушёл на войну, был немолод в военные годы». Но дальше автор гнёт своё: «Он защитником Родины стал, хоть совсем ещё был мальчишкой». И к этим словам нет рифмы. Рифма нужна к слову «вышел». То есть: «И с победою к дому вышел». Получилось: «Он не гнулся от вражьих вспышек». Коряво, но уж точно лучше, чем было.

Вот и всё участие Петра. Была и ещё одна натяжка – прадедушка. Война-то закончилась всего двадцать два года назад – но ведь если ушёл немолодым, то с натяжечкой и прокатит.

Спели. Ну вот – опять слёзы, и все лезут с поцелуями. Ну, с Галиной-то ещё и ладно бы, правда, дочь смотрит – а вот с Брежневым и с бабушкой Викторией...

– Сильная вещь, – пожал руку и Лиёпа, а Вика с внуками принялись обниматься с Машей и Таней. Полный «хеп-пи-энд».

– Лёня, за эту песню надо наградить Петра, – неожиданно сказала своё и Виктория Петровна.

– Тут по три раза на день думаешь, то ли наградить его, то ли в тюрьму посадить, – буркнул «Лёня» для проформы, но Бабушка не дала увильнуть, – Петра нужно наградить орденом, а девочек – путёвками в «Артек».

– Как скажешь, командир, – обнял жену Генсек.

Ну и начали прощаться.

Событие двадцать девятое

К министерству Штелле подъехал за десять минут до назначенной встречи. Подъехал в отвратном настроении – Макаревич в половине восьмого не зашёл. В принципе, к Марку Яновичу особых дел не было – так, обменяться информацией. Но не пришёл. Более того, когда Пётр, с тревогой поглядывая на часы, спускался в вестибюль, то показалось ему, что за ним слежка – и это чувство не покидало всю дорогу, а ещё предчувствие надвигающейся беды. Не прямо вот через пять минут Апокалипсис, а щемящее чувство тревоги. И это не было связано с ним – именно про литовского еврея он думал в это время.

В главный вход ломилась толпа. Мужчины, женщины – спешили рулить автомобилестроением. Когда спешишь, ведь всегда плохо получается – вот и не стало именно по этой причине оно передовым. Спешили догнать Америку, потом разбитую и превращённую в руины Германию, а потом и нищие аграрные Испании с Грециями. Спешили. Людей насмешили.

Пётр подождал, когда толпа рассосётся, и вошёл в фойе. До этого несколько раз прогулялся вдоль ломанного фасада. Красиво! Умели раньше строить. Нужно найти чертежи и возвести нечто подобное в Краснотурьинске, решил Пётр. Он протянул паспорт вахтёру в милицейской форме и сооб-

шил, что на него должен быть выписан пропуск – и тут ему поплохело. Из-за спины вахтера вышел пожилой седой человек и спросил:

– Тишков Пётр Миронович?

Не узнать было сложно – столько раз в юности видел портреты. Это был Андропов. Допрыгался. Стоп! Но ведь Андропов сейчас не в КГБ – он заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Проворонит и Чехословакию, и Польшу, а потом угробит страну, подсунув своего протеже. Может, задушить его прямо здесь? Нет, не успеет. Вон милиционер рядом.

– Вы Тишков? – снова пристал Андропов.

– Я, – прохрипел вдруг ставшим непослушным горлом.

– А я – Анатолий Маврикиевич Кригер, главный конструктор ЗИЛа. Товарищ министр просил вас встретить. Интересное он вам дал описание, но узнаваемое. «Человек будет стоять и удивляться, почему у него не берут автографа». Похоже. Даже в лице изменились.

– Смешно, – интересно, а этот немец знает, что он двойник Андропова? Хотя нет. Он ведь двойник Андропова в старости, а Юрий Владимирович сейчас, наверное, выглядит иначе.

Поднялись на второй этаж, миновали приёмную и оказались в огромном кабинете. Ну, и как всегда – если договаривались посидеть вчетвером, то этих четверых будет несколь-

ко партий. В кабинете навскидку было человек пятнадцать.

– Пётр Миронович, извините, не удержался, собрал каких смог добыть конструкторов. Заинтриговали вы меня свои заявлением, что нам краснеть придётся – вот, не захотел краснеть один. Заходите, присаживайтесь вот сюда, – Александр Михайлович Тарасов показал на ближайший к себе стул.

Со своими мазюками и завиральными идеями оказался среди настоящих спецов. Среди целой кодлы настоящих спецов. Заклюют! И не потому, что он выскочка, а потому, что они кодла. Они и без него знают куда плыть. Придётся менять сценарий – и начинать с конца.

– Александр Михайлович, а можно я сначала озвучу свои предложения, не связанные с автомобилями?

– А что так? Всё-таки испугались? – изобразил улыбку двойник Хрущева. Прямо шоу двойников. И все похожи на глав государства.

– Нет, просто потом пойдёт ругань, и после этого предложения будут звучать по-другому, – вполне искренне ответил Тишков.

– Думаете, поругаемся?

– Грош цена совещанию, если на нём не выбито пары зубов. Зачем тогда собирались? – попытался отшутиться.

– И то верно, бывало и за грудки друг друга хватать принимались. Ладно, уважим нашего гостя, послушаем не про автомобили, – а народ никак не отреагировал – сидел и молча смотрел в переносицу. Дела!

Пётр достал из порезанного портфеля картинки с санаторием в Трускавце. Проект уже утвердили в Министерстве цветной металлургии, и теперь у Петра были на руках не эскизы, им намалёванные, а вполне себе документы, в том числе и цветные картинки. Вот их он министру и сунул.

– Я предлагаю вашему министерству построить в Краснотурьинске противотуберкулёзный центр для работников вашего ведомства. Вот его проект.

Тарасов изменился в лице. Потом собрался, тряхнул головой, вытер лысину платочком и стал перебирать листки с красивыми деревянными теремами.

– Однако! Полюбуйтесь, Виктор Николаевич, – министр протянул листки сидящему рядом с Петром мужчине, – Пётр Миронович, вы не обижайтесь, что я вам людей пока не представил, вы ведь всё равно сразу всех не запомните. Это – в прошлом мой заместитель Виктор Николаевич Поляков. В августе 1966 года был назначен генеральным директором строящегося Волжского автомобильного завода.

– А почему в Краснотурьинске, а не в Крыму? – правильный вопрос.

– Можете строить и в Крыму, но тогда я за его эффективность не отвечаю, – пожал Пётр плечами, а что ещё ответить.

– Давайте я справку дам. В Краснотурьинске научились лечить туберкулёз, – помог Тарасов.

– Даже так! И почему этот опыт нельзя развернуть на всю страну? – оп-па, попали. Вот ведь гад этот Поляков, лучше

бы о качестве будущих «Жигулей» думал. Не рассказывать же о собаках.

– Эксперимент не завершён.

– Нда? А что, Волжский завод вложится в строительство, готов оплатить пару таких домиков.

Дальше пошло веселей. В результате и ЗиЛ, и ГАЗ, и АЗЛК тоже согласились тряхнуть мощной. Это уже не маленький санаторий, а и в самом деле Центр. Где столько собак брать?

– Пётр Миронович, а не объясните тугодуму, вам-то эта лишняя головная боль зачем? – опять Поляков.

– Что ж, на самом деле нуждается в объяснении. Я хочу сделать из Краснотурьинска Нью-Васюки.

– Но это не ответ, так как сразу последует новое «зачем», – теперь напал министр.

– Хочу, чтобы в моём городе жили обеспеченные, довольные жизнью люди, не стояли в очередях, не завидовали москвичам, что у них есть Большой театр и цирк на Цветном бульваре – хочу, чтобы было всё наоборот.

– А можно и мне вопрос задать товарищу? – маленький патлатый человечек из последних рядов тянул руку, прямо как школьник, выучивший урок.

– Слушаю.

– А как Противотуберкулёзный Центр приблизит вашу мечту? – и с гордым видом Наполеона сел. Ну прямо разгромил. Аустерлиц.

– Очень просто. Вы ведь не откажетесь снабжать всем необходимым пациентов и медиков с обслуживающим персоналом. Нужна высокобелковая диета – красная и чёрная икра, телятина. Нужны фрукты. Ну, и врачи, которые вылечат ваших родственников и знакомых, ведь будут надеяться на первоочередную покупку автомобиля. Вот такой я материалист и крохобор. Ни капли коммунистического духа.

– Пойдёте ко мне замом? – покачал головой Тарасов, – Такие крохоборы ой как нужны.

– Кто же будет заниматься Нью-Васюками? Уже Фурцевой два раза отказывал. И три раза председателю Свердловского облисполкома.

– Жаль. Хорошо, с первым вашим предложением согласен. Оставляйте документы, лично буду контролировать прохождение в инстанциях, а то похоронят под грудой ненужных бумажек. Давайте второе.

– Хочу показать ещё рисунки, но прошу об этом никому до принятия решения не рассказывать, – Пётр вытащил из портфеля следующую папку скоросшиватель.

– Всё так серьёзно? – нахмурился Тарасов.

– Будущие партнёры могут взбрыкнуть, сначала надо подписать договор.

– Хорошо, давайте пообещаем, товарищи, – министр окинул взглядом собравшихся.

Погудели. Пётр вздохнул тяжело – разве удержат секрет семнадцать человек... Значит, нужна огромная скорость в

реализации. Придётся, может, и «дорогого Леонида Ильича» задействовать. Сказал же, чтоб обращался, если что. Протянул папку Тарасову. Тот развязал тесёмочки и достал рисунки в цветном карандаше.

– Ну ни хрена себе!

На рисунке в жёлто-оранжево-чёрных тонах был нарисован скутер Malaguti Madison 3YLC, 125. Когда Пётр трудился в Качканаре, такой был у одного его рабочего. Красивый, зараза.

– Что это, Пётр Миронович? Бля, да тут ещё один!

Второй ведь ещё круче. Honda Elysium – скутер с крышей. Но какой скутер! Словно сошедший с фильмов фантастических про далёкое будущее. Даже для 2020-го круто, а тут... Этот был, как и оригинал, в бело-оранжевой гамме.

– Это мотороллеры, которые я хочу выпускать в Красноуральске. Ходовая и двигатель – от «Чезеты».

– Товарищи, посмотрите, – Тарасов пустил листки по рукам.

Ажиотаж спал, только когда министр изо всей силы хлопнул ладонью по столу.

– В общем, так, Пётр Миронович, завтра я иду к Косыгину. Какие, к чёрту, Васюки! Вам надо у нас работать.

– А я иду к Брежневу. Он обещал помочь отбиваться от заблуждающихся, – темнил, так сходи, проверь, любопытствуй у самого Генерального секретаря.

Тарасов покраснел и сел. Отдышался. Рыкнул на массов-

ку. Шушукающуюся.

– Излагайте ваш план.

– План прост. «Ява» прекратила выпуск мотороллеров «Чезета», не берут. Заключить с ними договор о поставках всех запчастей, кроме корпуса. Причём не россыпью, а в сборе узлы, и отлаженные. Корпуса делать самим. Пластмассой займётся мой знакомый барон. Слышали фамилию Бик? Вот он. В Краснотурьинске строим бараки и размещаем там оборудование – листогибочное и для контактной сварки. Если в СССР это проблема, то оборудование поставит Марсель Бик. Я договарюсь. У «Явы» покупаем детали с договором, что они нам постепенно налаживают выпуск всё большего и большего процента деталей, вплоть до полной самостоятельности. Постепенно строим нормальные корпуса и переносим оборудование туда. Кроме того, нужно озаботиться патентами, а то акулы империализма быстро скопируют. Рекламу я беру на себя. Если фильм «Римские каникулы» заставил тысячи и тысячи людей купить себе мотороллер, то, уверяю вас, мой фильм заставит десятки миллионов человек по всему миру купить именно мотороллер «Крылья Родины». На этом изложение бизнес-проекта считаю законченным. Разрешите получить замечания.

Молчали. Обтекали.

– Не потянет страна два таких гиганта, – первый испугался директор ВАЗа.

– Я обещал Екатерине Алексеевне Фурцевой, что за

несколько лет закрою ваш кредит в триста миллионов долларов своими песнями.

– Правда? – это патлатый товарищ, теперь вылез без разрешения. Холерик.

– Вне всяких сомнений. Лишь бы не помешали, – не понравились Петру перешёптывания Сулова с Пельше. Те ещё «новаторы»-консерваторы.

– Триста миллионов долларов за песни! – не унималась галёрка.

– Мы же собрались не обсуждать достоинства и недостатки моих стихов, – поставил патлатого на место Тишков.

– Да, Виктор Петрович, давайте не отвлекаться. Знакомьтесь, Пётр Миронович, это Виктор Петрович Сорокин – заместитель начальника экспериментального учебного цеха, а до этого работал заместителем начальника прессового корпуса Горьковского автозавода. Про него я вам и говорил.

– Вернёмся к нашим баранам? – устало усмехнулся Пётр.

– Нет, Пётр Миронович. Здесь не решим. Нужно проконсультироваться с Внешторгом. С юристами. Посмотреть планы на этот год. Где-то ведь ужаться придётся – даже если только бараки. Звучит просто, но ведь нужны и люди – то есть дома, садики, школы, столовые. Да что я вам рассказываю – вы ведь первый секретарь горкома, сами всё прекрасно понимаете. Идея замечательная и, скорее всего, очень своевременная. Обещаю лично курировать каждый чих. Создам отдельную группу. С этим пока всё. Что ж, теперь, может,

вернёмся к автомобилестроению?

– Почему нет, – Штелле достал третью папку и положил перед министром.

Подпрыгиваний, как с мотороллерами не было. Устали прыгать. Молча передавали листы друг другу. Пока последний вновь оказался в руках Тарасова.

– Сильно. Что скажете, Юрий Наумович? Ваша епархия. Это, Пётр Миронович, Юрий Наумович Сорочкин – конструктор, лауреат Сталинской премии за 1943 год. До 1963-го главный конструктор завода ПАЗ имени Жданова, а сейчас – заместитель главного конструктора ГАЗа по кузовам.

Представительный седой мужчина, что сидел рядом с патлатым Сорокиным, встал. Прокашлялся. Поправил галстук. Потрогал пуговицу.

– А время? Сейчас полно работы с кузовом ГАЗ-24. Не знаю. Красиво и функционально, конечно... Где раньше-то были, товарищ поэт? – и сел.

– Ещё есть мнения? – Тарасов обвёл молчащий кабинет взглядом.

– Нет, не правы вы были, Пётр Миронович, не будет драки. Стыдно им. И мне стыдно. На словах есть что добавить?

– А как же. Я купил две «Волги», гонорар за книги потратил. Уже сделаны пресс-формы для трёх дверей, заканчиваем четвёртую. Через пять, максимум шесть месяцев эти машины будут ездить по нашим Васюкам. Покажу Брежневу – вы же все слышали про его страсть к хорошим маши-

нам. Он вас пожуриет по-отечески, а я за это время свяжусь с людьми из ЦНИИТА. Они сейчас в сотрудничестве с уфимским моторным заводом пытаются смонтировать свой инжектор на несколько серийных «Волг» ГАЗ-21. Что надо? Денег? Я дам. Нужен Rambler Rebel 1967 модельного года, который выпускает фирма Nash, входящая в состав концерна АМС. На этой машине стоит инжектор. Я через барона достану. А вы как делали машины с отставанием в двадцать лет, так и будете делать, потом в тридцать. А потом вообще перестанете. Кому нужны будут ведра с болтами, когда можно будет купить «Мерседес»? – и тоже сел.

– Ну вот и зубы полетели, – это приподнялся Виктор Николаевич Поляков, – Пётр Миронович, вы не обижайтесь. Выслушайте. Конечно, сделаете. И инжекторы поставите, и салоны, как на картинках. Над вами план не высится горой неподъёмной. Я помогу не за шесть месяцев сделать, а за три. Это ничего не изменит. А вот показать Леониду Ильичу – это хорошая мысль. Он «Сорокам» хвосты накрутит, и нам достанется – и, может, вместо 24-й «Волги» будем ваших красавиц делать. Только и это отставание от Запада не изменит, лишь чуть сократит. Тут надо, как во время войны, чтобы вся страна жилы рвала. А машину хорошую придумали. И себе такую хочу, тем более – с инжектором. Можно три?

Заржали. Отпустило. Всё же не враги собрались, а настоящие конструктора и инженеры. Два часа и не заметил, как пролетели. Начали прощаться.

– Давайте подведём итог, товарищи, – похлопал ладонью по столу Тарасов, – С Противотуберкулёзным Центром решили, с «Чезетой» разберёмся, обещаю все усилия, на которые способен, приложить. По машинам. Схожу завтра к Косыгину, покажу ваши проекты, потом созвонимся. Виктор Николаевич, раз обещали опытные экземпляры сделать за три месяца, засучивайте рукава. По инъекторам. Купите «Рамблер Ребел», а с людьми из ЦНИИТА я сегодня же свяжусь. Всё вроде?

Событие тридцатое

Как там в песне Гарика Сукачёва: «Брел, брел, брел в розовый край на солнце». Пётр решил до Лаврушинского переулка пешком прогуляться. Нет, не от самого министерства – далековато. Дошёл до станции метро «Кузнецкий мост». Сел там в синий вагончик и доехал до станции «Третьяковская» с двумя пересадками. Шифровался. Продефилировал по Большой Ордынке, свернул в Большой Толмачёвский переулок, и каждый раз при первой же возможности проверялся. Слежка была. Этого мужика он вычислил ещё у министерства. Серые брюки, светло-коричневая вельветовая куртка, кепка, чуть великоватая топтуну – всё время поправлял. Или это привычка? Вот не тянул он внешне ни на КГБшника, ни на мента, служащего в наружке. Слишком легко вычислялся и начинал нервничать при попытках Петра сменить направление. Штелле даже один раз специально пошёл навстречу сопровождающему, чтобы разглядеть получше. Мужик дёрнулся и даже попытался отвернуться. Короткая стрижка, серые глаза, большой нос картофелиной. Нет, не спецслужба. Тогда кто?

В Союзе Писателей сразу попал в цепкие руки Смирновой. Вера Васильевна была не одна, попивала чаёк с последней женой Толстого Людмилой Ильиничной Крестинской-Баршевой. Красивая жгучая брюнетка – была лет трид-

цать назад, но и сейчас в шестьдесят была ещё хоть куда. Ухожена, напомажена, озолочена и обриллианчена. Пётр зацепил краем сознания – её вроде бы должны скоро ограбить. Или путает? Ну нет. Вот ведь на ней та самая брошь, «Бурбонская лилия». Яркий синий камень в центре. Что-то там с молдаванами, но это будет гораздо позже, кажется, перед олимпиадой в Москве.

Новостей было немало. Из самых хороших – то, что книгу Алексея Толстого с добавлением песен Тишкова и некоторых эпизодов от вдовы перевели на французский и отдали месье Бику – причём лично и причём вчера, и сам он в Москве и желает свидеться с месье Тишковым. Вот с минуты на минуту и появится. Кроме того, книгу прочитала Вера Васильевна, отдала Федину, и они, посоветовавшись, решили издать её в СССР тиражом двести тысяч. Гонорар Людмила Ильинична разделила по-честному – ей две трети, за себя и покойного мужа, а Петру треть. А что, вполне справедливо. Кто же от лишних трёх с половиной тысяч откажется – это за восемь песен коротеньких. Их в фильме больше, но в книгу они не втискивались, да и не нужны были – и в кино-то лишние. Дотягивали до двух серий.

Следующая новость тоже интересная. Немцы, которые ФРГ, договорились с немцами, которые ГДР, и купили у них перевод «Буратин» – но ведь немцы ГДР не могут торговать чужим. Перевод переводом, но нужно и с автором договориться. Прислали юриста, он тоже в Москве, и тоже желает

видеть герра Тишкова. Придёт через два часа.

И, на закусочку – чехи. Решили снимать фильм. Спрашивают, кто напишет сценарий. Ну нет. Фильм – хорошо, сценарий – плохо.

– Я готова принять участие, – так вот зачем здесь богатая вдова. А зачем ей деньги? Продай пару вещиц из коллекции, и хватит до самой смерти.

– И что нужно от меня? – ведь просто так даже чирей не вскочит.

– Несколько песен, немного музыки и согласие. Ну, ещё иногда буду звонить консультироваться.

Однако. Остались песни из прошлого фильма, но их ни Пётр, ни Вика почти не помнили – так, отдельные слова и кусочки мотива. Только ведь раз они не запомнились, то значит и до бессмертной «Пока живут на свете дураки» не дотягивают. Придумывать самому? А смогём? Что-то из не вышедших ещё мультфильмов переделать? А дамы смотрят в упор. Им надо. Престиж. Так и ему не помешает. Много ли зарубежных фильмов снято по русским сценариям?

– Хорошо. Сроки?

– Месяца три-четыре.

– А там либо ишак, либо падишах сдохнут, – похихикали.

– Если песни будут по качеству как предыдущие, то гоноرار пополам. Годится? – и серьёзное такое выражение благородно стареющего лица.

– Договорились.

– Bonjour. Comment ça va? Excusez-moi, – это в дверь постучали и в проёме нарисовалась сладкая парочка французов. Увидев лишнего человека, барон попятился, но был мадам Толстой остановлен.

– Tout va bien. Я уже ухожу. Милости просим.

– А договор? – не понял Пётр.

– Договор заключаем завтра и с Марселем, – улыбка барону, – и с немцами, – сдвинутые брови, – Всё. Bonne journée! – Людмила Ильинична выскользнула за дверь.

Пётр выложил на стол Смирновой готовую рукопись и повернулся к французам.

– А не пойти ли нам перекусить в таком случае? И маковой росинки сегодня во рту не было, – предложил Бику Штелле. Ну не при Вере Васильевне же о делах скорбных калякать.

– Тот ресторан. «Прага». – с чудовищным акцентом, но на русском выдал капиталист. Значит, осознал важность Петра и решил выучить русский. Молоток.

– Один момент. Сейчас позвоню, попробую договориться, – Пётр набрал номер Мкртчяна.

К счастью, Петрос Мушегович был на месте. Поблагодарил за волшебную песню и легко, как истинный волшебник, разрешил ситуацию.

– Через десять минут подъедет серая «Волга». Отвезёт в ресторан и дождётся, чтобы отвезти назад. В ресторане встретят, – вот как надо работать. Зачем их заставлять ду-

рацкие машины клепать?

В отдельном кабинете «Праги» обменялись новостями под борщ и антрекоты. Не пили – Петру ещё с немцем встретиться и потом песни регистрировать. Первым начал барон.

– Кубик под названием «Кубик-Бубик» запатентован в Америке, Германии, Англии и Франции, – а что? Пётр другого названия придумать не смог. Нужно броское и непонятное. Заменял одну букву.

– А сочленения?

– И они тоже. Дальше. Во Франции на моём предприятии выпущена первая пробная партия. Первого мая поступят в розничные торговые сети. Вам я привёз сто экземпляров, целый чемодан. Они у меня в номере, я остановился в той же гостинице, – переводчица успевала и есть, и говорить с ненабитым ртом. Чудеса.

Штелле, голодный после битвы с автомобилестроителями, разделался со своими порциями в пару минут. Только за ушами пиццало.

– Фигурки к сказке тоже в нескольких экземплярах отличия и раскрашены. Там же, в номере.

– Хорошо. Поедем назад – я всё заберу. А что с издательством?

– Переводчик работу над вашими продолжениями почти закончил. Он тоже аристократ, даже не барон, а целый граф. Его отец – бывший русский офицер. Фамилия – Беннигсен, Александр.

– Передавайте привет с родины. Вернуться не хочет?

– Не спрашивал. И последнее. Немцы, что купили перевод – это довольно крупное издательство детских книг «Kinderbrockhaus». Они откуда-то узнали и про фигурки, хотят купить по десять тысяч экземпляров. Общая стоимость сделки – восемьдесят пять тысяч марок. Требуется ваше согласие, – а ведь месье Бик и правда честный человек. Мог и не говорить об этом. Или не мог? Немец через час ведь может проболтаться.

– Конечно.

– Да, вот реквизиты банка в Париже и номер счёта. Туда будут поступать все гонорары. Ничего не имеете против BNP Paribas Bank?

Тот самый «Париба», что в 2014 году заплатит рекордный штраф почти в 9 миллиардов за нарушение им американских санкций против Ирана, Судана и Кубы. Ну, до этого далеко.

– Название слышал. Ничего против не имею.

Настала очередь Петра. Он достал из-под стола портфель с чудесами и вынул очередную папку-скоросшиватель. В ней были чертежи и эскизы с одноразовым бритвенным станком, тем самым «Биком». Более того, был и сам станок. Сделали на зоне, в ход пошли детские кубики. Чуть кустарно, но вполне функционально – и, самое главное, можно потрогать.

– Можно брать с собой в командировку, можно купить в любом киоске, если забыл взять с собой в Сен-Тропе. Можно предусмотреть женский вариант, для бритья ног, с чуть

более толстой ручкой для удобства, – прокомментировал Штелле рисунки.

Марсель повертел станок, попробовал побриться. Затем засучил рукав и срезал волосы на запястье.

– Admirablement! Чудьесна! – и принялся брить свою руку дальше, – Magnifiquement! Ви гений.

Ну ещё бы. Вот только что делать с «Шиком» и «Жилеттом»? Как не создать себе конкурента?

– Запатентуйте и не продавайте патенты ни за какие деньги.

– Это золотая жила! Я же не идиот – её продавать, – ага, а как же тогда получилось с «Жилеттом»?

– Дальше идёт более сложная конструкция с тремя лезвиями и плавающей головкой, но она только в чертежах. Мои умельцы не смогли её сделать.

– Фигни? Нэт. Фигня. Сможешь! Нет. Сможу. Я сможу, – флаг в руки.

– Всё запатентовать. Особенно в Америке, и каждый узел отдельно. Ву компрене? – тоже можно ломаным французским похвастать.

– Коньешно, компрене.

– Ещё одна идея. Вакуумная упаковка. Это полиэтиленовый контейнер, лучше из прозрачного материала. Крышка. В ней клапан для подключения насоса и клапан с резинкой для подачи воздуха. Это ручной насос. Засыпаете в контейнер спагетти и закрываете крышку, потом откачиваете воз-

дух. Макароны не портятся несколько дней. Или ягоды. А это упрощённый вариант контейнера, скажем для заморозки ягод, или для ношения на работу обеда. Здесь нет вакуума, просто плотная крышка. А это круглый вариант. В нём можно в розничной сети продавать, скажем, майонез или кетчуп. Берётесь?

– Дайте, дайте! Дёргаешь за резинку, и воздух заходит в контейнер. Понятно. Нужно изучить рынок, но запатентую сразу, как вернусь во Францию. И пробную партию выпущу. Месье Тишков, как вам такие гениальные идеи в голову приходят? Не хотите переехать в Париж и устроиться ко мне на фирму заместителем?

– Смешно. Мне только что министр автомобилестроения предлагал идти к нему замом, а до этого министр культуры. Спасибо. У русских есть поговорка: «Где родился, там и пригодился». Нужно жить по ней. Кстати, по автомобилестроению. Мне нужна машина. Дорогая. Это седан Rambler Rebel 1967 модельного года, который выпускает фирма Nash, входящая в качестве отделения в состав концерна АМС. Только 1967 года, раньше не надо. Там другой двигатель. Если не получится быстро достать американца, то сначала пусть будет купе Mercedes-Benz 300 SL, «крыло чайки». Можно, и даже лучше, старенький – 1955-56 года. Интересен двигатель. Он должен быть в очень хорошем состоянии, – и про первую, и про вторую машину с инжектором Пётр прочитал, когда собирал материал для книги про мальчика-попаданца

– и вот, пригодилось.

– Я заядлый автолюбитель и даже немного гоняю. Нельзя узнать, чем вас привлекли именно эти машины? – Бик уже тоже разделался с обедом и сейчас попивал лимонад.

– Там нет карбюратора, – чего скрывать-то? И сам разумеет, если захочет – только при этом и ещё кто-то узнает, что русские интересуются инжектором.

– Точно, про «Мерседес» помню, но боши забросили эту идею.

– А мне интересно.

– Гут, как говорят наши «друзья». Будут вам обе машины. Хотя вы ошибаетесь, этот «Мерседес» очень дорогой, их выпущено всего чуть более тысячи штук. Но надо – значит найдём. Поспешу. Как с вами связаться?

А как? Есть три варианта. Через Смирнову. Так себе вариант, если машины иметь в виду. Через Фурцеву. Екатерина Алексеевна пробивная женщина. Но опять супердорогие машины – с её-то коммунистическими взглядами. Лучше гусей не дразнить. Оставался Тарасов. Тоже непростой человек, но он знает, зачем товарищу Тишкову эти суперкары. Не по Крещатику рассекать – для дела.

– Вот телефон. Это министр автомобильной промышленности СССР Тарасов Александр Михайлович. Он в курсе машин. Подождите, месье Бик, если это и вправду так дорого, то...

– Это только деньги. Заработаем. Считайте это авансом.

Ну и ладно. Всё, пора на встречу с «бошем». А с того кроме денег чего потребовать? Или вместо денег?

Событие тридцать первое

*«Тем, кто дружен, не страшны тревоги,
Нам любые дороги дороги».*

– Ваш гонорар – двадцать тысяч марок, – немец был грузный. Красиво одет в светло-серый костюм, галстук подобран под рубашку. Пробор на светлой голове. Ещё бы три десятка кило сбросить – и истинный ариец. А так – пузан пузаном.

– Герр Флигерт, а можно не деньгами? – Пётр придумал, что с немца стребовать.

– А что вас интересует? – русского Фриц не знал. Нет, Фриц – это не прозвище, это имя. Фриц Флигерт. Немецкий Пётр знал так себе. Общались через переводчицу. Вроде бы флигер – это один из парусов. Моряками, значит, предки были.

– А интересует нас асфальтоукладчик.

Бабам. Это у всех присутствующих челюсти отвалились. Присутствовали люди непростые – и Федин был, и Фурцеву позвали. Уж точно не каждый день ФРГшное издательство заключает договор с русским писателем. Но Фурцева, один чёрт, перебор. Болеет за своего протеже? Или бдит? А то отчебучит чего... И вот! Уже отчебучил. У земляка... Стоп. Земляк – это когда родились в одном месте. Штелле-то был

немцем, но родился в СССР, и менять на толерантную Европу его не собирался. А как одним словом называются представители одной нации? Нацисты? Смешно. Соплеменники? Но при чём здесь сопля? У немца тоже челюсть отвалилась, когда переводчица донесла до Фрица смысл просьбы. Долго искала синонимы.

– Asphalt Fertiger?

– О! Я! Я! Asphalt Fertiger, – и без впавшей в кому старушки обошёлся Пётр.

– Ungewöhnliche Bitte, необычная просьба, – вот гад, а прикидывался, что великим не владеет. Самка собаки.

– И всё же?

– Боюсь, что я не владею ценами на данную продукцию, но думаю, она стоит дороже двадцати тысяч, – практически без акцента выдал герр.

– А вы увеличьте тираж. С игрушками у вас и миллион экземпляров купят. Это ноу-хау! Никто ещё так не делал. За идею надо платить. Мне нужен асфальтоукладчик, – Федин и Фурцева начали рвать на себе воротники, старушка переводчица – судорожно сучить ногами. А немец улыбнулся.

– Достойный соперник. Я проконсультируюсь. Ответ завтра. Разрешите откланяться, – это он уже Фурцевой.

Екатерина Алексеевна икнула. Немец посчитал это положительным ответом – и отбыл.

Федин вышел молча. Если учитывать, что это его кабинет, то всё было плохо. За ним потянулись и прочие писате-

ли. Ушла, вздыхая, Смирнова. Ушли переводчица и ещё одна женщина, тоже какая-то писательница, Пётр фамилии не запомнил. Звать Людмила. А зачем она присутствовала при разговоре? Из органов?

– Ты рехнулся.

Это не было вопросом. Это была констатация.

– Екатерина Алексеевна, вот увидите, завтра этот толстенький моряк придёт и подпишет договор. В договоре будет указана цена в сто с лишним тысяч марок, а не двадцать, которые он мне хотел всучить, раз я нищий русский дурак. Налог, который возьмёт с меня государство, увеличится в шесть, скажем, раз. И где здесь помешанные?

– А если не придёт? – а глаза загорелись, как у бездомной кошки на кринку сметаны.

– Отсутствие информации делает нас слабыми, а обладание ею не делает сильным, если ты до этого не был сильным. Барон Бик мне сказал, что немцы хотят заключить с ним договор на игрушки к моим книгам, а значит, хотят и со мной. Но ведь они капиталисты, а мы варвары и дегенераты. Даже не люди – мы недочеловеки. Унтерменши. Ну, побили мы ихнего Гитлера. Люди-то другими не стали, а значит, и мы не перестали быть недочеловеками. Но среди нас оказался один умный примат. Немец обрадовался. Он придёт, заключит договор и попытается меня обмануть, подсунув плохой асфальтоукладчик. А вы с Тарасовым должны найти информацию по этому вопросу, чтобы меня не обманули.

– Ну ты, Миронович, и нахал. А массаж ступней тебе не сделать? – расцвела прямо Екатерина Великая.

– А умеете? – поржали. Отпустило. На смех заглянул и глава Союза Писателей.

– Заходи, Константин. Пётр Миронович уверяет, что придёт завтра германец и подпишет договор – а он ведь провидец. Поверим?

– Думал, инфаркт хватит. А можно узнать, товарищ Тишков, зачем вам асфальтоукладчик? – сел на своё место, поёрзал на стуле, наверное, проверял, не закачался ли он под ним.

– Буду укладывать асфальт.

– Теперь всё разъяснилось, – опять посмеялись.

Глава 6

Событие тридцать второе

До семи вечера безо всяких перерывов регистрировал песни. Кучу песен. Из них две на английском и одну – на испанском. На испанском была «Макарена». Собирая материал для книги, Пётр Штелле посмотрел перевод. Девушка хвасталась нарциссизмом, тем, что изменила своему парню с двумя его друзьями, и ещё тем, что хочет свалить в Америку, потому что там магазины с красивой одеждой. Этого не дадут петь не только в СССР, но и в самой Испании. Есть шуточная переделка Минаева про бабу Лену и хрен по колено, но там всё построено на рифмовании почти бессмысленных русских слов. Тоже не вариант.

Когда я танцую, меня называют Макареной,
И ребята говорят, что я прелестное создание.
Они все хотят меня, но не могут быть со мной,
Поэтому они подходят и просто танцуют рядом:
Двигайся со мной, прижмись ко мне,
И если ты хорошо себя покажешь, я возьму тебя с собой.

Доставь удовольствие своему телу, Макарена,
Оно для того, чтобы ты делала ему приятно.

Доставь удовольствие своему телу, Макарена,
Эээ, Макарена! Эй!

Снова вернулись к переводу. Нет! Бред и хрень. И тут Петра осенило. А не надо пытаться изобрести песню! Там всё зациклено на рифму буена – Масарена, пусть так и останется. Возьмём русский перевод, заменим последнюю строчку: «И если ты хорошо себя покажешь, я возьму тебя с собой» и заменим на: «И если ты хорошо себя покажешь, я позволю тебе потанцевать со мной». Припев же изменим кардинально.

Доставь удовольствие людям, Макарена,
На твой танец смотреть приятно.
Доставь удовольствие людям, Макарена,
Эээ, Макарена! Эй!

А остальные куплеты просто выдумал, благо, рифмовать не надо. Главное, чтобы были слова, которые с русского переводятся, как буена, то есть – хорошо, приятно. Ну а последний куплет испанцам удался, его оставим без изменения.

Приди и найди меня, моё имя – Макарена.
Я всегда на вечеринках, потому что люблю веселиться.
Ну же, присоединяйся ко мне, потанцуй со мной.
И все вы, парни, – пошли со мной!

Пётр только заменил слово «вечеринках» на более приличное «танцах». Вот, а дальше – гениальный ход. Позвали

двух кубинок и сыграли им музыку, а потом всучили русские тексты и попросили перевести, используя рифму buena – Macarena. Черноокая Сиомара Анисия Орама Леаль и черноокая и чернокожая Джанетта Анна Альмейда Боске попытались. Не смогли. Получилось без рифмы и исчез ритм. Тогда Пётр попросил у Фурцевой на пару деньков хорошего переводчика испанских стихов. Приехал, перевёл. Один чёрт – хреново, исчез шарм песни. Тут товарищ Боске заявляет, что ей нужно срочно позвонить отцу. Девушка и до этого пару раз связывалась с батянькой из кабинета Петра. Как уж там удавалось нашим телефонисткам соединить Краснотурьинск с Гаваной – неизвестно, но слышимость была даже лучше, чем когда просто говоришь по городскому номеру. Наверное, помогало то, что Хуан Альмейда Боске – известный кубинский революционер, а сейчас заместитель министра РВС – Революционных вооружённых сил Кубы и целый «команданте» до кучи. Ещё батянька с октября 1965 года – член Политбюро ЦК КПК. Всё это Пётр знал и раньше. А вот про то, что товарищ Хуан Альмейда к тому же известный на Кубе автор песен, забыл. Дочь позвонила. Поставила кассету с музыкой, продиктовала тот бред, что придумал Пётр (подстрочник на испанском), потом перевод переводчика. Команданте перезвонил через день и спел «Макарену». Потом продиктовал дочери текст. Потом опять к телефону позвали Петра, и наш посол на Кубе Алексеев Александр Иванович донёс до Петра, что его песня кубинским товарищам понра-

вилась. Пусть дочь товарища Боске как можно быстрее запишет песню и через МИД доставит её на Кубу. Ещё и обрадовал – есть мнение Петра за эту песню наградить. Получит товарищ Тишков за неё «Премии Дома Америк», это такой латиноамериканский аналог британской премии Букера и американской Пулитцеровской. Гордитесь, товарищ Тишков. Кроме этого, на Политбюро ЦК КПК принято решение и о награждении Пётра Тишкова медалью «Дружба». Снова гордитесь – этой медалью награждают очень редко. Где и когда товарища Тишкова будут награждать – неизвестно, но вы, товарищ Тишков, готовьтесь на всякий случай прилететь в Гавану. Это мы удачно зашли! Теперь даже Михаилу Андреевичу Суслову будет непросто запретить её из-за воспевания не наших ценностей. Там Политбюро во главе с Фиделем Кастро высказалось «за». Вы сомневаетесь в верности «команданте Фиделя» Ленинским принципам? Правда?

Перед самым отъездом в Москву сняли и клип на нетленку. Сидели с Машей-Викой, перебирали актёров, что смогут вещь не загубить. Остановились на следующем. Поют две негритянки своими довольно низкими голосами, а в припев добавляются, как и в оригинале, два мужских голоса речитативом. На подтанцовке человек пять – все поющие и танцующие в шортах и рубашках из камуфляжа. У женщин рубашки завязаны узлом чуть выше пупа, чтобы его было видно. Потом чуть переиначили – Толкунова с Сенчиной не для шорт родились. И ещё Машу с Таней не стали в них рядить, все

четверо – просто в платьях «милитари». Мужские роли долго обсуждали. В Los del Río два старых перца, смахивающих на товарищей нетрадиционной ориентации. Это не наша тема. Нужны славянские мачо. Михалков – это само собой. Кто второй? Где-то в Витебске в этом году заканчивает школу секс-символ следующего десятилетия – Николай Ерёмченко-младший. Ему, получается, скоро восемнадцать. Никите Сергеевичу сейчас двадцать два, и его отчислили с четвёртого курса Театрального училища имени Щукина – он, видите ли, позволил себе сняться в кино. Дауны. Ничего, восстановим, и директора пожурим. Есть ведь Фурцева. Она всегда за правду.

На женские роли второго плана кандидаток было мало. Нужна супердива – а таких в СССР не так и богато. Без обсуждений утвердили эквилибристку Московского государственного цирка Наталью Владимировну Варлей. Уже своя, и потому тоже без обсуждений – Анастасия Александровна Вертинская. Ей 22 года, в этом году окончит Щукинское училище. Была в одной группе с мужем. А вот третью выбирали. Остановились на ещё одной восходящей звёздочке. Наталья Игоревна Селезнёва, 22 года. В 1966 году окончила театральное училище имени Бориса Щукина и стала актрисой Театра Сатиры.

После отбора кандидатов Пётр позвонил Екатерине Алексеевне и сказал, что начинает проект «Триста миллионов». Для этого послезавтра в Краснотурынске на три дня нужны

следующие люди. И назвал всех пятерых.

– А чего не сегодня? Чем быстрее, тем лучше ведь, – рыкнула.

– Я могу и не снимать. Для Краснотурьинска никакой пользы, – лукавил.

На самом деле большая часть клипа должна сниматься перед зданием горкома, там, где неделю назад открыли памятник глобусу. Вот на его фоне и должен состояться небольшой флэшмоб с «Макареной». Всемирную славу монумент получит. Будут у него тысячи последователей, а главный архитектор города Геннадий Любан может и премию какую-никакую получить.

– Про младшего Ерёменко ничего не слышала, да и старший не особенно на слуху. Однако раньше ты, Пётр Мионович, в выборе артистов не ошибался – один Богатиков чего стоит. Да и девочки хороши. В Витебске в школе, говоришь, учишься? Найдём. Всё, больше ничего не надо?

– Пару маракасов. И одно сомбреро.

– Жди. Высылаю, – трубку повесила. Злится – отвлекает её Пётр Мионович от важных государственных дел. Заблуждается. Это важное дело. Это первый в мире клип, и он «сделан в СССР».

Пришёл в номер еле живой и включил телевизор – а там новости. Сообщают о благополучной посадке космического корабля «Союз-1» с космонавтом Комаровым на борту. Есть! Сработало, значит, письмо! Точно, ведь и про Светла-

ну Аллилуеву ничего не слышно. Ну, лиха беда начало. А ещё есть хорошая пословица – курочка по зёрнышку. Так и развернём страну с пути в бездну. Или пословица про другое? Курочка по зёрнышку клюёт, а весь двор в помёте? Когда ж навоз-то начнётся? Накаркал.

Событие тридцать третье

Один в поле не воин, а путник.

Телевизор вещал про начало посевной на Ставрополье. Громко вещал, Пётр специально добавил, чтобы не пропустить чего про посадку первого «Союза». Номер был двухкомнатный, и во второй комнате Маша показывала Тане лунную походку. Наверное, в сотый раз, и в сотый раз звучали пошлости Глюкозы. Музыка раздражала и мешала слушать, потому и увеличил громкость.

– Пап, там тебя к телефону дядя Петя зовёт, – приоткрыла дверь и почти прокричала дочь, стараясь вытеснить осанну великим трактористам.

Вообще в стране победившего социализма полно Петров. Был даже Пётр I, затем второй – умер от оспы, говорят. Не очень хорошо закончил и Пётр III Фёдорович, который на самом деле обзывался Карл Петер Ульрих. По официальной версии, причиной смерти был приступ геморроидальных колик, усилившийся от продолжительного употребления алкоголя и поноса. Но бог с ними, с Петрами. Дядей Петей был только один Пётр. Пётр Оберин, он же – танкист, он же – майор, он же – шофёр-телохранитель, он же – подельник массовой казни. «Тьфу, не туда понесло», – Штелле сплюнул и пошёл к телефону. Бугаи вернулись с соревнований

в Ленинграде, сейчас в фойе гостиницы. Номеров нет. Что делать? Вопрос. Кого на уши ставить? Так-то полно народу можно подключить, но уже восемь вечера, а значит, все эти люди дома, а не на работе. А ни одного домашнего телефона благодетелей Пётр не знал.

Набрал на удачу Люшу. Тоже только гудки – в Переделкино, должно быть.

Попробовал в очередной раз дозвониться до номера Марка Яновича. Нету.

Пришлось спускаться и разводить руками.

– Ну хоть поесть-то тут можно? – насупился тёзка.

– Не думаю, столики давно заказаны. Стоп! Тут в двух минутах ходьбы видел столовую. Было написано, что она до девяти работает, если поторопимся, то успеем.

– Пошли, – Вадим Кошкин взял спортивную сумку и стал надевать лямки на плечо. Сумка была из будущего. Пётр нарисовал, а в ателье пошили из парашютного шёлка, что каким-то образом удалось добыть Петросу Мушеговичу. Плюс вставки и аппликации в виде эмблемы «Найк» из голубой болоньи, тоже предоставленной директором рынка.

– Подожди. Девушка, ладно поселить не можете, но приглядеть за двумя сумками-то сподобитесь? – Штелле спустился в вестибюль почти при полном параде, только галстука не хватало. Галстука-то не было, а вот иконостас на пиджаке был. И медаль лауреата Ленинской премии на левой стороне груди поблёскивала золотом.

– Оставляйте уж, – махнула милостиво ручкой, понятно, глядя на медаль.

– Вот теперь пошли. Думаю, не замёрзну – тут недалеко, да и тепло на улице, – лень было в номер за курткой подниматься.

В столовой был полный кворум. Члены профсоюза сидели за столами, стояли в очереди и курили в предбаннике, да и перед входом тоже курили. Зашли, пробившись через клубы дыма и хиленькие плечи электората. У прилавка, или как это называется в столовой – в общем, возле кассы стояло человек пять. Все заказывали одно и то же – пельмени и пиво. Классика.

– И нам по четыре порции, компот, и по три хлеба, – поведал прекрасной незнакомке Пётр, когда до них дошла очередь.

Про незнакомку – это не сарказм. Девушка была на пять с двумя плюсами. Даже Наталья Варлей нервно курит в сторонке. Чуть азиатских кровей, роскошные, почти воронова крыла, волосы, миндалевидные ярко-карие глаза, припухшие губки (устала), и даже родинка маленькая над губой. Высокая.

Пётр расплатился, повернулся к бугаям, и тут наткнулся взглядом на «хвост». Мужик в кепочке тоже зашёл в столовую, и теперь делал вид, что стоит в очереди. Плохо. Или хорошо? Нужно подумать. Пока уминали вполне вкусные пельмени, бугаи делились новостями. Пётр слушал вполуха – ду-

мал о пропаже Макаревича и о хвосте. Тем не менее, информацию о первенстве РСФСР по классической борьбе усвоил. Тёзка занял шестое место. В его весе до 87 кило победил некто Валентин Оленик из «Спартака», сибиряк из Новокузнецка. Пётр обратил внимание – странная фамилия. Единственное, что ещё запомнил Штелле из рассказа танкиста, так это то, что его шестое место на общей России и призовое по ЦС «Труд» позволяют принять участие в Первенстве СССР. Круто для человека, который на самом деле не классик, и, кроме того, вместо тренировок последние годы посиживал на нарах.

У Вадима было больше поводов хвастать – он опять стал третьим и показал бронзовую медаль. А что, почти как настоящая. Колодка, ленточка красная с синим краешком (цвета РСФСР), бронзовая кругляшка с двумя борцами, вписанная в многоугольник. Красиво и престижно. Немного в Красноуральске таких медалистов. Сам же Кошкин скромничал. Не повезло его конкуренту по ЦС – дагестанец Султан Надирбегов попал сразу на Василия Меркулова из «Спартака», ставшего в итоге первым, а во втором круге – на серебряного призёра Александра Юркевича из ЦСКА. Ну а Кошкин столкнулся с ними только в полуфинале. Естественно, и он попал на Первенство СССР по классической борьбе.

Мозги в это время решали задачку. Надо как-то изъять из окружающей действительности хвост и в тихом месте поспрашивать, что же происходит. Это в Москве-то – тихое

место! Дом, может, какой строящийся или готовящийся под снос? Но ничего такого рядом не наблюдалось – и тут кто-то за соседним столом произнёс: «Запорожье». Ну конечно же. Пётр знал всего в трёх-четырёх минутах ходьбы отсюда это самое «тихое место». Откуда?

Летом 1978 года он с родителями был у родственников в Запорожской области. Ездили туда довольно часто, там жила сестра матери. Лето, юг, Днепр шириной с море. Фрукты и всякие арбузы с дынями, пока не лопнешь. И всё бесплатно. Мечта! Вот оно – счастливое детство. Плюс рыбалка. Но не об этом. Именно тем летом к соседям тётки приехала ровесница из Москвы. Вместе ходили на пляж, купались, загорали, поглощали фрукты, потом переписывались. Так, по приколу, показать в школе одноклассникам, мол, вот какая у меня подруга – «масквичка». На весенние каникулы, как и героя песни Высоцкого, Петра отправили в столицу за шмотками. Понятно, что не одного – с дядей.

И вот нашёл мальчик Петя этот дом, позвонил в нужную дверь, а в ответ – тишина. Спустился, пошлялся вокруг дома – может, подруга гуляет. Нет. Немае. Хай вина скажется. А на улице хоть и весна, но холодно. Решил подождать в подъезде, и обнаружил там спуск вниз. Спустился. Тамбур и две двери. Одна – железная, на серьёзном замке, и надпись: «Бомбоубежище». А вот вторая! Вторая вообще не заперта, и там стояло одно ведро с песком и пара мётел. Какие-то вещи ещё висели на крючке – фуфайка, вроде, и фартук брезентовый.

Получалось, что это каморка дворника.

Вскоре подошла и пропажа. Были они с одноклассниками в лесу – каникулы ведь. Поговорили. Зашёл разговор и о каморке. Типа, почему без замка.

– Да сколько себя помню, на ней замка не было – мы там маленькими совсем в прятки играли, – а ключевое слово здесь – «маленькими». То есть сейчас.

Вот теперь можно и действовать.

– Мужики, есть проблема.

Благодушно вещавший о перекантовке на вокзале Вадим остановился на полуслове.

– Вон тот в серой кепке?

– Исчез Макаревич, а этот ходит за мной с самого утра. Марк Янович должен был поменять иконы на картины. Не спрашивайте, что да откуда. Были. Теперь боюсь, что нет. Жалко, конечно, но Марка гораздо больше. Сто процентов, что это не государство. Это бандиты.

– Раз начали разговор, то есть план? – размял плечи Кошкин.

– Есть. В четырёх минутах неспешной ходьбы отсюда есть дом, а в нём – подъезд, в котором не закрывается дверь в подвал. Я захожу в подъезд. Гражданин в кепочке – за мной, вы за ним. Спускаем тело в подвал, там приводим в себя. Ну а дальше – за неимением паяльника пользуемся вилкой. Свою я уже сунул в карман.

– Плохой план, но действовать нужно быстро. Встаём, вы-

ходим, – бывший милиционер свою вилку тоже в карман сунул, – Пётр Миронович, только не геройствуйте! Если что пойдёт не так до подъезда, лучше бегите.

– Хорошо, выходите вместе со мной, но расходимся как бы в разные стороны. Ну а дальше – как договорились.

Событие тридцать четвёртое

*Место клизмы изменить нельзя.
(Русская народная пословица)*

Постучали, вошли. А там... Ну, может не совсем так. Постучали.

– Варька, ты? – голос молодой, хороший такой голос. И что ответить? Пропищать: «Я»?

– Не путай хрен с морковкой! – прорычал как мог хрипло Пётр. Как-то в книге прочёл, что если ответ на прямо поставленный вопрос ставит в тупик, то партия за тобой.

– Мутный? Ты? Откуда здесь? – и дверь стала открываться. Кошкин вложил в этот удар ногой все свои сто кило, но бил не абы как – бил как можно ближе к замку, чтобы не сорвать дверь с петель. Выдержала. Умели раньше делать. Может, и дуб. А вот обладателю голоса не так повезло – его отбросило к стене и ручкой проломило грудину. Не собеседник больше.

– Обделался лёгким испугом, – хмыкнул Вадим и перешагнул через сползающего по стене мужика.

«Майка-алкоголичка, спортивные штаны с отвисшими коленями, чёрные носки с дырой на пятке. Как будто кино снимают», – мельком подумал Штелле, прикрывая дверь.

Про «нехорошую квартиру» узнали у топтуна с кепочкой.

Гражданин оказался предсказуем, трусоват и жизнелюбив. Он оправдал все надежды Штелле. Попёрся, сильно и не скрываясь, за ним, а когда Пётр вошёл в знакомый подъезд, то последовал за ним и туда. Этого «наживка» уже, конечно, не видела, но звук открываемой двери услышала – а потом и звук чего-то твёрдого обо что-то деревянное. Охнуло, булькнуло, и раздался голос Вадима.

– Пётр Миронович, как вы?

– Спускайтесь сюда. Сейчас свет включу, – рука сама потянулась и сразу нащупала выключатель в тамбуре. Не подвела детская память.

По лестнице спускались красиво. Первым шёл Кошкин и держал под мышкой ноги неудачливого «хвоста», потом было само тело, и замыкал процессию танкист, держа в руках ту самую кепочку и ворот куртки кепочника.

В апартаментах дворника ничего за несколько лет не изменилось. Нет, всё же одна деталь добавилась – появился топор, приваренный к куску железной трубы. Лёд скалывать. Обыскали жертву столкновения с дверью. Нашли паспорт на имя Сахарова Антона Филипповича. Не родственник ли академику-диссиденту? Нашли рублей двадцать мелкими бумажками и мелочью, а также совсем уж нездешнюю вещь. Это был «мизерикорд». Настоящий. Из далёкого прошлого, не новодел. Больше всего вещь напоминала шило. Ну, хотя нет – шило напоминал клинок. Тонкий, четырёхгранный, сантиметров двадцати длиной. А вот ручка примечательная

– эдакая катушка, только цельная и железная, тонкая часть обтянута кожей. На конце небольшой набалдашник. И рукоятка, и лезвие были в чуть заметных следах коррозии – то есть, антикварную вещь нашли и тщательно отреставрировали, а потом всучили бандиту. Неисповедимы пути... антиквариата.

Долго мучения жертвы описывать не стоит – потому как не эстетично и неправда. После того, как ему воткнули одну вилку в ляжку, а вторую – в то место, куда обычно вставляют шланг от клизмы, Антоша признался во всех грехах. Картина получалась следующая.

Макаревич обратился с предложением поменять иконы на картины к некой Фаине Рукшиной, которую в известных кругах называли Фаиной Дейч. Та свела Марка Яновича с Григорием Беляковым, известным коллекционером живописи, и сообщила об этом Бяцу.

– А кто такой Бяц? – придерживая третью вилку у глаза опрашиваемого, поинтересовался тёзка.

Дальше – как в кино про Жеглова.

– Бяц – вор авторитетный.

– А зачем это гражданке Рукшиной? – Пётр решил, что дело нечисто, и угадал.

– Так Лёва Бяц про неё такое знает! Она же в блокадном Ленинграде обирала умирающих. Меняла продукты на цацки и парсунки. Кроме того, под видом санитарки грабила квартиры уже не ходячих – вот Лёва её на крючке и держит.

Узнали адрес, где находится сейчас Марк Янович. И вот же совпадение – у гражданина Бяца тот же адрес.

– Бяц – это фамилия? – поинтересовался Штелле, вынимая свою вилку. Ещё пригодится.

– Фамилия Бенецяну. Он из Кишинёва.

Успокоили Антона Филипповича его же мизерикордией – переводится с французского как «милосердие». Вот и проявили, а то бы мучился – а так уж и отмучился. Вытерли все возможные отпечатки пальцев, хотя и не должно было остаться. Бугаи были в перчатках, а Пётр только к выключателю прикасался – но вытерли и ручки, и саму дверь, и ледоруб, что использовали в процессе блиц-опроса.

Адрес был далековато. Район Черёмушки, улица Гарибальди. Нужно было такси. Вернулись к гостинице «Россия», к стоянке машин с шашечками, и через час стучались в заветную дверь в пятиэтажной хрущевке.

После устранения преграды обладатель голоса сполз на пол, каждый двинулся в свою сторону. Вадим – на кухню. Там вставал из-за стола мужчина лет пятидесяти, да и килограмм в нём было не больше – но вёрткий. Пока Кошкин добрался до стола, оппонент достал из ящика этого стола огромный нож, таким курей разделявают. Не предусмотрел вёрткий одного: в дворницкой была совковая лопата со сломанной ручкой. Вот этот обломок бывший милиционер и запустил в противника. Шустрый увернулся. Повезло. Вот только Вадим на самом деле черенок не бросил – он остался

в руке, и острый конец сейчас же воткнулся в кадык вёрткого. Всё. Два – ноль. Оба Петра в это время двигались по коридору. Вообще-то в хрущёвках их нет, но тут кто-то провёл апгрейд, часть комнаты отделили деревянной перегородкой. В результате третья комната получилась изолированной. За столом в небольшом кабинете сидел чернявый мужчина лет сорока. Здоровенький – не так, как спортсмены или качки, а природной массивностью. Как там говорится в народной поговорке: «Не родись красивым, а родись массивным». Вот, это именно этот случай.

– Се иудеи? (Что надо? – румынский).

– Сам ты еврей.

– Что надо, козлы? – перевёл Бяц.

– Поговорить зашли, – усмехнулся танкист и не спеша достал из кармана мизерикордию.

– Да ты кто, мать твою?! – взревел, вставая уголовник

– Не хочешь по-плохому – по-хорошему будет хуже, – успокоил молдаванина Штелле.

– Вы кто, сявки? – чуть остыл Бяц.

В это время в комнате народу добавилось – пришёл раз-делавшийся с оппонентом бывший милиционер.

– Мы – ДНД.

– Где Макаревич? – задал не терпящий отлагательства вопрос Тишков.

– Пошёл в ж... – акцент был, и неслабый, но понять, что им тут не рады, можно было, даже и без труда.

– Пётр Миронович, вы закройте дверь и обыщите всю квартиру, а мы с невежливым товарищем поболтаем, – предложил Кошкин, подходя к столу сбоку.

– Только учтите, что это хрущёвка, и здесь отличная слышимость, – предупредил бугаёв Пётр и вышел из комнаты.

Дверь закрывалась аж на три замка. Она стоически перенесла удар, а вот верхние петли схлыздили – шурупы почти полностью выдраны. Пётр попытался восстановить крепление, но смирился с бесперспективностью этой затеи и закрыл дверь, навалившись на неё всем весом. Почти удалось – дверь закрылась, но ни один замок не желал закрываться. Была ещё и цепочка – вот на неё и пришлось закрыть непослушную дверь. Оглядев дело рук своих и ног вадимовых, Штелле вздохнул от ощущения некачественно выполненной работы и пошёл обследовать квартиру. В это время в покинутой им комнате что-то грохнуло, потом там рычали и крякали – но недолго. Вскоре кряканье стихло, послышался шум отодвигаемой мебели, а затем – звук перекачивания чего-то. Не выдержал, заглянул. Бугаи засунули в рот молдаванина часть маленькой диванной подушечки, и теперь заворачивали его в лежащий на полу ковёр. Наверное, насмотрелись «Приключений Шурика», и теперь будут вырезать в ковре дырку, чтобы добраться до пятой точки. Ну, пусть поразвлекаются.

Пропажа нашлась в ванной. Ну как в ванной – хрущёвка ведь, санузел совмещённый. Однако именно в ванной ле-

жал связанный по рукам и ногам Марк Янович. Лежал с выпученными глазами, и этими глазами под мычание старался привлечь внимание к кляпу. Пётр первым делом его и вытащил.

– Пить! – прохрипел литовский еврей.

– Сейчас, потерпи, – Штелле сходил на кухню. Всё в кровянице, на полу навзничь лежит мужичонка, и из порванного горла пузыряются кровавые пузыри. Вот как-то некрасиво: «пузыри пузыряются». И само-то действие – не верх эстетичности, а при такой тавтологии – и подавно. Ладно, пусть пузыри надуваются и лопаются. Гораздо ведь симпатичнее! Только Петра всё равно вывернуло – не эстет. Картина привлекательнее не стала. Теперь пузырились вперемешку кровь и рвота. Вывернуло ещё раз – пришлось сначала в себя воду заливать, потом судорожно разыскивать в ящике стола нож. Не нашёлся – тогда ещё воды. Ага, вот на столе лежит, с присохшей яичницей. Опять вывернуло. Снова за водой к крану. Всё же взял нож и вымыл, отпечатков везде уйму наоставлял. Наконец всё-таки налил в стакан воды и прошёл в ванную.

Макаревич тихо постанывал. Выдул воду, захлёбываясь, но стонать не перестал. Пётр налил прямо тут в ванной ещё один стакан. Опять выхлебал, болезный. Потом началась процедура извлечения из чугунного саркофага неостывшего тела и перерезание пут. Надо будет потом этим ножом попилить гражданина Бяца. Тупой, как... Одним словом – тупой.

– Положи в карман, будет, что в старости внукам рас-

сказывать и показывать, – попытался приободрить Яновича Пётр.

Председатель колхоза «Крылья Родины» кривовато усмехнулся и на самом деле сунул нож в карман.

– Посиди здесь. Вот стакан, ещё попей. На кухню не ходи, – Штелле решил проведать бугаев.

Теперь, когда основная часть плана по освобождению заложника была выполнена, оставалось ещё два вопроса к молдавскому воровайке: «где картины?» и «где казна?». Раз туеву хучу добра изъяли из дома Потапа, то у «масквича» тоже, небось, чего припрятано. Прошёл по замысловатому коридору в выделенную комнату. Оказалось, что он не самый умный.

Хозяин апартаментов лежал на животе без ковра, но священный, с мизерикордией в одном интимном месте, и рассказывал про захоронку в кухне под газовой плитой. Ну как рассказывал... А живенько рассказывал! Ещё б не выл – и просто б песня.

– Пётр Миронович, – обернулся к нему Кошкин, – картины ваши под диваном в большой комнате, там же и захоронка одна. Нужно диван отодвинуть, и там две доски не прибиты. Оружие и золото. Сейчас вот рассказал, что под газовой плитой в кухне ещё одна доска не прибита, там деньги. Может, и у вас есть вопросы?

– Да как не быть, помнишь же список. Где облигации, где ордена, где дорогие книги и картины, иконы? И обязатель-

но спросите адрес Фаины Рукшиной-Дейч, и вообще про неё поспрашивайте. Раз он её шантажирует, может, есть документы? Ладно, пойду мебель переставлять.

Диван был тяжёл, пришлось звать на помощь пострадавшего. Вдвоём и то еле сдвинули.

– Что хоть за картины? Стоило оно того? – отвлекая Марка Яновича от плохих мыслей, поинтересовался Штелле, поднимая завёрнутые в мешковину картины.

– Ещё как стоило, – и, правда, оживился Макаревич, в девичестве Петуш.

– Рассказывайте, – передал ему свёрток Пётр, а сам принялся за доски.

– «Ранний снег» и «Старая мельница» – картины художника Василия Поленова. Оригиналы. По «Раннему снегу» чуть хуже – просто Поленов сделал несколько копий, но всё равно это сам Поленов, и цена всех картин примерно одинакова. Поменял на ваши иконы у известного коллекционера Григория Беякова. Интересный человек! Живёт в обычной пятиэтажке. Оббитая дерматином дверь. Двухкомнатная квартира, стены снизу доверху увешаны картинами. Висят даже на мебели: чтобы достать чашку из шкафа, надо снять с дверцы картину. Сотни и сотни полотен. Всё вопрос меня мучит: если бандиты знают об этой сокровищнице, то почему его до сих пор не обокрали? Жив вообще почему? А государство? Откуда у него всё это? Там ведь миллионы рублей, а если продать за границу, то миллионы и миллионы

долларов.

– Значит, оказывает услуги и этим, и тем – вот и неприкасаем. Марк Янович, а можно ваш заветный ножичек на секунду, доску подковырнуть?

Поддели вдвоём, убрали доски.

– Ёперный театр. Ну ни фига себе тайничок. Марк Янович, позовите Петра Фёдоровича на минутку – вопрос есть.

– Охренеть. СВД с прицелом ПСО-1. У нас была в части такая, на 650 метров по ростовой фигуре попаду, – присвистнул появившийся майор.

– А про это что скажешь? – Пётр достал два пистолета. Огромные.

– История! «Парабеллум» Р.17, с барабанным магазином на 32 патрона. Ещё штурмовым называли. Второй не знаю... Ага – вот надпись. «Глизенти» 9-мм. Итальянский. Не встречал, но по виду – вещь убойная.

– Будем забирать? – как винтовку-то тащить?

– Обязательно. Раз нашли, значит, наше.

– Будем думать, винтовка вещь немаленькая, в карман не положишь. Есть новости от нашего молдавского друга?

– По схронам немного. На антресолях чемодан с иконами и библиями, и в шкафу под простынями папка с облигациями. Зато сейчас колетса про участие в Armata Neagră. Это «Чёрная армия», бандеровцы молдавские. Их в начале пятидесятых почти всех выловили, часть расстреляли. Часть сидит, некоторые под амнистию попали. Клянётся выдать тро-

их, которых не нашли, если живым оставим. Конечно, пообещали. Гоям и гайдзинам можно обещать всё и не выполнять ничего.

– Да ты подкован, Пётр Фёдорович!

– Чем ещё в тюрьме заниматься? Книжки читал.

Золота было немного. Шкатулка и то, что не влезло, в мешочке рядом. Полкило в мешочке, в основном кольца и прочая женская ювелирка, всё из обычного магазина. А вот шкатулочка примечательная! Хотя бы потому, что при своих немаленьких размерах, 30*40*25, была искусно вырезана из малахита. Красиво! Червлёным серебром окантовка, и ручка из него же. Антикварная, дорогая вещь. Открыл. Вот здесь другие драгоценности, явно старинные. Некрасивые по сравнению с современными украшениями, но зато прямо ощущается время, история.

– Марк Янович, это по вашей части, посмотрите, нет ли чего интересного.

Стоявший с закрытыми глазами Макаревич восторженно и принял малахитовое чудо, поставил на стол. Пётр же на всякий случай снова сунул руки под доски. Ничего. Уже хотел ставить их на место, но что-то удержало. Интуиция? Ну, может. Лёг на пол и пошарил на всю длину руки – пальцы шоркнули по бумаге. Ещё дальше попробовал руку сунуть. Нет, не достать. Пришлось идти в ванную, там видел щипцы для белья. Опять лёг и попытался ими ухватить – с третьего раза получилось. Это была папка, да не простая. Нет,

не золотая. Даже не серебряная. Бумажная, вернее, картонная. Только на ней не «Дело» было написано, а красовался на сером фоне чёрный немецкий орёл, держащий в когтях свастику.

Штелле развязал тесёмочку. Документы на немецком, фотографии. Нет, тут нужен словарь, а лучше – переводчик. Потом. Будет время. Снова лёг и опять пошарил, теперь уже щипцами – в углу они за что-то зацепились. Попробовал вытащить, но нет, срываются. Вот ведь незадача! Снова прогулялся в ванную. Ничего подходящего. Пришлось, превозмогая приступы тошноты, осмотреть кухню. Покойный пузыри пускать перестал, но запах свежей крови и блевотины, уже своей. Ужас. И ничего, чем бы можно подцепить находку. Поискал в прихожей, нашёл лыжную палку. Одну. Снова к отверстию в полу – палка в щель не лезла, длинная. Пришлось загнуть её во что-то, напоминающее кочергу. Попытка удалась – зацепилась какая-то тяжесть. Еле доволок. Оказалось – мешок, на четверть чем-то набитый. На помощь опять пришлось звать Макаревича. Достали, развязали.

Точно не зря мучился! Мешок был набит монетами. Золото, серебро, попадалась и медь, но мало. Австро-Венгрия, Пруссия, Бавария, Франция. Монеты старинные, век XVII–XVIII. Килограмм шестьдесят. Сколько же это стоит? Там одного золота больше пятнадцати кило! Пётр зачерпнул горсть, любовался тусклым свечением, когда его тронул за плечо Макаревич.

– Пётр Миронович, это... Это... – и воздух ртом хватает, как рыба, вытщенная из воды.

Штелле посмотрел. Небольшое витое колечко, невзрачный камень, и на нём накарябано что-то по-еврейски.

– Ваша национальная реликвия? – вернул кольцо Марку Яновичу.

– Реликвия! – чуть не вопит, – Национальная! Ну да, национальная, – потом сел на диван и засмеялся каким-то булькающим смехом, – Национальная.

– Да, говорите уж, что такое, – заинтересовался Пётр, даже от монет оторвался.

– Это перстень княгини Елизаветы Воронцовой, который она подарила в Одессе Пушкину. Потом перстень-талисман Пушкина, которое поэт воспел в нескольких своих стихотворениях. Позже принадлежало Жуковскому, Тургеневу и Полине Виардо. Украдено в 1917 году, сохранились только отпечатки камня на воске и сургуче, – и взгляд горит, и усталости и побитости как не бывало.

Вообще, досталось директору колхоза. Под правым глазом фингал, ещё синяк – на правой же скуле. Левша, что ли, бил? Ухо, на этот раз левое, распухло. И нижняя губа порвана, со следами запёкшейся крови.

– Может, подделка? Уж больно невероятно.

– Конечно, нужно проверить. Кража произошла из кабинета директора Пушкинского музея, помещавшегося в здании Александровского лицея. Укравший перстень «лицей-

ский дядька» сбыл его какому-то старьёвщику. Пётр Минович, если оно подлинное, нужно вернуть его Пушкинскому музею.

– Хм-м, наверное, нужно. Только вот светиться не стоит. И так мы к себе лишку внимания привлекаем. Как-нибудь инкогнито надо. Стоп! Даже знаю как. Нужно поменять у вашего визави, коллекционера Белякова, на картину и оговорить, что он сдаст реликвию государству. Ему известность, почёт, и, чем чёрт не шутит, орден, а нам – ещё один Поленов или Айвазовский. Как думаете, Марк Янович?

– Думаю, что вы самый еврейский еврей. А план сработает, насколько я понял характер Белякова.

– Вот и замечательно. Есть у него ещё Поленов?

– Не специалист, но уверен на двести процентов, что даже если и нет, то найдёт, – усмехнулся Макаревич, бережно поглаживая кольцо. Прямо – «моя прелесть».

Кухню Пётр оставил на потом. Вышел в прихожую, открыл дверцы антресолей. Обычный хлам, газеты старые, валенки. Молоток чуть на голову не свалился. Вот чемодан. Замки заперты. Нужно открыть? Или ладно, один леший, не специалист по предметам культа. Пусть и остаётся запертым – не раскроется в неподходящий момент.

Осталась папка с облигациями. Пётр церемониться не стал, взял и вывалил всё с полка в шкафу на пол. Папка была на второй снизу полке. Толстенная. Развязал тесёмочки – внутри ещё папка. Прямо как в сказке о Кошечке Бессмертном.

Вынул тонкую папку, под ней оказались хрущёвские цветные бумажки – много, и разных годов. Мусор? Хотел ведь поспрашивать осторожно о возможности превращения их в дензнаки, да всё руки не доходят.

А вот в тонкой папке были облигации 1966 года, пачками, связанные тесёмочкой – и тоже немало. Если в пачке по сто штук, то пятьсот двадцатирублёвых и сто десятирублёвых. Плюсом будет к их тысячам. Под папкой с бумажками обнаружился полиэтиленовый пакет. Штелле заглянул. Документы, паспорт, свидетельство об окончании школы восьмилетки. Ещё какие-то. Потом разберёмся. В отделении для пальто внизу стояла обувная коробка. Пётр открыл – туфли. Что-то не так! Тяжёлая коробка. Вот и двойное дно. Разорвал картон, чтобы не терять время. На палас посыпались немецкие кресты. Ордена? Как там они назывались? Рыцарский крест? Отложим, тоже могут быть недешёвыми, если это не массовый Железный крест. Нужен специалист. Ну, теперь всё же придётся топать на кухню.

Труп лежал прямо на том месте, куда надо будет двигать плиту. Двигать? Привыкнув к баллонному газу, Пётр и не обратил сразу внимания, что отодвинуть не получится. Газ приходил по железной трубе, и она жёстко скреплялась с плитой. Однако! Чем масквичи лучше краснотурьинцев, что им газ уже провели? Поближе к власти?

Что ж, трудности нас закаляют. Сначала Штелле перекрыл вентиль на трубе, а то и на воздух взлететь можно.

Кстати, странное выражение – «взлететь на воздух». А куда ещё можно взлететь? На воду? А вот дальше нужен газовый ключ. Рядом с плитой таковой не лежал – там лежал мужичок, больше не пускавший пузыри. Плохо. Пётр пошатал плиту. Степень свободы есть. Может её и не надо отвинчивать? Провернуть прямо всю по резьбе, и положить на табуретку. Попробовал. Хрен там! Пришлось идти за помощью.

В пыточной ситуация изменилась. Молдавский бандит сидел за столом, пил водку и писал. Идиллия.

– Описывает преступления «Чёрной армии» и адреса, где можно найти недобитков, – пояснил картину Кошкин.

– Пётр, пойдём, поможешь с плитой, там сила нужна. Одну секунду. Гражданин Бенецяну, у вас нет газового ключа? – ответом только затравленный взгляд, – Нет? Ну ладно, пишите, не буду больше отвлекать. Пойдём, майор.

Отодвинули дядечку, приподняли плиту, провернули, положили на табурет. Вскрыли дощечку, достали полиэтиленовый пакет, разорвали – ещё один пакет. Разорвали и его. Банковский мешочек для мелочи. В нем сторублёвые пачки – четыре штуки, и две пачки пятидесяток. Итого пятьдесят тысяч карбованцев. Недурно! Восстановили бывший беспорядок – дядечку только обратно двигать не стали.

Оберин ушёл назад, а Пётр вернулся в комнату к Макаревичу. Марк Янович почти вдохновенно перебирал цацки из зелёной шкатулки. Пусть его. Пётр перевернул кучу тряпья на полу, заглянул на шкаф – ничего интересного. Есть,

правда, шапка из песка, но ношенная, с залысинами. Нам чужого не надо! Своё бы унести. Пока руки перебирали шмотки, голова думала. Теперь в квартире полно отпечатков пальцев – его и Марка Яновича. Бугаи перчаток не снимали. И что делать? Ничего лучше пожара голова не придумала. И правильно – уже четыре часа утра. Нормальные головы третий сон досматривают, а тут...

Событие тридцать пятое

Такси вызвали прямо из нехорошей квартиры. Конечно, шофёра потом найдут и опросят. А что он им скажет? А скажет он им, что группа из четырёх человек с вещами поехала в аэропорт Домодедово. Как выглядели? Необычно выглядели, на одном так вообще песцовая шапка. А на других? И на других шапки. Почему? Так, говорят, в Игарку летят, а там холодно. Описать сможете? Смогу. Один здоровый, в шапке. Второй здоровый в шапке. Третий совсем здоровый, в песцовой шапке. А четвёртый? Да тоже в шапке. Особые приметы? Были, а как же. Тот, который не здоровый – с забинтованным глазом. А усы там, родинки, цвет волос? Странные вы вопросы задаёте, товарищ капитан, какой же у них цвет волос, если они в шапках? А усы? Нет. Не было усов, хотя вот у тех здоровых, что сзади сидели, – не поручусь. Сумерки ещё были, а они в шапках. Сумею ли опознать? Ну, думаю, что если они в шапках будут, то одного смогу опознать. Он монгол, наверное. Почему? Ну, рожа такая круглая и глаза вытянуты, а ещё он чётки перебирал. Какие вещи? Да как у всех пассажиров. Чемодан был, тук какой-то, удочки. Да обычные удочки. У них там, в Игарке, рыбалка – сказка. Откуда знаю? Да они всю дорогу про рыбалку. И названия то у рыб странные. Какие? Лерка какая-то. Нерка? Точно, нерка, а вы, товарищ капитан, были в Игарке? Ещё какие рыбы?

Так вы тоже рыбак? Чавича? Или чуть по-другому? Ленок ещё, вот его запомнил. Как имя у моей жены. Почему милиционеры не видели таких пассажиров в аэропорту? Так ночь – спали, видно, милиционеры. А я чё, я ничё. Вот, вспомнил, товарищ капитан – тот, который с перемотанным глазом, называл самого здорового, который монгол, Славиком. Не монгольское имя? Ну, татарское. Русское? Тогда бы он его Славой называл. Где расписаться? С моих слов записано верно? Так я же не читал. Теперь прочитал. Только вы неправильно написали – рядом со мной не забинтованный сидел, а монгол Славик. Вот теперь правильно. До свидания, товарищ капитан.

Шапки нашли на вешалке. На Штелле под куртку, тоже позаимствованную, надели фуфайку, а Кошкину за щёки напихали ваты и подрисовали глаза. Марку Яновичу замотали глаз и ухо, и специально надвинули шапки на глаза. Говорили только Кошкин и Оберин – Петра ведь могут и по телевизору показать. Придумали про рыбалку – Пётр специально несколько пород чудных вспомнил. За удочки выдали снайперку. Ждали машину в подъезде, а когда загружались и создавали суету, отвлекая водителя, майор сбегал наверх и поджег в обеих комнатах и на кухне кучи бумаги и тряпок. А вот в ванной просто всё тщательно протёрли – ну и надеялись, что соседи пострадают только материально. Потом возместим.

Не заходя в аэровокзал, разделились, переоделись и на

двух такси вернулись в Москву. На всякий случай подъезжать к самой гостинице «Россия» не стали, назвали метро «Площадь Революции». Оттуда пешочком прогулялись и подошли к администратору ровно в восемь часов. Марк Янович с чемоданом и удочками прошмыгнул отдельно, Пётр же поинтересовался у той же девушки, не появились ли места. Нет – всё забронировано. Пришлось звонить Тарасову. Министр хмыкнул и пообещал устроить двухместный номер.

Прошло, наверное, минут десять, и вдруг к ним подбегает дядечка.

– Я директор гостиницы «Россия» Иванов Иван Иванович. Вы товарищ Тишков? – и смотрит на Кошкина.

– Я, – перенаправляет его внимание Пётр.

– Товарищ Тишков! Что же вы таких людей привлекаете! Могли бы и сами мне позвонить, уж один-то номер для ваших друзей нашли бы. Это надо же – сам Первый секретарь горкома товарищ Егорычев Николай Григорьевич позвонил. Такого и не упомяну на своём веку.

Ого! Решил не мелочиться Тарасов, навёл шороху. Ну и ладно, в следующий раз проще будет.

– А вы мне, как кардинал Ришелье, бумажку выдайте – мол, этому товарищу предоставлять номер по первому требованию, – решил шуткой разрядить обстановку Штелле. Не получилось.

– Что же вы, товарищ Тишков, вообще не хотите со мной общаться? Никакая бумага не заменит человеческого обще-

ния, – обиделся Иванов.

– А вдруг я приеду среди ночи – будить вас?

– Среди ночи? А, ладно! Напишу. Товарищ Тишков, только и вы мне для дочери автограф напишите.

– Да даже не так поступим. Мне тут в Союзе Писателей оставили несколько книг, так я одну подпишу и вам отдам.

– А вы и книги пишете? – интересно, а как тогда его отрекомендовал Егорычев?

– Есть грех.

– Буду признателен. Засим разрешите откланяться. Дела! Англичанин известный приезжает – тоже песни пишет. Эндрю Олдем. Не слышали?

– Олдем? Так это по мою душу.

– Даже так? Ну всё, извините. Побежал, – пожал руку и очень быстрой походкой, почти и вправду бегом, потрусил к лифту.

Пётр глянул на часы. На сегодня у него запланирована целая куча дел. Нужно подписать договор с дойчами, потом с Биком. Встретиться с продюсером группы The Rolling Stones Эндрю Олдемом и с директором Парижского филиала крупной американской компании Columbia Broadcasting System, которое называется CBS France, Жаком Суппле. Так ведь ещё вечером с химичками договорился отужинать – и это при том, что поспать удалось только полчаса, пока от аэропорта до «Площади Революции» такси везло.

В номере встретил обиженный взгляд дочери и непонима-

ющий – Вики Цыгановой.

– Встретил наших борцов, а их не селят. Вот пришлось везти их на дачу в Переделкино, а пока договаривался с хозяином – такси уехало, пришлось ночевать, – на ходу выдумал галиматью Пётр.

– Пап, а где у тебя медаль?

– Медаль? – и глянул на грудь.

Твою ж! От медали лауреата Ленинской премии осталась только колодка, самого золотого кругляшка с портретом вождя не было. Пётр закрыл глаза, восстанавливая события. В ванной в Черёмушках смотрелся в зеркало – медаль была. Значит, там, в квартире, и посеял. Даже, наверное, знает когда – это они с тёзкой двигали газовую плиту. Ещё пиджак тогда зацепился. Что называется, приплыли.

– Потерял, наверное. В такси, может? – ответил девочкам и пошёл в ванную, нужно к встрече с немцем привести себя в порядок.

Но голова ни о чём другом думать не хотела – паниковала. Пытался успокоить себя рассуждениями – можно ведь сказать (если спросят), что медаль украли в метро. Тогда нужно обратиться в милицию, а то не поверят. Влип! И людей за собой из-за разгильдяйства на дно утащит. Ведь за такие деяния расстрел положен.

Интермеццо

– Докладывайте, товарищ капитан, только коротко, генерал на одиннадцать совещание в МУРе назначил.

– Особо докладывать нечего, товарищ подполковник. В сгоревшей квартире три трупа. Проводится экспертиза. По предварительному осмотру ясно, что труп номер один у входной двери получил травму ручкой этой двери, от неё и скончался. Второй труп на кухне – тоже со следами насильственных действий, чем-то порвано горло. Про третий труп в комнате сказать пока ничего не могу – видимых повреждений нет. Причина смерти всех троих уточняется.

– Кто прописан в квартире? – подполковник почесал кончик носа – дурацкая привычка, оставшаяся с университета.

– Гражданка Сошникова Варвара Спиридоновна, 28 лет. Не замужем, судимостей не имеет, работает в ЖКО дворником. Квартира, по словам соседей, ею сдаётся. Сейчас у неё отпуск, и где находится – неизвестно. Опрашиваем знакомых. Предположительно, живёт у тётки в Подмосковье.

– Нужно поторопиться. Что мне докладывать? Одни «предположительно».

– Товарищ подполковник, прошло всего пять часов. Работаем.

– Ну да. Поговорку знаешь, капитан? Не могу стоять, когда другие работают, – схожу полежу. Так и у вас. Что-нибудь

интересное в квартире нашли, за что можно зацепиться?

– Нашли медаль лауреата Ленинской премии.

– Ого! Чья? Там ведь номер есть.

– Был. Номер подплавился, нельзя точно идентифицировать ни одну цифру. Созванивались с Монетным двором. Они берутся по составу металла определить год выпуска.

– Уже лучше, не сильно ведь много в год присваивают Ленинских премий.

– Не совсем так, товарищ подполковник. Я уже проконсультировался – прилично. Там иногда и по несколько человек за одну работу. Кроме того, существует закрытая часть списка – к ней вообще нет доступа. Пробовал узнать через Комитет Госбезопасности, не обращался ли кто с просьбой о восстановлении награды в связи с утратой. Не послали, но и не проинформировали – предложили написать рапорт. Рапорт составлен, у вас на подписи.

– Ладно, подпишу. А вообще, что это нам даёт? Уж не думаешь ли ты, капитан, что троих человек убил лауреат Ленинской премии, а потом медаль там случайно обронил? Поэт, наверно – они, поэты, все рассеянные, с улицы Бассейной.

– Как-то ведь медаль в квартиру попала.

– Что таксист? Может, ему показать фото лауреатов?

– Его слова не подтверждаются ни одним из опрошенных в аэропорту Домодедово. Сейчас он нами отправлен в психоневрологический диспансер на предмет вменяемости. Если же предположить, что таксист говорит правду, то получается

полная ерунда. Четверо очень высоких и здоровых людей в одежде не по сезону вызвали машину до аэропорта, расплатились, вылезли и исчезли. До этого в доме их никто не видел, в Домодедово тоже.

– Плохо. Что по самой квартире, что говорят соседи?

– Бывало, шумели. Пьяные шлЯлись. Один из снимающих – цыган, высокий и толстый. Ни с кем особо не общались. Живут месяца три-четыре. По отпечаткам пальцев опознать не получится, все руки обгорели. Отпечатки грабителей или убийц тоже не найдены, пожар всё уничтожил. Ищем Варвару Сошникову, надеюсь, она постояльцев знает.

– А что с соседями, есть пострадавшие от пожара?

– Только материально. В трёх квартирах при тушении залило мебель, есть утраченные документы. А так все живы-здоровы. ЖКО временно разместило эти три семьи в фонде для капремонтов. Разрешите идти, товарищ подполковник? Больше добавить нечего – а там, может, эксперты что нарыли.

– Свободен.

Событие тридцать шестое

Пока семь раз отмеришь – другие уже отрежут...

Пётр приехал в Союз Писателей чуть раньше даже – хотелось до встречи с немцем пообщаться с Фурцевой, но Екатерины Великой не было. Где-то рулит искусством. Тогда позвонил министру Тарасову – нужно проконсультироваться по маркам асфальтоукладчиков. Соединили мгновенно.

– Пётр Миронович, нужно увидеться. Я сейчас встречался с Косыгиным. Ему твои завиральные идеи понравились. Требуется представить докладную записку, причём по всем трём вопросам.

– Александр Михайлович, вы даже не представляете, как я загружен. Хотел часть проблем на вас сбросить, а получается наоборот. Я не специалист по написанию таких документов. Я сказочник. Вам сказку написать? – но министр автомобильной промышленности шутку проигнорировал.

– Вы ведь Первый секретарь горкома КПСС! Уж докладную-то записку осилите. Я вам в помощь людей выделю. Те же Сороки – они в Москве.

– Александр Михайлович, у меня через пять минут важная встреча с юристом из ФРГ. Хочу у них потребовать за свою книгу асфальтоукладчик. Вот вам позвонил, хотел про-

консультироваться – какой просить? Название производителя?

Там зависли. Потом прокашлялись.

– Асфальтоукладчик? А зачем он вам?

– О том же самом меня спросил председатель Союза Писателей Константин Федин. Отвечу вам, так же, как и ему: «асфальт укладывать». Так какую фирму порекомендуете?

– Требуйте компании Йозефа Фёгеле, серии «Супер». Если удастся получить, то лучшего и желать нельзя. Пётр Миронович, а можно мои специалисты, если сделка произойдёт, разберут его на винтики и всё зарисуют? У нас сейчас ведутся работы по созданию нового асфальтоукладчика, наше министерство задействовано. Премного обяжете.

Нда. Тот ещё советчик, на ходу подмётки режет.

– А собрать получится? А то половина деталей окажется лишней, а вторая половина – отечественные аналоги. А красивые гаечки люди на память позабирают.

– Уели. Проследим. Попросим помощи у КГБ, они уж точно не дадут ничего прикарманить. Обещаю управиться за месяц.

– Посмотрим. Пока ничего не обещаю – ещё как себя немцы поведут. До свидания. Вон уже слышна их музыкальная речь.

Фриц Флигерт всё же переводчицу привёл.

– Asphalt Fertiger стоит порядка ста тысяч марок. Ваш гонорар мы согласны увеличить до пятидесяти. Кто покроет

разницу? – немцы. Чтоб их! Мелочный народ. Жалко им пятидесяти тысяч марок.

– Мне посоветовал министр автомобильной промышленности СССР товарищ Тарасов требовать у вас асфальтоукладчик компании Йозефа Фёгеле, – решил зайти с козырей Пётр. Знакомство с министром всегда может пригодиться. Немцам.

– Мы на эту фирму и ориентировались. Всё равно огромная разница в цене и вашем гонораре, – не клеится разговор. Жадные. Нет. Рачительные. А если по правде, то пятьдесят тысяч марок – это очень немало, издательству придётся попотеть, что выйти в прибыль.

Но! У нас ведь есть послезнание. Воспользуемся.

– Дорогой Фриц. Вот считайте – за две мои повести вы готовы выложить пятьдесят тысяч. Сейчас в соавторстве с вдовой писателя Толстого мы переработали как бы приквел к этим повестям. Кроме того, у меня начаты ещё две повести, сиквелы. Продолжения. В одном из них Буратино попадает в страну Оз. Что, если в договоре будет фигурировать пять сказочных повестей? Детям всегда интересно, что же будет дальше с полюбившимися им героями.

Толстый Флигерт задумался.

– Мне нужно позвонить. Отсюда это возможно? И я должен остаться один.

– Говорите номер, – это Константин Федин включился.

Пока немец по-немецки болтал с другими немцами в

Неметчине, выпили по стакану кофе. Когда же появятся в этой стране настоящие большие кружки? Вкус у кофе в стакане другой. Противный. Или он противный по той простой причине, что его ни жарить, ни молоть, ни заваривать здесь не умеют?

– Пять книг. Срок шесть месяцев. Где ваш соавтор? Или она не нужна при заключении договора? – вот деловая колбаса.

Пётр посмотрел на нашего юриста. Коричневый пиджак и роговые очки. Зато худой.

– Нужна.

– Константин Александрович, как бы сюда позвать Людмилу Ильиничну Толстую? Она сейчас у Смирновой, дожидается француза.

Совсем старый стал главный писатель. Кряхтя, встал, прошёл до двери, дал команду секретарше. Ну дак – семьдесят пять лет человеку.

– Я, Пётр Миронович, конечно, за. Одно уточнение – а вы меня на этой машине прокатите? – и в слово «прокатите» ударение вложила.

Что там погубило «масквичей»? Квартирный вопрос.

– Если пять книг – это сто тысяч марок, то ваше участие – десять тысяч. Возьмёте рублями по курсу один к одному? – жалко-то как! Уже планы на вновь приобретённые ценности свёрстаны.

– Фи, так неинтересно. Может быть, мы вместе напишем

ещё одну книгу? – вот это бабка! Все немцы с евреями и хохлами нервно курят в сторонке. Что же это за день такой – все его разводят.

– Без проблем, Людмила Ильинична. Стойте, а ведь это мысль! У меня есть разрозненные истории, их нужно собрать и окультурить – добавить сюжетную линию, всяких второстепенных персонажей. Я даже сейчас название придумал: «Книжка малоизвестной писательницы Любки Незабудкиной и маститой сценаристки Барышевой-Крестинской о том, как Людмила Осликова приехала покорять Москву». И обложку представил: девица в сарафане и кирзовых сапогах едет на ишаке по мосту у Кремля. Как? – заготовки на самом деле были, началось ещё в первые дни попаданства. Не надеясь на память, стал записывать смешные сценки, какие помнил из «Уральских Пельменей», «Камеди Вумен», выступлений Задорнова. Набралось к этому времени уже три тетрадки. Особенно выделялся цикл из выступлений бывших студентов УПИ. Там кто-то умный взял и составил сборники – вот такой сборник, «Сладкая парочка», Пётр и смотрел на компьютере, когда собирался идти на выступление Вики Цыгановой. Дмитрий Брекоткин и Стефания-Марьяна Гурская были вместе бесподобны. Жаль, что девица ушла из «Пельменей».

– Вы нечто, Пётр Миронович. Приятно с вами дело иметь. Где тут загогульку поставить?

– А я всем говорю, что я дурень, а не дурак, – попытался

пошутить.

Немец хмыкнул, Федин закашлялся, Толстая прыснула, переводчица достала словарь, наш юрист сделал невозмутимое лицо. А ведь могут не прокатить шутки из двадцать первого века.

Подписали. Твою ж дивизию! Это теперь две повести написать срочно нужно. И нужен был этот асфальтоукладчик? Взял бы пятьдесят тысяч марок и жил спокойно. Но нет. Нью-Васюки.

Глава 7

Событие тридцать седьмое

С продюсером группы The Rolling Stones Эндрю Олдемом встречались не где-нибудь, а в министерстве культуры – прямо в кабинете «мадам министр». Вот почему «мадам»? Конечно, Екатерина Алексеевна замужем, и во Франции её нужно величать «мадам» – но и патлатый очкастый Эндрюха, и его переводчик – с такими же патлами, но чёрными, и с бородавкой на лбу – прибыли не из Парижу, а из Лондону. Ну да пусть их.

Здание министерства было красивым. Строили же раньше! Не иначе вычурно называлось «Доходный дом такого-то». А внутри была суета. Помощница Фурцевой Таня встретила Петра на улице, кутаясь в коротковатое пальто. Модница, блин. Оказывается, Эндрю уже приехал. Перепутал время, переводя свои лондонские часы на наши посконные. Уже чуть не час дожидается, выхлебал пять чашек чая и съел кило горчичных сушек.

Протолкались с Таней через бегущих рулевых культурой и оказались в кабинете Фурцевой. За огромным столом для совещаний эти двое патлатых англичан смотрелись комично – словно нечёсаного крестьянина поймали в поле и при-

вели к царю-батюшке во дворец, а потом в соседней татарской деревне выловили ещё одного. Перед деревенщинами и в самом деле стояла хрустальная салатница, и в ней сиротливо уживались друг с другом три обломанных сушки. Этот цельный образ портило только одно – Андрюха был в дымчатых очках, и это не был писк моды – это были проблемы со зрением.

Представились. Нет, представили. При этом Екатерина Алексеевна зависла на целую минуту, пытаюсь сообразить, как же островитянину отрекомендовать Петра. Не выкрутилась – всё же серьёзно перемкнуло.

– А это, мистер Олдем, создатель ансамбля «Крылья Родины», – и широкий взмах рукой в сторону Петра.

– Ну, не совсем так, дорогой Эндрю. Я – комми. Первый секретарь горкома КПСС. И ещё по совместительству поэт и писатель.

– Рад знакомству, – продемонстрировал кривые зубы англичанин.

– Мистер Олдем, прежде чем мы начнём наш разговор, хотелось бы прояснить одну вещь. Вы, правда, покидаете группу The Rolling Stones и теперь свободны, или это всё слухи, и нам не о чем договариваться?

Уверенность сразу сползла с очкастой физиономии.

– Да, группа подыскивает себе нового менеджера.

– Замечательно. Тогда немного о нашей группе. У нас нет коллектива в вашем понятии – «группа». Это не четыре

человека, и даже не десять. Ансамбль «Крылья Родины» – это очень большой коллектив. Есть свой симфонический оркестр, есть десятка полтора исполнителей. Сейчас набираем детскую группу и группу бабушек для исполнения народных песен. Не кривитесь – это другие народные песни. При их исполнении зрители будут смеяться над вашими «Битлами» и «Роллингами». Поверить сейчас вам трудно, но просто для начала представьте себе такую картину. Что нужно от вас? Учить наших исполнителей петь и держаться на сцене не надо – нужно устраивать гастролы. И ещё нужно договариваться с ведущими фирмами, выпускающими одежду, спортивную одежду и инвентарь, обувь, косметику и тому подобное, о рекламе их продукции нашими исполнителями. Нужно устраивать интервью членов нашего ансамбля для ведущих газет и популярных передач на радио и телевидении. Нужно договариваться о встречах наших артистов с главами государств или ведущих партий. Да, ещё нужно найти человека, который сможет русские тексты превращать в английские без потери ритма и рифмы, и нужен человек, который уберёт у исполнителей акцент. Ваш гонорар – десять процентов от заработка «Крыльев Родины».

Андрюха снял очки и уставился на Петра как на дурачка. Ломка стереотипов.

– Вы серьёзно, мистер Тишков?

– Сейчас мы послушаем две песни в исполнении «Крыльев», потом посмотрим три небольших музыкальных филь-

ма. Потом снова поговорим. Сейчас не о чем. Екатерина Алексеевна, у вас найдётся магнитофон?

Если Эндрю охреневал, то Екатерина Великая была в по-луобморочном состоянии. Нет, ей приходилось бывать и в «Ла Скала», и в «Ковент-Гарден», и даже общаться с министрами большинства европейских государств, но это она! А чтобы девочки, и общались, скажем, с королевой Великобритании? И чтобы русские артисты рекламировали немецкие трусы? Только представь себе такое, и уже давление 200 на 200 – а разрешить это?

– Пётр Миронович, вы в своём уме? – трагическим шёпотом.

– Абсолютно. Так что с магнитофоном?

– Через мой труп.

– Товарищ Фурцева, успокойтесь, вы не на партсобрании. Тут иностранцы. Несите магнитофон, – рыкнул на обалдевшую тётку Пётр.

Что-то хрустнуло – наверное, голова министра лопнула. Потом Екатерина Алексеевна встала, молча вышла и так же молча занесла чемоданчик. Такой же, как у Брежнева, «Грюндик». Катушечный магнитофон Grundig TK 47 Stereo. Пётр из своего везучего портфеля достал катушку и заправил плёнку. Включил.

Песни было две. Сначала – «Танцы на Марсе». Её перевели на английский, исполнили. И ведь даже некому оценить, плохо перевели или хорошо, плохо исполнили или так себе.

Вот сейчас и посмотрим, как отреагирует носитель языка. Носитель выслушал молча, потом попросил поставить ещё раз. А чего, не сложно ведь – прослушали ещё раз.

– Я бы подправил текст – и вы правы, нужно поработать над произношением. А вещь – выше всяких похвал, даже в таком виде займёт первое место в любом списке шлягеров.

– Вот видите, Екатерина Алексеевна, Эндрю доволен. Вы пока чайку вот хлебните, – и включил вторую песню.

С ней намучились. Даже хотели бросить и взять что-нибудь другое, но Пётр настоял. Первые вещи должны быть убойными. Спели «Синий иней», она же One Way Ticket («Билет в один конец»). Наталья Евгеньевна Горбаневская перевела на английский, попытались спеть. Галиматъя. Тогда вспомнили, что София Ротару году эдак в 2009-м спела совсем с другим текстом – «Пусть всё будет». Попытались вспомнить его – Вика Цыганова в том концерте участвовала. Написали, спели на русском. Вещь! Особенно для 1967 года. Горбаневская перевела этот вариант – чуть лучше, но не прокатит на западе. One Way Ticket (To the Blues) уже есть – она была впервые исполнена американским певцом и пианистом Нилом Седакой в 1959-м году и спряталась на второй стороне сингла «Oh! Carol». В отличие от заглавной песни, эта не стала популярной. Конечно, у нас музыка лучше, уже от группы «Ирапшин», и голоса – не сравнить, но всё одно слабо. Тогда Пётр, как мог, вспомнил перевод оригинала на русский.

«Чух, чух, поезд трогается в путь,
Моё путешествие начинается, и я никогда не вернусь —
О, о, у меня есть билет в один конец до тоски...»

Вот уж точно галиматъя, но припев «Билет в один конец» вполне ритмичен.

Пришлось сочинять текст самому и с использованием этих строчек. Опять диссидентка перевела. Спели – хреново, но лучше остальных версий. А, может, для затравки и сойдёт?

Магнитофон зашуршал концом ленты.

– Я слышал похожую песню в исполнении Нила Сedaки. У вас получилось лучше. Вы правы, мистер Тишков, вам нужен хороший поэт и хороший учитель английского. С таким материалом можно работать! Это всё, у вас есть только две песни?

– На английском – да. Ещё я хочу показать вам одну песню на испанском и две на русском. Екатерина Алексеевна, ведите.

Походкой зомби Фурцева отвела их в небольшой кинозал, расположенный этажом выше. Посмотрели – сначала уже известные вещи из будущего репертуара Любы Успенской, а вот последней шла «Макарена» с флэшмобом у памятника Глобусу в Краснотурьинске. Сначала появлялись испанки, потом к ним присоединялась эфиопка. Следом выбегали русские мачо, во втором куплете появлялись три русские ки-

ношные супердивы и две дочери Тишкова, а в последнем к Глобусу устремлялись более двух десятков женщин в форме. Взяли всех работников милиции и детской колонии, плюс двух девушек из пожарной команды. Ни петь, ни танцевать от них не требовалось – как только они выбегали на площадь и вскидывали вверх руку, песня заканчивалась, а с нею и клип, но эффект был неслабый. Ни у кого из маститых режиссёров таких мыслей ещё даже не проблёскивало.

Сидели молча. Первой очнулась Фурцева.

– Это та самая «Макарена», о которой говорил со мною посол на Кубе?

– Она.

– Понимаю кубинцев. Вас не понимаю. Кто разрешил участие в этом действе работников милиции?

– Екатерина Алексеевна! Вы сегодня перевозбуждены. Вам бы отдохнуть. И держите себя в руках, рядом ведь англичане – и один вполне себе понимает нашу мову.

– Чёрт. И правда. Ну, уйдут – ты у меня получишь.

Ушли. Получил.

Событие тридцать восьмое

– Пётр Миронович, я каждый день жалею, что зашла тогда в кабинет Федина. Могла ведь и не повстречать тебя. Жила бы себе спокойно. Ты хоть представляешь, как на это прореагирует Суслов? Наши военные и милиционеры пляшут на площади! Выгонят и меня, и тебя, и тех начальников в твоём городе, которые это разрешили, – Фурцева стояла вплотную и брызгала слюной. Хотелось ей пощёчину залепить – может, успокоится.

– Во-первых, у нас в стране полно военных ансамблей – там и поют, и пляшут. Один ансамбль Александрова чего стоит. А во-вторых, Суслов должен узнать об этом не от вас и не от ваших помощников, которые на самом деле его стукачи. Он должен узнать от кубинцев.

– Каких ещё кубинцев? Вообще охренел?

– В посольстве Кубы должен быть атташе по культуре.

– Там есть третий секретарь МИД, он, в том числе, отвечает за культуру и спорт. Зовут Виктор Мануэль Родригес Этчеверри. Вчера с ним встречалась – на днях ведь премьера в Большом. Режиссёр кубинец, ну и как раз из-за тебя. Хотят тебя на престижную литературную премию выдвинуть за эту «Макарену».

– У них там есть кинозал?

– Есть, – отошла, держась за сердце. Старенькая ведь, хоть

и хорохорится ещё.

– Позвоните ему и скажите, что мы будем у них через тридцать минут – пусть всех сотрудников соберут в кинозале. Недалеко ведь посольство?

– Тут рядом. На Большой Ордынке.

– Так что стоим? Поехали – через два часа уже встреча с французом, который американец.

– Сволочь ты, Пётр Миронович! Сам себе могилу роешь, и меня за собой тащишь, – но уже потянулась к телефону.

– Поговорка есть народная: не рой другому яму, пока сам не окопался. Как раз наш вариант.

– Вечно ты со своими шуточками! Не до смеха мне сейчас.

– Про вас у меня тоже есть поговорка: настоящая женщина должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь.

– Ха. Алло, посольство Кубы? Говорит министр культуры СССР Фурцева Екатерина Алексеевна. Мне нужно срочно переговорить с товарищем Виктором Мануэлом Родригесом Этчеверри, – запинка в несколько секунд. – Алло, Виктор? Это снова Фурцева. Привёз товарищ Тишков песню. Да, да, ту самую. Подготовьте кинотеатр и соберите там всех сотрудников. Будем там вам кино показывать с этой песней. Через двадцать минут.

Положила трубку, а на самой лица нет. Белая маска. Рискует! Не стала бы, но Эндрю помог.

– За один этот фильм можно заработать несколько миллионов фунтов стерлингов. Я согласен на вашу работу и на

ваши условия, – хоть и акула империализма, а умный. Или потому и акула, что умный?

– Нужно заключить договор.

– Подготовьте свой вариант, я представлю свой, завтра сверим, выберем приемлемый и подпишем, – вот чему нужно у нечёсанных учиться – оперативности и деловой хватке, а не патлы отращивать, вшей разводить.

– Пётр Миронович, – вылезая из машины перед небольшим жёлтеньким двухэтажным домиком на углу Большой Ордынки за забором из железных пик, сморщилась Екатерина Алексеевна, – Ты веди себя прилично. Без шуточек своих. Иностранцы всё же, хоть и голозадые. Ох, загремлю я с тобой в Находку, директором библиотеки.

– От Гаваны до Находки с водкой лучше, чем без водки!

– Тьфу на тебя! Пошли уж.

Получилось даже лучше, чем хотелось. Когда Пётр передавал плёнку негритянке, что отвечала за показ фильмов (не привезли же они с собою настоящего киномеханика?), то пришлось объяснять, что сначала идут два фильма на русском по четыре минуты, а только потом – «Макарена».

– А нельзя ли посмотреть и русские? Здесь многие владеют языком, – Виктор был мулатом, но негритянской крови немного – и явно спортсмен бывший, боксёр. Нос свёрнут. Коротко стрижен и лопух.

– Ставьте.

В зале было человек тридцать, и он был полон. Поздоро-

вались, пообнимались – это посол полез целоваться с Петром. Еле удалось перевести просто в объятия. Включили, посмотрели. Опять посмотрели. Снова посмотрели. Макарена!

– Знаете, Екатерина Алексеевна, когда мне позвонили из Политбюро, то я сильно удивился. Неужели русский может написать кубинскую песню? Теперь понял. Теперь осознал. Понимаю товарища Боске. Тут одной премии мало! Вопрос о медали Дружбы решён, считайте. Нужно везти товарища Тишкова и этих молодых людей на Кубу. Всех наградим медалью Дружбы.

Екатерину Великую лестью с панталыку не сбить. Она ведь за индульгенцией ехала.

– А что вы думаете о последнем кадре, где девушки в форме присоединяются к танцу? Может, вырежем?

– Зачем? Это лучшая часть фильма! Ага, понимаю, думаете, некоторые люди в вашем Политбюро будут против? А если им позвонит товарищ Фидель, это решит проблему? – умный! Хоть и очень плохо по-нашему шпрехает. Или чего там испаноговорящие делают? А, хаблают.

– Товарищ Фидель Кастро товарищу Брежневу, – аппетиты, однако, у мадам министра.

– Я думаю, что мы решим эту проблему. А можно встречную просьбу?

– Слушаю.

– Те первые два фильма нельзя ли озвучить по-испански? Мы готовы купить их, – товарищ Лионель Сото, он же посол

чрезвычайный и полномочный, изобразил улыбку.

Вот, сразу подобралась и превратилась в прежнюю Фурцеву.

– Товарищ Тишков?

– После свадьбы кулаками не машут. Переведём.

– О, хорошая поговорка. Я слышал, товарищ композитор, что вы ещё и детские книги пишете? Хотелось бы их увидеть. Уверен, у нас захотят их издать, – вот! А шли за щелбанами.

Событие тридцать девятое

Жадность – сестра таланта.

С американским французом Пётр не церемонился. Поставил две англоязычных песни, прослушали, потом осчастливил си-би-эсовца прослушиванием «Волшебного полёта» в исполнении великих скрипачей и симфонического оркестра. Хотел завершить «Штормом» Вивальди в переработке Ванессы Мэй, а потом Вики Цыгановой и Гофмана с Ойстрахом и прочими грандами – все по чуть-чуть руку приложили. И не удержался, сводил в кинозал. «Макарена» и два клипа от Успенской.

Директор Парижского филиала американской компании Columbia Broadcasting System, которое называется CBS France, Жак Суппле был немного похож на Алана Делона. Синие глаза, тёмные волосы, правильный овал лица – а вот не красавчик. Чуть нос не такой, уши больше оттопырены, нет родинки на скуле. Вроде ерунда, а эффект другой. Зато почти коротко стрижен, и пиджак из красивого с отливом материала. Француз, мать его!

Фурцева на что старушка, а и то стойку сделала. Даже коньяк велела Тане принести с шоколадом.

– Материал очень хорош, особенно песня про танцы в космосе и композиция «Волшебный полёт». Про Макарену да-

же говорить не буду. В латиноамериканских странах и самой Испании это принесёт кучу денег. Фильмы с вашими русскими песнями продать можно, но больших денег ожидать не стоит. Я во Франции столкнулся с неприятием французами английской музыки – и, наоборот, Джо Дассен не завоеует большой популярности в Америке. Нужно переводить на английский, тогда это будет очень востребовано. Никто ещё не делал музыкальных фильмов в таком формате. Итак, что вы хотите?

– Триста миллионов долларов.

– Хорошо, вам в каких купюрах? А то у меня только мелкие с собой, – совершенно не изменившись в лице, поведал переводчику месье Жак.

Тот, не понимая, что это юмор, перевёл. Фурцева выслушала и, так как никто не смеялся, откинулась на спинку стула и выпучила глаза. Стала хватать ртом воздух. Камбала камбалой.

– Это за три года, – так же спокойно продолжил Пётр, не придя на помощь Екатерине Великой, – А сейчас нужно заключить договор о выпуске в вашей студии двух синглов. На первой стороне первого – «Танцы на Марсе», на второй «Шторм». На втором – «One Way Ticket» и «Волшебный полёт». И ещё миньон с этими же композициями, плюс «Макарена».

Си-би-эсник взял карандаш из прибора на столе и достал записную книжку, написал циферки, попереставлял их ме-

стами.

– Нужна ещё одна короткая песня на пару минут, она обязательно должна быть с текстом и на английском, – не отнять – профи.

А что у нас там есть из записок? Переведена «Трава у дома», но даже репетировать не начали. Та же история и с позаимствованной у «Агаты Кристи» суперской вещи «На ковре-вертолёте». Стоп! Оставим на следующую пластинку. Недавно Вика исполнила крутую вещь. В фильме, вернее, в сериале «Спецназ» есть бесподобная сценка «Танец у экскаватора». Английского варианта нет – так там и слов-то пять штук.

– Екатерина Алексеевна, нам срочно нужно на фирму «Мелодия». Записать одну песню. Очень срочно. Через час.

Глотавшая воздух бабушка тряхнула головой и превратилась в министра.

– Ну, ты мне за всё ответишь! Сейчас позвоню.

– Позвоните в мой номер ещё, и пошлите машину за Машей. Пусть возьмёт «Танец у экскаватора».

– А кто играть будет? – не отнять – организатор.

– У неё есть минусовка.

– Минусовка? Что это?

– Ну, как Брежневу показывали. Музыка записана, а слова сами поём.

– Ты тут без меня лишнего не наговори! Приличная хоть песня? А то опять в блуд введёшь.

– Там всего несколько слов. Да! Пусть хороший переводчик приедет на «Мелодию», – вот и ещё одну вещь украли, да простит нас Алексей Григорьев, он же Гога.

– Когда же всё это кончится? Уехал бы ты поскорее в свои Васюки. Хоть оклемаюсь. И напьюсь.

– А вас Брежневы с собой не берут?

– Брежнев?

– Брежневы. Всё, дорогая Екатерина Алексеевна. Третьего мая встречаемся в Краснотурьинске, а сейчас организуйте запись.

Ушла, опять хватая воздух.

– Мне можно поприсутствовать на записи? И у меня есть хороший переводчик, – улыбочка типу в тёмных солнцезащитных очках. Весной и в кабинете. Или у этого тоже проблемы со зрением? Как это называется? Офтальмия?

– Нужно. Теперь давайте обсудим процент и тираж, – мы ведь тоже деловые.

– Не гонорар? – жук.

– Нет. Процент.

– Двадцать.

– Девяносто.

– Двадцать пять.

– Девяносто.

– Больше тридцати не дам.

– Смотрите, месье Суппле, вы выпускаете небольшой тираж и пускаете в продажу. Я вполне могу оценить качество

своих вещей. Следующий тираж будет миллионным. Ми-
ньон только в СССР купят миллионов десять – плюс син-
гл «Макарены» в Испании. Мексика, если мне память не из-
меняет, довольно густонаселённая страна. Миллионов сто?
То есть тоже не менее чем миллионный тираж. Ваша компа-
ния заработает десятки миллионов – долларов. Столько же
за клип «Макарена». Не жадничайте.

– Что такое клип?

– «Макарена» – это и есть клип, это же английский.

– Ясно. Сорок процентов. На большее не пойдёт моё ру-
ководство. В таких продажах в СССР вы уверены?

– На сто процентов.

– Тогда по вашей стране отдельный договор на пятьдесят
процентов.

– Приятно иметь дело с деловым человеком.

– Вы озолотитесь, – налил сам себе коньяк и отсалютовал
месяе Жак.

– Не всё то золото, что плохо лежит.

– Ха-ха. Нужно будет запомнить.

Прибежала Екатерина Алексеевна.

– Едем. Машу привезут прямо туда.

– О, сейчас будет быстрая русская езда? – просиял амери-
канский француз.

– Знаете нашу поговорку? «Мы медленно запрягаем, но
быстро ездим. А тормозим вообще страшно».

– Вы не тормозите, – на самом деле хороший переводчик

тонкую игру слов уловил. Вон до Великой только дошло. Хихикнула.

Интермеццо 2

– Итак, капитан, сутки прошли. Докладывай.

– Ничего по пострадавшим. Варвару Сошникову пока не нашли. Третий человек умер от укола в сердце шилом.

– Хреново. Что по шофёру?

– Признан вменяемым, только болтлив не в меру. После повторного опроса людей и сотрудников в Домодедово никаких результатов. Как испарились. Напрашивается вывод: это была маскировка, от которой избавились прямо после того, как покинули такси. Шофёр рейсового автобуса вроде бы видел мужчину в песцовой шапке, но мех определить точно не может. Возможна и собака, и кролик. Мужчина очень высокий и здоровый.

– Опять сплошные домыслы!

– Есть новость по медали.

– Ну слава богу. С этого нужно было начинать.

– Тоже малоутешительно, товарищ подполковник. Вчера в отделение Тверского района столицы поступило заявление гражданина Тишкова Петра Мироновича о пропаже медали лауреата Ленинской премии.

– Тишков! Что-то знакомое.

– «Трава у дома», «Миллион алых роз».

– Понятно. Что говорит?

– В заявлении написано, что предположительно украли в

метро.

– А он что говорит?

– А он всё время в разъездах. Сейчас находится в здании министерства культуры. Встречается с Фурцевой. Вчера весь день провёл тоже с нею.

– У него есть алиби на позавчерашнюю ночь?

– Есть. Всю ночь был в гостинице «Россия». Опрошены родная и приёмная дочери. Администрация гостиницы видела поздно вечером и рано утром – сам директор гостиницы с ним встречался. Ему звонил Первый секретарь горкома КПСС Москвы товарищ Егорычев с просьбой поселить дружкой гражданина Тишкова.

– Гражданина?

– Извините, товарищ подполковник, товарища.

– Чем занимается этот композитор в свободное от написания песен время?

– Поэт.

– Ну поэт.

– Вы не поверите.

– Да говори уж, капитан.

– Он – Первый секретарь горкома партии. Кроме того, что очень известный детский писатель. По непроверенным данным – самый богатый человек в стране. Позавчера был на даче у Брежнева.

– Нда. Оставьте его в покое. Тут не погоны полететь могут, а и голова вместе с папашой. Найдите уже хозяйку квартиры.

Стоп, а Тишков какой комплекции?

– Рост выше среднего. Худой.

– Всё свободно. Выдайте ему справку о возбуждении уголовного дела по факту кражи медали. Пусть восстанавливает.

Событие сороковое

Какие дела остались в Первопрестольной? Да куча! Нужно найти пчеловода. Не так и сложно – ведь есть журнал, и там начальники указаны. Ещё нужно встретиться с Дмитрием Габановым. Заказывал же Фурцевой найти модельера с такой фамилией. Модельера не нашла – нашла студента Московского текстильного института. Кафедра проектирования и художественного оформления текстильных изделий. Четвёртый курс. Димка Габанов был из Улан-Удэ, и был он бурятом. Читай – монголом. Какими уж неисповедимыми путями закинуло его в МТИ – неизвестно, но вот нашёлся именно там. Как там в известной шутке: «Земля квадратная. За углом встретимся». Вот встретились. Круглолиц, узкоглаз, улыбчив. Еле заметный акцент.

– Дмитрий, когда у вас сессия заканчивается?

– Числа десятого июня. А что? – встретились в холле гостиницы «Россия», и оттуда проследовали в ресторан. Пётр, не скупясь, заказал все три перемены плюс пирожное. Сам был студентом. Себя тоже не обидел – чёрт его знает, когда удастся поесть в следующий раз.

– И куда нацелился на каникулы? – а антрекоты вполне себе ничего.

– Домой, к родителям. Они у меня в колхозе работают. Яков разводят.

– А мне сказали, что ты из Улан-Удэ.

– Так и есть. Переехал на время учёбы в город к родственникам. У нас ведь в селе только восьмилетка.

– Понятно. И что, яки в ваших местах хорошо себя чувствуют? Не холодно им зимой? – Пётр ведь хотел небольшой зоопарк в Краснотурьинске организовать, почему бы не начать с яков?

– Наоборот, они жары не любят, а мороз любой переносят.

– И много у вас в колхозе яков?

– Несколько сотен.

– А можно будет купить десяток? Молодых.

– Можно, наверное. Это с председателем нужно говорить, – паренёк принялся за пирожное.

– Смотри, Дмитрий. Я хочу в Краснотурьинске создать небольшой зоопарк. Купить яков, овцебыков, северных оленей, диких лошадей. Нужно будет найти человека, который умеет обращаться с этими животными. А ещё я хочу у нас в городе создать элитный Дом Моделей. Что если ты с родителями и переедешь в Краснотурьинск? Институт закончишь заочно, в армию тебя не заберут. Будешь жить вместе со всей семьёй.

– Ну, не знаю. Подумать надо. А почему именно я?

– Потому, что ты будешь главным модельером, а выпускать будем модную одежду под брендом «Дима Габанов» в СССР и «Дольче Габбана» в остальном мире.

– В остальном мире? – даже компотом подавился.

– Поверь. Будешь занимать первые места на всех международных конкурсах.

– Шутите!

– Да некогда шутить. Дел невпроворот. Вот тебе мой телефон в Краснотурьинске. Сессию сдашь – позвони. Да, если хочешь, то можно организовать звонок ректору вашего института, чтобы тебе сессию разрешили сдать досрочно. Нужно?

– Ректора зовут Будников Владимир Иванович. Было бы неплохо.

– Ну, тогда готовься к экзаменам. Всё, извини, больше времени нет, побежал. Как разделаешься с гранитом науки – набери.

Мужчины – женитесь, женщины – мужайтесь.

«Т.И. Губина, главный редактор», – гласила жёлтая табличка на кабинете. С чёрными буквами. Ага. Это окраска пчёл. Креативно. Пётр прождал перед этой табличкой больше часа. Сто раз бы ушёл, но НАДО – вот и ждал. Наконец был допущен в святая святых. Таисия Ивановна была женщина строгая, очкастая, деловая и страшенькая. Если бы не женская кофта, то старичок обычный. Особенно портил образ главного редактора нос. Большой – даже не картошкой, а огурцом. Да и ладно бы – не семью же со старушкой заводить, своя есть. Только кроме непривлекательной внешности Таисия Ивановна имела и характер под стать. Когда узнала, что Петру нужны рецепты снадобий из мёда и других

продуктов пчеловодства, то крикнула – и чуть не в крик.

– Мы научный журнал, а вы лезете со всякой ерундой. Возьмите стакан чая, добавьте две ложки мёда, вот и всё лекарство.

– А вы знаете, что мёд при ста градусах становится бесполезен и даже ядовит? При сильном нагревании в продукте начинает вырабатываться вещество под названием оксиметилфурфурол. Это канцероген, пагубно воздействует на желудок и кишечник человека. Мёд можно принимать с чаем только вприкуску, – и гордо откинулся на стуле. Название ещё в той жизни увидел и запомнил, чтобы блеснуть красивым словом в какой компании.

Пётр думал, что хоть после этого женщина проявит интерес и чего интересного посоветует. Дудки! Эффект получился обратным.

– Больше ничем не могу вам помочь, товарищ Тишков, – и демонстративно уткнулась в явно иностранный журнал. Красивые картинки, белоснежная бумага. Умеют ведь.

– До свидания, – только головой мотнула.

Вот и поговорили. Плюнуть и уйти? Ну нет. Она ведь не одна в журнале работает. Вышел, прошёлся по коридору до двери с жёлтой же табличкой «Редколлегия», толкнул без стука. Четыре стола по углам, три человека. О чём-то громко спорят. Увидели, закрыли рты, и один товарищ, явно нерусский, поинтересовался:

– Вам кого, уважаемый товарищ?

– Мне бы знатока народных рецептов из мёда и других продуктов пчеловодства.

– В смысле – пончики с плюшками? – прыснула дамочка за спиной.

– В смысле – лекарства, – надо стерпеть.

– Может, представитесь? – это снова кавказец.

– Конечно. Тишков Пётр Миронович. Я – Первый секретарь горкома КПСС. Ещё вы, наверное, слышали мои песни: «Миллион алых роз», «На недельку до второго я уеду в Комарово».

– Как же, как же. Наслышаны. Значит, рецептами снадобий интересуетесь? Разрешите отрекомендоваться и мне. Аветисян Гурген Арташесович – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой пчеловодства МСХА имени Тимирязева. А позвольте полюбопытствовать, от каких именно болезней вы собираетесь мёдом лечиться? – а очки заблестели! Неужели наткнулся на нужного человека?

– От туберкулёза.

– Интересненько! Интересненько. Сами что-то знаете, или вы неофит?

– Слышал про маточное молоко, пыльцу и экстракт личинки пчелиной моли.

– Пчелиной огнёвки. Интересненько. А ну выкладывайте, – и за ручку схватился, принялся колпачок откручивать. Ну надо же – «Паркер». Хотя профессор же – наверное, и за границами нашей великой Родины бывает. Симпозиумы

всякие.

– Так я, Гурген Арташесович, за знаниями приехал в такую даль, а не знаниями делиться.

Товарищ сник, но ненадолго.

– Человек, который знает о лечебных свойствах личинок пчелиной огнёвки, не может быть неофитом. Читали статьи основоположника микробиологии господина Мечникова?

Не читал. Так, интернет как-то просматривал, попалась реклама этого самого экстракта. Там ещё слово запомнилось – цераза. Фермент, который растворяет оболочку палочки Коха. Запомнилось потому, что похоже на слово «зараза». Хотел даже четверостишье написать – хорошо ведь рифмуется, но так и не собрался. А вот слово запомнил. Это сейчас и выложил.

– Интересненько! – «Паркер» летал по листку, – Знаете что, Пётр Миронович, а поехали сейчас ко мне на кафедру. Вы своими рецептами поделитесь, а я вам свои дам почитать. Взаимобогатимся. У меня под окнами машина, да тут и не очень далеко. Или спешите куда?

– Конечно, спешу, но рецепты важней. Поехали.

Событие сорок первое

Готовились. Не хотелось заметать следы таким радикальным способом, как пожар. Одного раза хватит – счастье, что соседи не пострадали. Купили в магазине новые шерстяные перчатки. Синие, красивые, даже жалко будет выбрасывать. Ещё на три часа дня заказали к подъезду грузовое такси. Никто в квартире дамочки не бывал, но, по словам Петуша, то бишь Макаревича, должны быть ценные картины. Картины – вещь громоздкая, в руках много не унесёшь. Хорошо им тут, в столице – в таксопарках есть не только простые «Волги», но и ГАЗ-53 – грузовое такси. Вот этот грузовичок и заказали. Переезжаем, мол, на дачу, в деревню Лыткарино. Сказали почти чистую правду: Пётр Миронович снял дачу на лето с последующим выкупом. Правда, в Переделкино. Снял у детей писателя Кнорре. Не того, что написал сценарий к фильму «Родная кровь» – его брата, Георгия Фёдоровича. Сыновья тоже не из простых – учёные, есть свои дачи, вот и решили пока сдать отцовскую, а осенью продать. Цена запредельна – двенадцать тысяч рублей. Но! Во-первых, такие деньги есть, а во-вторых, дача под Москвой всегда может пригодиться. У простого человека при покупке возникли бы проблемы – там ведь есть товарищество, и оно может и не разрешить продать в Переделкино дачу какому-нибудь слесарю Тимофеичу, но Пётр Миронович – член Союза Писате-

лей, да и министр культуры к нему неровно дышит. Разрешат покупку. Вот туда всё экспроприированное у гражданки Фаины Львовны Рукшиной-Дейч и перевезём, потом закажем контейнер до Карпинска. Да, вот это и называется: «делить шкуру неубитого медведя».

К двери квартиры подошли втроём. Марк Львович поступал по-хитрому – сначала пару раз по три стука, потом длительный перерыв, и один раз двойной. И тишина. Может, нет никого? Наконец раздалось:

– Кто там?

– Фаина Львовна! Это Марк Петуш. У меня для вас есть интересное колечко. Не пожалеете. И ещё иконы.

– Опять иконы? Ох и неугомонный ты, Марк, – дверь открылась, но осталась на цепочке.

– Вот, Фаина Львовна, полюбопытствуйте, – Марк Янович протянул в щель кольцо Пушкина.

Чем бы ни занималась дамочка в блокадном Ленинграде, но антиквар из неё вышел превосходный.

– Кольцо Пушкина? Однако! Не подделка? – цепочка звякнула, слетая, – Заходи, в микроскоп гляну.

Зашли – всей дружной компанией. Сунули женщине в рот кляп из приготовленного заранее вафельного полотенца и прикрыли дверь. Неожиданно дамочка оказалась сильной и вёрткой, почти вырвалась из «дружественных» объятий Кошкина и попыталась вытащить кляп. Пришлось тому ей руку взять на болевой – притихла, только мычала. А даль-

ше действовали по указанию Петра Мироновича – начитался иностранных детективов. Методы какие-то неоднозначные. Проклятые капиталисты, до чего только не додумаются, чтобы людям вредить.

Завели женщину в ванную комнату, да в эту самую ванну и положили, наполнили холодной водой и подержали пару минут. Потом достали вяло трепыхающуюся, раздели. Снова сунули в холодную воду. По окончании этого действия, голую и мокрую, прикрутили к массивному стулу по рукам и ногам. Стул хорош! Прямо трон. Нужно будет с собой забрать. Зачем такие изыски? А Пётр Миронович говорит, что голый и мокрый человек в разговоре с одетыми и вполне себе сухими легче идёт на контакт. А по-простому, честно рассказывает, где спрятаны ценности.

В это время Марк прошёлся по комнатам. Вернулся, уже когда «блокадницу» к стулу привязали.

– На стенах двадцать три картины. Я не великий знаток, но есть и Айвазовский, и даже Пикассо. Кроме картин есть также тарелки и кувшины этого художника – ну, или подделки под них, – Макаревич обошёл по кругу привязанную женщину, – Красивая ведь и умная, зачем же она меня сдала?

– Марк Янович, – Кошкин развернул директора колхоза и легонько подтолкнул к двери, – Снимай картины со стен и сортируй по размерам, а потом штук по пять зашивай в простыни или наволочки. Нечего тебе тут рассматривать. У тебя жена молодая – а тут почти старушка.

Если честно, то на старушку эта Фаина не сильно походила. Если в 1942-м ей было лет двадцать, то сейчас где-то сорок пять, выглядит же – лет на тридцать с хвостиком. Чёрные, чуть кудрявые волосы, правильные черты лица. Если и не красавица, то и не уродина. Сейчас, правда в мокром виде волосы сосульками свисают, но представить в красивом платье и жемчугах несложно.

– Фаина Львовна, мы к вам пришли справедливость восстановить. Мы – Робингуды. Где у вас лежат несправедливо нажитые сокровища? – Вадим достал из кармана мизерикордию и вплотную поднёс кончик к глазу, – Я сейчас кляп выну, но если будете кричать, то лишитесь одного глаза и вновь приобретёте кляп. Будете молчать? Кивните. Ну вот и прекрасно.

– Кто вы такие и что вам нужно? Вас ведь всё равно поймают, – не закричала. Зашипела.

– Милиция, – Вадим сунул ей под нос корочки.

Удостоверение было настоящим. С ним целая история вышла, и далеко не весёлая для Кошкина. Лет десять назад он был в командировке в Свердловске – повышение квалификации. Сдал экзамены и купил билет на поезд. Сел в вагон, выпил чайку и завалился спать. В Серове проводница разбудила, он сходил, умылся, а когда вернулся, обнаружил, что одного соседа нет, а с ним исчезли и форма, и чемоданчик. А ведь в кителе удостоверение, а в чемоданчике – табельное оружие. Бросился на перрон, но никого не нашёл.

Не уволили – начальник милиции Веряскин отстоял. Разжаловали в рядовые. Только к концу службы дорос вновь до старшинских «молотков», а год назад, при приёме очередного «постояльца» в ИВС, производил обыск гражданина и обнаружил у того в кармане своё старое удостоверение. Сдавать находку не стал – вдруг пригодится.

Вот сейчас, например – избавить гражданку Дейч от ненужных надежд.

– Милиция? В первый раз слышу, чтобы там купанием занимались, – пошутить решила. Ну, это от страха.

– Гражданка, рассказывайте, где у вас спрятаны деньги, а потом поговорим о методах борьбы с преступниками, – сделав как можно более деловую физиономию, вновь приблизил кончик лезвия к глазу Вадим.

– Нет у меня денег, – кончик мизерикордии практически коснулся глазного яблока, – В ванной есть вентиляционная труба, со стороны стены лючок. Да объясните же, кто вы такие?

– Сходи, Петро, проверь. Теперь рассказывайте, гражданка, где облигации.

Список возможных ценностей уже давно впечатался в сознание, хватило и работы по «раскулачиванию» Потапа.

Управились гораздо раньше трёх часов. Кроме картин в квартире оказались и три большие папки с карандашными и акварельными рисунками известных художников. В отдельных чемоданах были страшноватенькие поделки Пикассо и

очень немаленькое количество фарфоровых статуэток. Облигации, как всегда, двух видов. Целый чемодан – и времён войны, и выпущенных позже, уже при Хрущёве. Также и небольшая папка-скоросшиватель с новыми – ровно тысяча двадцатирублёвых. Денег тоже хватало. Разных. Разных-разных. Шестьдесят восемь тысяч обычными рублями образца 1961-го, в основном в виде сторублёвок и четвертных билетов. Были доллары – одна пачка сотенных купюр. Круто, как говорит Пётр Миронович. Были марки ФРГ, франки, около тысячи английских фунтов, даже итальянские лиры с каким-то бородатым дедушкой. 1000 лир одной бумажкой – и таких сто штук. Много ли это? Смеются ведь над лирами – вроде меньше нашей копейки.

В отдельном саквояжике лежали царские золотые монеты. Пётр слышал о золотом червонце – а вот, оказывается, есть и пять рублей, и пятнадцать. Даже семь рублей пятьдесят копеек. Попалась и вообще несуразная – 37 рублей 50 копеек, или 100 франков. Здоровущая монета! Одна так даже оторопь организовала. 15 русов. Сколько это? Монет было много, кило на десять. Саквояж Фаина выдала, рыча и матерясь, как последняя бандерша в Одессе. Находился он под досками пола на кухне, под газовой плитой. Всё как всегда. Стереотип мышления.

Ещё были ордена – даже Суворова и Кутузова первой степени, а ведь их только большим генералам давали. Хотелось спросить, откуда дровишки, но время поджимало. Что с юве-

лиркой – гораздо более важный вопрос. Оказалось, что нету. Так-то есть, но в квартире нету. На даче в погребке замурованы в стене подпола. А дача где? Рычала, но, когда один глаз всё же выкололи, изъявила желание остаться со вторым. Назвала адрес. Присматривает за дачей соседка, бабка – ветеран войны. Плохо.

Оружие? У женщины? Оказалось, есть. Более того, есть под рукой. В ящике письменного стола нашли – маленький револьверчик из золота, с барабаном на пять патронов и цветочками разными выгравированными. Рукоять из слоновой кости. Красиво! Сказала, что называется «Swamp Angel». Ангелочек, блин.

Смешно получилось с посудой и столовыми приборами. Ну, лежат в ящике стола ножи и вилки – так поди определи, что они серебряные и золотые. То же и со стоящими в серванте супницами и салатницами – все из серебра. Марк Янович почти случайно это открытие сделал – нужен был нож отрезать кусок от простыни, взял на кухне и выронил. Вот по звону и определил. Ювелир всё же – не пропьёшь, тем более что шурин и не пьёт.

Кольца и разные цепочки в квартире тоже нашлись, но немного. Очевидно, хозяйка сама в свет наряжалась. Ну, больше не будет. Утопили. И ни капли жалости. Сколько советских людей в Ленинграде обокрала, скольких их банда убила. Муж с братом своё получили, а эта гадюка ушла от возмездия. При отправке на Большую Землю колонну раз-

бомбили, и Дейч Фаина Львовна пешком по льду вернулась в город, отрыла захоронки и продолжила обирать умирающих от голода, только с двойной осторожностью.

С шофёром машины поступили некрасиво – только не было другого выхода. Видел в лицо при свете дня, и легко сможет опознать. Поэтому, как только выехали из Москвы, Вадим попросил остановить, мол, ну, в кустики прогуляться. Прогулялись вместе с шофёром, специально газировкой угостили. Там в кустиках Ваню хлороформом и усыпили (где-то добыл Тишков). Связали, закатали в ковёр и положили в кузов. После этого меняли маршрут – пусть ищут потом в этом Лыткарино. Доехали до Переделкино, разгрузились. Стол со стульями даже соседские пацаны помогали носить. Всё чин чином – переезд на лето. Машину отогнали до этого самого Лыткарино и бросили на просёлке. Шофёра Ваню из ковра извлекли, развязали и приладили на законное место к рулю. Спит. Проснётся – сюрприз будет. А сами стали попытки останавливать. Повезло – остановили рейсовый автобус пригородный. На нём до Москвы и доехали.

В это время Марк Янович в гостинице алиби, как мог, организовывал. В своём номере громко включил магнитофон и звенел посудой. Громко смеялся. Вдвоём с Кошкиным постарались, изобразив пьяных, проскользнуть незаметно, когда много народу входило. Может, и получилось.

Событие сорок второе

Домо-о-ой, домо-о-ой, домо-о-ой.

Там так сладко бьётся сердце северных гор,

Домо-о-ой.

Снова остаётся бесконечный простор за спиной.

Позади ночная брань чужих городов.

Дома красили траву в зелёный цвет. Почти шутка. Пётр ведь позвонил Романову и предупредил, что придет семейство Брежнева, правда, без главного «семьянина» – вот и развили бурную деятельность. Травы ещё нет, зато есть поребрики и тополя. Есть куда известь изводить. Ещё мели. Вот это правильно – после зимы полно мусора осталось, одних собачьих какашек – тонны. Белили бы и без Брежневых, всегда город прихорашивают к Первому Мая, но тут вдвойне.

Успел остановить одно действие. Проезжая мимо гостиницы «Турья», увидел, как разгружают краску и всякие известки. Рядом и председатель горисполкома горлом (не руками) руководил.

– Михаил Петрович! Рад тебя видеть живым и здоровым.

– Ну наконец-то ты вернулся! С ног после звонка из Москвы сбились.

– Михаил Петрович, а ты когда-нибудь ночевал в комнате, которую только окрасили? – Романов заозирался.

– Так ещё пять дней! Высохнет.

– Высохнет. Только запах останется. Ну и нельзя Брежневых селить в этот клоповник.

– Там нет клопов! Только что разговаривал с директором.

– А тараканы?

– И что делать? – Романов пнул ведро с цементом.

– Поселим у меня, а мне на пару дней подбери из тех квартир, что для капремонта держишь, – Пётр ещё в самолёте это обдумал. Брежневых, правда многовато, но ведь и квартира трёхкомнатная. Два-три дня потерпят друг друга – нужно только пару кроватей завезти.

Были минусы. Во-первых, в шкафах полно вещей – не перевозить же их. Во-вторых, мебель. Нет, Штелле не боялся, что дети поцарапают – да даже если и поцарапают, то одну-две детали можно и заменить. Боялся эффекта. В кухне встроенный гарнитур, опередивший время чуть не на полвека, с мойкой из нержавеющей стали, шаровыми кранами и отдельным краником для супер-пупер воды. Сначала она проходила через череду фильтров, обычных для XXI века – поролон, уголь активированный, шунгит. Еле достал. Пришлось отправлять директору БАЗа Кабанову человека в командировку в Петрозаводск, и дальше на север Онежского озера – к месторождению в селе Шуньга. Шунгит добывали, но кустарно, и совсем в незначительных количествах – так, для поделок. Привезли. Административный ресурс. И последний изыск – омагничивание воды.

В большой комнате – стенка в стиль кухонному гарнитуру. Вообще вынос мозга для современников. Плюс мягкий диван с огромной спинкой и подлокотниками, и в комплекте – два кресла с резным журнальным столиком из белой акации. И никаких круглых столов и стульев! Простор. На стенах ковры не висят – там добытые Мкртчяном итальянские обои с видами какого-то морского города. Кусочек моря, обвитые плющом дома, площадь с летним кафе. Красиво.

В бывшем кабинете (теперь спальне девочек) – похожий диван и убирающиеся в шкаф кровати. Вернее, не убирающиеся, а превращающиеся в переднюю зеркальную стенку. Всю голову сломал, пока начертил, а главное – понял принцип действия. В кино-то много раз видел, а как дошло до дела – начал тормозить. Особенно с ножками намучился, чтобы после подъёма-переворота они вписались в шкаф. Без левой с третьей зоны и не справился бы. Получилось даже круче, чем хотел – ещё и письменный стол к этому трансформеру присобачили, а ножки превратили в полочки. Можно книги ставить, если не лень их каждый вечер снимать. Есть где теперь наследницам уроки делать.

В третьей комнате – детская кроватка и тоже диван, плюс к потолку у двери присобачили люльку с длиннющими стропами. Юру укачивает в миг. В ванной и туалете тоже порезвились. Было обложено метлахской плиткой. Сдирать не стали – загрунтовали и нарисовали картины. В ванной оказываешься на дне морском, а в туалете – в лесу еловом (так ска-

зять, «присел под ёлкой»). Может и не Шишкин, но вполне. Сюжет сам рисовал карандашом, а доделывали преподаватели Художественного училища. Понятно, не бесплатно, но ведь есть деньги.

С этой своей новой способностью часто стал людей поражать. Наверное, можно и в художники пойти, уж точно не хуже Малевича. Как-то Пётр разговаривал об этом даре с Викой-Машей. Та тоже удивлялась открывшейся в ней способности восстановить по памяти любую мелодию, даже мельком слышанную. Это если и не ноутбук с тысячей песен, то и ненамного хуже – вместо одного рояля в кустах дали два баяна там же. Даже два с половиной. У Марии Нааб просто божественный голос – куда там всяким Нетребкам. Не колоратурное сопрано – всё же голос детский, зато очень красивый. А если к этому прибавить сорокалетний стаж работы на сцене... Если появится желание – запинаем под плинтус даже того Робертину Лоретти.

И вот в эту квартиру – «Галчонка» и её не по годам развитую дочку. Чем закончится? «Я, Вань такую же хочу». Да, ведь ещё и в прихожей порезвился – сбацал там шкаф-купе с зеркальной стенкой и скрытыми лампочками, зажигающимися при открывании двери, вернее, сдвигании. Разобрали гирлянду, и умельцы с завода чего-то на коленке спаяли. Если это не хайтек, то уж и непонятно, чего ещё нужно для проветривания мозгов хроноаборигенам. А дверь? Стальная, с глазком и интересными запорами, и тоже зеркальная внутри.

И когда успел всё переделать? Хотя ведь практически уже четыре месяца робинзоним. Или как это действие называется? Робинзон – робинзонил, а попаданец? Попаданил?

Одним словом, будет, полный попадос.

Обсудили с Викой-Машей культурную программу. Ну а почему бы во Дворце Metallургов не провести концерт? Третьего мая нет праздников? И четвёртого нет? Да фиолетово! Ну или вот повод: 7 мая – День Радио, а где родился изобретатель этого праздника? Ну да, только седьмого. Но если кто спросит, так и ответим: «Кто празднику рад – накануне пьян».

Посмотрели список новых песен. Негусто. Так понятно – всё было брошено на подготовку к праздникам и встрече с продюсерами. Всё удалось и всё получилось. Теперь можно приступать к плановой операции по уничтожению западной поп-культуры, и первым пунктом – смешать с землёй «Битлз». Пётр никогда битломаном не был – чуть позже родился. Другие были кумиры, так что операция отторжения не вызывала. Нужно занять место «Битлов» на Олимпе – ведь нет ни у кого сомнения в первенстве русских в балете, да и конкурс Чайковского регулярно поставляет на-гора гениев из СССР. Значит, тут можно, а песни нельзя? Умоетесь. Для того и забросили на пятьдесят лет назад. Сделать мир лучше! «Битлы», «Роллинги», «Квины» и прочие сделали его хуже – приучили к наркотикам, к беспорядочному сексу, и прочая, и прочая, и прочая. Они вирус. А мы – антибиотик.

В чатах всяких ругают авторов попаданческих романов, где ГГ ворует песни, и обсуждают, какую можно Нобелевскую премию залучить в свой удел. То есть воровать песни – плохо, воровать книги – нехорошо, зато, воровать научные достижения – благо? А в чём, пардоньте, разница? Взять того же Барри Маршалла. Всё та же Н. Pylori. После того, как эксперименты по заражению лабораторных свиней не удались, в 1984 году Маршалл сам выпил культуру бактерии, выделенную от больного, и вскоре у него развились симптомы гастрита с ахлоргидрией: желудочный дискомфорт, тошнота, рвота и специфический запах изо рта. Подвиг ведь! Так австралиец – можно и подвиг украсть. Уже и украли. Пусть умрёт здоровым нелауреатом.

Событие сорок третье

*Плохая примета – погасла сигарета,
Погасла сигарета у меня.
Я это понимаю и задний ход включаю,
Я знаю, нету дыма без огня!*

Навалились сложности сразу после празднования Перво-мая. Прямо вот второго и навалились. С подготовкой к визиту Брежневых и концерту с демонстрацией совсем от жизни оторвался. Вернули. Прикрепили.

Пётр сидел перед листком исчерпанной бумаги – сочинял песню «Привет», когда зазвонил телефон в прихожей. Как всегда. Сто, даже, может, и больше раз слышал, а вот бумага – и куча дыр вместо слов. Максим Леонидов выбрал настолько сложную систему рифмования строчек, что поневоле запутаешься.

Привет! Сегодня дождь и скверно,
А мы не виделись, наверно, сто лет.
В двух строчках два раза рифма. Вот как жить дальше?
Звонил из Свердловска начальник ГорОНО Трофим Ильич Сидоркин.

– 2 мая 1967 года состоялась XXXI традиционная легкоатлетическая эстафета на приз газеты «Уральский рабочий». В соревнованиях приняли участие 79 команд со всей Сверд-

ловской области. Студенты УПИ вернули себе первенство, команда «Спутника» перешла на вторую орбиту, третьими финишировала команда «Калининца», – голосом диктора на центральном телевидении прочитал главный горонист, потом сделал театральную паузу и провозгласил, – Среди школ первое место заняла команда школы номер 9 из города Красноурьинска. Ура, товарищи!

– Поздравляю, Трофим Ильич. Есть пожелания?

– Есть! Пётр Миронович, может, нам торжественную встречу организовать? Ну там, девочки в парадной форме, с белыми передниками и белыми бантами.

– Обязательно. И родители. Вы позвоните своим помощникам и директорам школ, пусть организуют, а транспорт и оркестр – за мной.

Чем не повод, чтобы оторваться от неберущегося стихотворения? Специально ведь Леонидов всё запутал – догадывался, что у него лучшую песню будут воровать. Стал звонить в ПАТО и дворец, организовывать. Почти закончил – осталось договориться с пельменной о торжественном завтраке, как тут позвонила Вика-Маша из дворца с репетиции.

– Пётр Миронович, я тут вспомнила об очень нужном нам человеке – это Александр Кальянов.

– И почему ты думаешь, что без него мы выйдем? Сколько ему лет-то?

– Я даже точно знаю день рождения. Можно сказать, что это мой крёстный отец. Первую песню я записала в день его

рождения у него в студии, в 1989 году. Он родился 26 августа 1947 года где-то в Брянской области – города, к сожалению, не запомнила, что-то труднопроизносимое. Выходит, ему скоро 20 лет. После школы он поступил в Таганрогский радиотехнический институт, там его легко можно найти. Отчество – Иванович.

– Студент? Не рано дёргать?

– Он нам тут студию звукозаписи наладит. Да и голос с очень необычным тембром – иногда такого очень не хватает. Ну, и должна же быть на свете справедливость! В той жизни он меня вытащил на Олимп, а в этой, получается, я его должна.

– Хорошо, Маша. Давай мы так поступим. Я Фурцевой позвоню, она твои данные проверит. Сейчас уже скоро сессия начнётся, не будем его дёргать, а вот как сдаст экзамены – попросим отправить его к нам на практику. Нормально так будет?

– Спасибо, Пётр Миронович, не пожалеете.

Пришлось звонить в Москву. Фурцева нашлась у себя на квартире, собиралась в Краснотурьинск.

– Пётр Миронович, это срочно? Или может подождать пару дней?

– Может и подождать.

– Всё, пока, скоро увидимся.

Опять сел за песню, но поработать не дали – позвонили из общежития техникума. Наталья опять подралась. Изби-

ла соседку. Пришлось одеваться и нестись в эту общагу. Зачем Первому секретарю горкома КПСС разнимать дерущихся студенток? Вопрос. Да потому, что эту самую Наталью он же и привёз из Москвы.

На следующий день после налёта на гнездо молдавских бандитов всё время не покидало чувство, что что-то важное забыл сделать – а в восемь вечера как «прояснило»! Девушка из столовой. Под осуждающие взгляды Вики и Тани оделся и дошёл. Прекрасная незнакомка всё так же насыпала алкашам пельмени.

– Девушка, мне две порции – и скажите, когда с вами можно поговорить, когда вы закрываетесь?

– Командировочный? На подвиги потянуло? Седина в бороду? А твоя бабушка если узнает? – и презрительный взгляд миндалевидных чёрных очей.

– Я – Тишков. Может, слышали песню «Снегири», или «Настоящий полковник»? – нет контакта! А ведь вполне новое тело в порядок привёл, родинку Франк срезал, волосы подстрижены, брови частично выщипаны. Не Ален Делон, но и не Бельмондо.

– А я – Софи Лорен. Будешь меня в кино звать сниматься?

– Ну чё там разболтались! Плати и уматывай, – простимулировали сзади страждущие.

Пришлось сесть за столик и сжевать пельмени. Хотел плюнуть. Так обидно! И девушка хороша. Без сомнения, Вертинская – красавица, более того, она замечательная актриса, но

вот эта «Софи Лорен» – лучше. И что делать?

В столовой стоял шум. Говорило одновременно десятка три человек, звякали стаканы и вилки, булькало разливаемое пиво, даже благородная отрывка изредка доносилась. Хотелось быстрее на свежий воздух. Прожевав последний расплывшийся пельмень, Штелле посидел минутку, выждал, когда к девушке подойдёт безобидный пенсионер, и протиснулся к прилавку.

– Вот паспорт. Читай. Тишков. В девять вечера жду в холле гостиницы «Россия». И да, буду снимать тебя в кино. Я женат и мне на интрижки времени не хватает. Надумаешь – приходи.

Женат? Жена его вселение в реципиента раскусила через неделю. Понятно же – другой человек. Вечером, когда Юрочка отрубился, а Вика с Таней угомонились, Лия села рядом на старый, ещё пружинный, диван и спросила:

– Петя, ты кто? Или ты не Петя? – и никаких слёз в глазах. Прокурорский взгляд.

Рано или поздно всё равно ведь начинать колотиться. Рассказал – почти чистую правду. Чуть-чуть сгладил острые углы. Настоящий Петя сидит глубоко в сознании, его очень трудно оттуда достать. На прямые вопросы не отвечает, но иногда в экстремальных ситуациях подсказывает.

Посидели, помолчали. Лия не плакала и теперь.

– И что там в будущем? Коммунизм?

– Там всё очень плохо. Страна развалилась на два десятка

государств, и эти осколки постоянно воюют между собой. Не все, но большая часть. Была война России с Грузией, сейчас идёт с Украиной.

– Сейчас? – недоуменный взгляд, и вот теперь слёзы.

– В 2020 году.

– А очереди? А продукты?

– Очереди только у посольств, из желающих покинуть страну. В магазинах есть всё, даже сто сортов колбасы.

– Как же так случилось? – вытерла глаза и почти зло посмотрела, – Как допустили? Что делала милиция? А КГБ?

– КГБ и разваливала Союз, – если верить интернету.

– Пора спать. Мне привыкнуть надо. Ты пока здесь поспи.

Через неделю привыкла. Перестала шмыгать носом, и даже сама убрала в гардероб простыни, что Пётр достал, собираясь вечером застелить диван. В общем, всё наладилось. Иногда просит рассказать о будущем, и не верит. Может, и не нужно. Вот уже Комарова спас, вчера вышла в «Правде» статья о разоблачении «Пулемётчицы». Антонина Макарова-Гинзбург приговорена к высшей мере. И описание её подвигов. И там же на странице – маленькая заметка: через неделю с визитом прибудет «команданте Че». Сработало письмо! И второе уже почти готово.

«Софи Лорен» пришла. Авантюристка! Вот теперь нужно расхлёбывать.

Событие сорок четвёртое

В прохладе ночного перрона, с букетом бордовых пионов,

Искал меня в окнах вагона ты.

*Разлука была очень долгой, когда после глупой
размолвки*

Сожгли за собою мы все мосты.

Песня в исполнении Лаймы Вайкуле прицепилась – недавно Вика напела. Петру не очень понравилось, да и раньше не слышал – но пусть будет. А вот сейчас прилепился первый куплет, не отгонишь. Стоял ведь на перроне станции Воронцовка и встречал Брежневых. Перрон был не ночной, утренний. Поезд прибывал в половине восьмого. И с бордовыми пионами в это время года беда. Был букет красных тюльпанов – да и разлука была не очень долгой, меньше двух недель прошло. Получается, что не к месту песня, а вот прилепилась.

Кто бы сомневался. В Свердловске для ВИП-персон прицепили к обычному зелёному поезду красный вагон СВ, и остановил его машинист прямо перед группой встречающих. Оказалось, что вагон-то и не зря – толпа народу. Если самих Брежневых всего семь человек, то эскорта – чуть не вдвое больше. Мелькнуло знакомое лицо Мариса Лиепы, танцор

поддерживал за локоток невысокую чернявую девушку.

– Это же Нина Тимофеева, – раздалось позади стоящего во главе группы встречающих Петра, и зашушукались. Штелле выделил только слово «балерина». Значит, Марис, как и заказывали, привёз партнёршу и сольный концерт даст. Молодец. Уважуха.

Пара человек в коричневых плащах явно были конторские – можно легко определить по бегающим глазам. Бдят! А вот ещё двое – эти сразу ломанулись на фланги. Интересно, а если Брежневы будут в его квартире, где разместится эта четвёрка? В подъезде?

Следом на перрон спустился мужчина и подал руку довольно высокой шатенке с причёской под Мирей Матьё – хотя та только начинает блистать, к тому же эта дива была явно красивее. Модель? Твою ж! Это они Збарскую ведь привезли. Как там про неё напишут, а может уже написали западные газеты, «самое красивое оружие Кремля». И надо понимать, мужчина рядом с ней – прославленный (в будущем) Александр Данилович Игманд. Так сказать, личный модельер Брежнева, да и всего политбюро. Пётр в детстве видел фото Регины в журналах мод, а когда собирал материал для книги, ознакомился и с биографиями этих персонажей. Збарская через пару месяцев забеременеет, но делает аборт. Лев Збарский, муж советской Софи Лорен и по совместительству художник, не хотел детей. Регина решилась на аборт, после чего пыталась подавить чувство вины

антидепрессантами. В результате угодит в психбольницу. И вот какого чёрта? Пётр тогда посмотрел в интернете картины этого художника. Рисовал, нет, пардон, писал тот хроново – что-то под Пикассо, вот только без таланта. При этом был страшно модным и спал с тремя супердивами того времени – Збарской, Марианной Вертинской и Максаковой. Да ещё при этом почти урод. Не понять женщин! Через шесть лет сбежит в Израиль, а потом в Америку. Может, ему ноги переломать, чтобы не бегал за девками да по заграницам? Пусть сидит в инвалидном кресле и творит нетленки. Подумать надо.

Последними из вагона важно промаршировали на перрон четверо военных. Два генерала. Тяжело спутать – лампы демаскируют. В плащах, белых шарфиках и высоченных серых фуражках с красными тульями в венках. С ними полковник и капитан. Что ж, заказывал ведь – может, и получится втюхать им новую форму. Чем они с Викторией хуже Валентина Юдашкина? Возьмём лучшее у него, вспомним старую афганку, видели в кино и форму всяких соборов в разгрузках. Точнее, взяли – три различных комплекта уже висят в швейном ателье на Ленина. Вон капитан как раз подходящего роста и фактуры, а генералы мелковаты. А полковник толстоват.

Хотя, ведь нет, не последними – вон и Фурцева с чемоданом. А то, блин, дискомфорт какой-то – словно без руки. Во как привык.

– Товарищи! Загружаемся все в синий автобус, – услышал Пётр команду Романова. Молодец мэр. В отличие от предававшегося мечтам и воспоминаниям Петра, бдит на посту.

План на день сверстали так: первым делом везём всех в гостиницу «Турья». Пока весь остальной народ размещается и умывается с дороги, Брежневых отвозим на квартиру. Затем два отдельных завтрака. Небожителей решили побаловать. Когда обсуждали, чем кормить необычных гостей, идею подал директор завода Кабанов.

– У меня в столовой в электролизном цехе женщины делают просто бесподобные рыбные пироги. Все лучшие рестораны мира позакрывались бы, если бы их шеф-поварам дали нашу стряпню попробовать.

– Хорошо, на завтрак будут пироги. Что на обед?

– Можно мне? – Марк Янович всё ещё блистал жёлтым синяком на скуле. – У меня жена готовит просто волшебный плов. Я за заканчивающуюся свою жизнь много где бывал, едал блюда разных шеф этих самых поваров. Но все те сациви с чахохбиями и прочими антрекотами и рядом не лежали с пловом, что делает Наргиз! И Гульнара поможет.

Повезло бывшим зекам – у Петра вот жена ничем не блистает. Стоп! А ведь Мкртчян прислал посылку с продуктами недавно, и там есть консервированные ананасы. Нужно будет отдать в ту же самую заводскую столовую, и пусть приготовят курицу с ананасами. Чем плохой ужин?

Одним словом, план кормления был. После завтрака всех

везём в ателье. С семейства надо мерки снимать, с генералов – пылинки сдувать, а с модельеров – спесь сбивать. До обеда и загружены все, потом – сон и отдых. Вечером – ещё одна примерка, ужин и концерт. Скучно не будет.

– Виктория Петровна, разрешите вам преподнести этот скромный букет, – сунул цветы бабушке и был расцелован, а Романов даже удостоился обнимашек с «Галчонком». Несправедливо.

Событие сорок пятое

На чужую кучу нечего глаза пучить.

Звонок телефона достал в ванной. Вымотался за день так, что еле до этой самой ванной и дополз. Включил воду, еле отрегулировал, чтобы не кипяток, но и не «тёпленькая пошла». Привык к шаровым кранам и смесителям. Под шум воды почти задремал. И тут:

– Пап, тебя к телефону. Из Москвы. Армянин какой-то. Твою ж!

– Скажи, что через пару минут, – просто так ведь армяне из Москвы не звонят. Назревает очередная проблема?

Вот спрашивается, какого чёрта он лезет во все дырки? Мог ведь спокойно писать книги, уволиться и жить припеваючи. Одного Свердловского клада бы хватило. Нет! Вон Брежневых притащил, и все одеяла, которые плохо лежали, на себя натянул. А ведь сколько ещё натянет! Теперь давать задний не получится. Уже в водовороте. Когда был пацаном, довольно часто болел, и всё время задавал себе вопрос: «почему я»? Нет ответа. А сейчас? Можно по-другому? Нет ответа.

Вылез, обтёрся, надел халат и вышел в коридор. Маленькая, чужая двухкомнатная квартира. И в ней три дня жить? Нужно строить дом!

– Алло. Тишков слушает, – телефона во временном жилье не было. Бросили времянку от рабочего – потому, наверное, и дозвонились. Уж больно многим этот номер теперь известен.

– Пётр Миронович, это профессор Аветисян Гурген Арташесович. Не забыли ещё? – с чего бы. Столько совместных планов напридумывали.

– Что-то случилось, Гурген Арташесович? Рад вас слышать.

– У меня всё в порядке. Работаю над осуществлением наших планов. Тут другое, – на том конце замялись.

– Я внимательно слушаю, – поторопил Пётр. Не хватало сейчас ещё и в молчанку играть.

– Пётр Миронович, вы вскользь упомянули, что со всей области, да даже и с соседней переманиваете к себе пчеловодов.

– Точно. Простым почкованием долго получится. Не доживу, – попытался шуткой подбодрить учёного.

– Ага, почкование... У меня знакомый есть. Как-то завязалась переписка, вживую не видел никогда. Он живёт в Курганской области, село Глубокое. Это недалеко от Шадринска. Зовут пчеловода Фёдор Тютин. Он инвалид войны, вместо левой ноги протез. Как с фронта вернулся в 44-м, так пчёлами и занимается. В этом же селе есть у него два друга, оба инвалиды войны. У одного руки нет, второй после контузии оглох, – опять пауза.

– Им нужно чем-то помочь? – блин, ну чего тянет? Холодно с босыми мокрыми ногами стоять в коридоре.

– Тут такое дело, Пётр Миронович. У них выбрали нового председателя. Чуть вперёд забежал. Все трое на пенсии по инвалидности и в колхозе не работают – живут на пенсию, да пчёлки ещё подкармливают. Так вот, новый председатель поставил им условие, чтоб они вместе со всеми ульями вступали в колхоз – а у инвалидов на троих почти триста семей пчёл. Как вам? Тютин и другие ветераны отказались – тогда этот председатель пригрозил, что не разрешит ставить ульи на колхозных землях, а в округе все земли – колхозные! Вот позвонил мне Фёдор и просит помочь. Вы ведь там недалеко. Может, уговорите, так сказать, «артель инвалидов» к вам перебраться? Или на председателя этого повлияете, – опять молчание, – Вот такая у меня необычная просьба в неурочное время. Дело в том, что если перевозить пчёл, то это надо делать прямо завтра. У них со дня на день очистительный облёт начнётся, пчёлкам кишечник нужно освободить. Как температура выше 15 градусов поднимется – поздно будет перевозить.

– Нда. Задача! Триста ульев – это замечательно. Так ведь эти люди и у меня не захотят вступать в колхоз. Что же мне делать? – стал незаметно для себя вслух размышлять.

– А вы, Пётр Миронович, предложите им жить своей артелью, а мёд и другие продукты просто сдавать частично в колхоз. Они такое предложение сделали председателю, а тот

упёрся. Как посетовал Тютин: «В герои на их горбу метит». Так поможете?

– Услышал я вас, Гурген Арташесович. Завтра с утра займусь. От такого подарка только дурак откажется. Спасибо, что позвонили!

– Фу, прямо гора с плеч. Верю, у вас всё получится. Да, Пётр Миронович! Я тут успел связаться с двумя народными целителями. Обещали выделить вам немного снадобья, полученного из личинок пчелиной огнёвки. Я им ваш телефон и адрес продиктовал, так что ждите звонков. Ну, не буду больше мешать. До свидания.

Гудки. Вот ведь энтузиасты! Взвалил чуть ли не среди ночи очень малоподъёмную гору проблем и откланялся. Триста ульев. Это в вагон-то влезет? Или до этого Шадринска гнать два вагона? А размещать людей где? Три дома срочно строить. Пётр набрал номер.

– Марк Янович! Завтра собирайтесь в Курганскую область. Нужно за пару дней перевезти сюда триста ульев и три семьи. Все инвалиды, ветераны войны. Подходите ко мне в кабинет к семи утра. Логистикой будем заниматься, – ну вот, даже полегчало. Пусть ночью не у него одного голова пухнет от неразрешимых задач.

Интермеццо 3

Звонок застал Леонида Ильича тоже в ванной. Он почти не пил на устроенном областным руководством торжественном ужине. Зол был. На кого? Да поди разберись. На начальника цеха на Уралмаше? Не по чину. На директора завода? Опять нет. На себя! Выходит, что неправильно страной руководит. План превыше всего. А люди? Даже не на втором месте. Оборона, космос, соревнование с Америкой. Это важно. Люди лишь позволяют не проиграть в этой гонке. Не до них.

И открыл глаза опять этот поэт. На даче зашёл разговор о театре. Суть не запомнилась. Марис тогда сказал: «театр начинается с вешалки», а Пётр продолжил мысль: «а любое предприятие – с туалета». Посмеялись. И вот ведут их по одному из цехов завода. Все восторгаются. Громадина! И действительно – потрясает. И тут эта фраза всплывает.

– Проводите меня в цеховой туалет.

– Леонид Ильич, на втором этаже есть столовая с туалетом, пора ведь и отобедать, – Малофеев Павел Родионович, директор завода, и к тому же кандидат в члены ЦК КПСС, как-то в лице чуть переменялся.

Брежнев заметил и повторил.

– Проводите меня в цеховой туалет.

Провели. Вонь! От хлорки глаза щиплет. Плитка на стенах и на полу частично отсутствует. И на полу в этих выбо-

инах жидкость подозрительного цвета. Всё ржавое, всё в похабных надписях. Бачки с использованными по непрямому назначению газетами переполнены. Эти обрывки и на полу валяются.

– Уборщица второй день болеет, – проблеял кто-то за спиной.

– Выздоровеет? – спросил, прикрыв дверь, но не обернувшись.

Молчат. Пыхтят.

– Павел Родионович, проследите, чтобы неделю в этом туалете наводил порядок лично начальник цеха. Проверю. А что сейчас – пойдём водку пить? Может лучше по нужникам в соседние цеха и участки прогуляться? Запишите. Выговор директору завода с занесением в личное дело. И проработайте вопрос на партийном собрании. У вас на заводе люди работают или свиньи?

Уехали на Уральский электромеханический завод, так и не пообедав. Это предприятие было другим – всё же база по выпуску аппаратуры для оснащения ядерных боеприпасов. А вот туалеты немногим лучше – разве что бумажки не валяются на полу.

– Пап! Алло! Ты меня слышишь? – надрывалась трубка в руке.

– Да, Галчонок, извини. Что-то случилось? – тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания.

– Пап, тебе нужно обязательно приехать в Красноту-

рынск.

– В чем дело? Вас плохо встретили?

– Да наоборот. Чересчур хорошо! Так не бывает. Тебе нужно обязательно увидеть квартиру Петра, – захлёбываясь от волнения, выпалила дочь.

– Не могу. Завтра в Нижний Тагил, а утром в Москву. День Победы на носу, нужно быть в Кремле. Делегации ведь со всего мира понаедут.

– Жаль. Это стоит увидеть. Словно в сказку попали.

– Галя, ты скажи ребятам из «девятки», пусть сфотографируют. С мамой всё в порядке, с мальчиками?

– Сфотографировать можно. Понять нельзя. Фантастика какая-то. Да, все здоровы. Ладно, до встречи. Целую.

Опять Пётр. Не слишком ли часто? В Москву забрать?

Событие сорок шестое

На ошибках мучатся.

– Пётр Миронович, беда!

Было часа три дня. Брежневовы отдыхали после последней примерки и сытного обеда. Потом в свою же одежду не влезут – так их за два дня раскормили.

Опять звонил из Свердловска заведующий ГорОНО Трофим Ильич Сидоркин. Пётр этого звонка ждал – но с победными реляциями, а не с криком «беда».

– Что-то случилось с детьми?

– Нет. С детьми всё в порядке, сейчас на экскурсии в зоопарке. С учителями, конечно. Они молодцы! Все первые места во всех возрастных категориях, кроме французского языка и английского – там только вторые и третьи. Даже математиков из спецшкол посрамили.

– Ну не тяните! Что случилось-то? Какая беда?

– Заведующий ОблОНО Барсуков Иван Иванович не подписал результаты областной олимпиады. Кричал на меня, что мы где-то достали задания и прорешали их с учениками.

– А вы? – можно ведь было ожидать недоверия, но крика.

– Я предложил дать детям другие задания.

– И что, сердце успокоилось?

Что за страна-то такая! Чужой успех у людей не радость

вызывает, а желание нагадить этому человеку. Не просто зависть, а прямо отторжение и неприятие. Стаханову тонны приписывали. Все Герои Соцтруда поставлены в исключительные условия. Все изобретения украдены КГБшниками у американцев и по спискам выдаются советским горе-учёным. Да даже если частичка правды и есть во всех этих потоках чёрной зависти, то почему эти люди не спросят себя, почему решили помогать не им? Значит, чем-то отличается «счастливчик» от тебя, грешного. Может, трудолюбием? Может, в детстве не в лапту гонял дни напролёт, а уроки делал, книжки читал? А если гонял в лапту, то не во дворе, а в секции под бдительным оком хорошего тренера?

– Пока ничем. Сидят, совещаются. Меня выгнали.

– Трофим Ильич, а вы можете мне дать телефон, по которому я сейчас могу дозвониться до товарища Барсукова? – что ж, придётся использовать заработанный недосыпаниями и вечной гонкой авторитет.

– Нет. Сейчас спрошу у секретаря. Комиссия в учительской девятой школы. Ага! Записывайте.

Прежде чем попросить телефонистку соединить его с этой самой «учительской», составил план и решил зайти с самых больших козырей. Нету времени на уговоры – сейчас уже Брежневы проснутся, и нужно будет везти их в ателье, а потом на концерт Мариса Лиепы и народной артистки РСФСР, примы Большого театра Нины Тимофеевой. Потом быстрый перекус и поезд. Дожить бы.

– Алло, Иван Иванович?

– Слушаю, – буркнули в трубку. Отрывают товарища от важных дел.

– Тогда слушайте. Сам бы приехал и объяснил вам про «презумпцию невиновности», но вы, наверное, знаете, что сейчас у меня гостит семейство Брежневых. Не могу их бросить. Или, может, посетовать: приходится ехать в Свердловск биться за правду, а потому покидаю их? Сами тут походите по городу, на памятники посмотрите... – и замолчал.

Там тоже молчали. Долго. Взвешивали предложение? Вряд ли. Ворочали ставшими вдруг скрипучими мозгами, как выйти сухим из воды? Да тоже сомнительно. Просто тупо паниковали. Да, нет уже Сталина с его репрессивным аппаратом. Нет холерика Хрущёва с непредсказуемыми решениями. Но человек старой закалки, даже если он трижды орденносец и в целом за собой грехов не чувствует, власть боится и ничего хорошего от неё не ждёт.

– Товарищ Первый секретарь...

– Давайте по-простому. Пётр Миронович.

– Товарищ Первый секретарь, Пётр Миронович. Ну ведь не может быть, чтобы все первые места ни с того, ни с сего заняли ученики именно из вашего города, – ух ты! Смелый.

– Давайте, товарищ Барсуков, мы поступим так. Дети завтра будут в городе. Пусть ваша комиссия, состоящая из лучших учителей по всем предметам, приедет вместе с ними. Здесь они выдадут детям другие задания. Объясним им, что

это просто этап подготовки к республиканской олимпиаде. Зачем детей вашим пустым недоверием травмировать? Затем учителя проверят задания, убедятся, что всё честно, но не уедут посрамлённые домой, а будут до самого отъезда детей в Москву готовить их к этой олимпиаде. Среди наших учителей, к сожалению, нет тех, кто уже бывал на республиканских олимпиадах. Ни порядков не знают, ни примерных заданий. Вот ваша комиссия и поможет детям занять призовые места в Москве, и Свердловская область в вашем лице прославится. Договорились? А то вон жена Леонида Ильича уже к телефону рвётся, хмурится на меня, – это, конечно было неправдой – Виктория Петровна в квартире, а он в своём кабинете, но ведь не по скайпу общались.

– Дого... вори... лись, – ну вот, теперь вместо врага – соратник, который будет землю грызть. Без всякого сомнения, сам приедет. Неправ Карнеги. Лучшие друзья получаются не тогда, когда подаришь марок, от конвертов отслонявленных, а когда цель одна, и ответственность общая. Как там у Ильи Кормильцева из «Наутилуса»:

Скованные одной цепью,
Связанные одной целью.

А чего у них украсть можно? У этого не жалко. Фашист и русофоб, один из тех, кто помогал разваливать страну. Свободы им не хватало! Свободы пропаганды наркотиков и рас-

пространения порнографии? Где этот восьмилетний мальчик? Может, надо его высечь, пока поперёк лавки лежит?

Событие сорок седьмое

– Сегодня я видел странный сон: красный круг, а в нём белый прямоугольник... Когда проснулся – я осознал, что это был мне знак!

Пётр волновался как мальчишка. Это первый в стране парад, на котором пройдёт «Бессмертный полк». Пройдёт, опережая время лет на тридцать-сорок. Нельзя сплеховать. Нельзя превратить в обычную демонстрацию, на которую палкой загоняют, списки составляют и галочки ставят. Нельзя! Должен быть порыв. Должен быть праздник. А потому начал готовиться за месяц. Ну вот, месяц прошёл – посмотрим на результат.

Нужен был запрос снизу. Да сложно, что ли? Вызвал Каёту Григория Максимовича – комсомольского вожака.

– Гриша! Сон тут мне приснился. Идёт демонстрация, а в ней только ветераны войны, все в орденах и медалях. Проснулся утром и подумал – а почему бы не провести такой «Парад Победителей»? – внимательно наблюдал за комсомольцем.

Сначала сверкнули глаза, но потом тень набежала.

– А что скажут в обкоме? – у, перестраховщик.

– Молодцы, скажут. Похвалят за инициативу. Только ведь дураков везде полно – может один и там окопаться, а потому

мы с тобой поступим хитрее. Нужно найти бойкую девочку, у которой оба дедушки погибли на войне. Пусть она напишет письмо в редакцию «Зари Урала» и предложит 9 мая проводить этот самый «Парад Победителей».

– Всё понятно, Пётр Миронович. Сделаем. Найдём. Напишет, – уже даже подскочил со стула.

– Да, подожди ты, Гриша. Не пожар. Во-первых, одного письма мало. Нужно, чтобы откликнулись, тоже в письмах в редакцию, и ветераны, и рабочие коллективы. Да и письмо от горкома комсомола не помешает, что, мол, комсомольцы поддерживают инициативу этой девочки. Это – во-первых.

А вот теперь – во-вторых, и в главных. На войне погибло более двадцати миллионов наших граждан. В каждой семье есть погибший – и почти у всех есть фотографии. Я договорюсь с фотоателе, они эти снимки увеличат и сделают на плотной бумаге. Дальше нужно будет приклеить очень аккуратно этот портрет к фанерке, а к фанерке ещё и небольшую палку приделать. Это, я думаю, сделает ДОК. Только вот и ателье, и ДОКу нужно отчитаться за материалы. Нужно собрать немного денег. Вся сложность именно в деньгах – всё должно быть ясно и прозрачно, каждая копейка на учёте. Каждая бумажка подшита. А то ведь обвинят, что деньги украли у народа.

– Сволочи! – свёл брови Каёта, – Неужели в нашей стране найдутся такие люди?

– Уж поверь! Только ты меня не дослушал. После ветера-

нов пойдут на параде дети с этими фотографиями. Назовём это – «Бессмертный полк». Корреспондентов областной газеты я беру на себя. Кроме того, позову и Рымаренко – пусть на плёнку снимет. Может, и по центральному телевидению покажут. Вот теперь можешь бежать. Всего месяц остался. Только про борьбу с курением не забывайте, а то бросите хорошее дело, не доведя до победы. Это как если бы Красная армия в Лейпциге остановилась и не пошла на Берлин.

– Обижаете, Пётр Миронович, план разработан и утверждён. Еженедельный отчёт у меня на планёрке. Наступаем на Берлин.

Без Вики бы со второй частью плана не справился. Нужна песня. Десяток раз слышал, и как всегда, только взял ручку в руку – и одни дыры вместо строк. Маша посмотрела и засмеялась.

– Это уже не плагиат. Это – компилят. У вас тут две песни. Одна, точно знаю, называется: «Марш Бессмертного полка», и написана Максимом Дунаевским. Автора второй не знаю, а вот песню хоть сейчас спою. Разучивала. Там только есть для нашего времени в припеве спорная вещь. «Спускается с небес Бессмертный полк». Боюсь, наверху, – Цыганова ткнула пальцем в потолок, – могут не понять.

Отдаёт свои страницы календарь,
К нам погибшие герои не вернутся.
Только радостью сменяется печаль —
Люди, слышите!?! Сердца их снова бьются!

Наши прадеды и деды в этот день, чеканя шаг,
Поднимают над Землёй Победы флаг!
Сквозь года мы снова слышим стук сапог:
К нам спускается с небес Бессмертный полк.

Бессмертный полк на улицах страны,
Вновь оживают лица на портретах.
Ценой их жизнью нам достался праздник солнца и
весны —
День Памяти, День Мира, День Победы!

Будем подвиги героев свято чтить,
Пусть ни ты, ни я в землянках с ними не был.
Чтобы цену той победы не забыть,
Поклонитесь до земли сошедшим с неба!

Наши прадеды и деды в этот день, чеканя шаг,
Поднимают над Землёй Победы флаг!
Сквозь года мы снова слышим стук сапог:
К нам спускается с небес Бессмертный полк.

Бессмертный полк на улицах страны,
Вновь оживают лица на портретах.
Ценой их жизнью нам достался праздник солнца и
весны —
День Памяти, День Мира, День Победы!

Втору песню Дунаевского вымучивали целую неделю. Не

зря. Вещь.

Услышь меня из глубины времён,
Ты мой родной, мой легендарный прадед!
И с высоты, на мир спасенный глядя,
Найди себя среди других имён.
Я с гордостью встаю в Бессмертный полк,
Ведь память о тебе для сердца свята,
И помнить подвиг каждого солдата
Для правнуков Победы – высший долг!

Бессмертный полк – ты будешь жить веками!
Бессмертный полк – Победы нашей пламя!
Бессмертный полк – бессмертный рядом с нами!
Бессмертный полк! Бессмертный полк!
Бессмертный полк!
Пусть встанет в строй народ моей страны,
Пусть помнят села, города, станицы
Своих героев праведные лица,
Великого достоинства полны.
Чтоб слава их пережила века,
Чтоб помнили об этом наши дети,
Чтоб знали цену той святой Победе, —
Вставай в ряды Бессмертного полка!

Разучили, записали.

Всего же песен получилось три. Уже записав эти две, поняли, что по времени коротковато – не укладываемся в показ

демонстрации. Пришлось вспоминать и песню Газманова – всё тот же бессмертный полк. Там тоже спорные строчки про иконы – ох, влетит! И вот сейчас по площади шли ветераны, шли дети с портретами, да и взрослые тоже. Звучали песни из репродукторов. Дураков бояться – в лес не ходить. Если, что – вправим мозги.

Событие сорок восьмое

Что нужно для того, чтобы построить алюминиевый завод? Много чего. Определить место. В этом месте именно для производства алюминия нужно присутствие кое-каких ресурсов – в первую очередь сырья. Для производства алюминия необходим боксит. Он есть в 120 километрах – неблизко. Потребуется огромное количество вагонов, чтобы два миллиона тонн боксита ежегодно переправлять по железной дороге из Североуральска в Краснотурьинск. Но ведь у нас плановая экономика – спланирует Госплан и построят вагоны. Почему нельзя строить завод прямо в Североуральске? Конечно, нельзя – там нет двух других ресурсов. Нет электроэнергии, и рядом даже нет. Нужно гнать ветку высоковольтной линии от Свердловска. Дорого, далеко, потери при прохождении этих шестисот километров. Самое интересное, что в Краснотурьинске та же история – ну разве что плечо покороче на сто километров.

Второй ресурс – уголь, ведь нужно произвести острый пар. Огромные давления и огромная температура нужны. Есть ли этот ресурс в Краснотурьинске? Очень сложно ответить. Вроде бы и есть, но в Карпинске и Волчанске – один чёрт придётся вагонами возить. Да и уголь плохой. Очень плохой – бурый, зольный. А самое плохое, что его там немного. Значит, чтобы обеспечить новый завод паром, нужно в

двадцати километрах построить город, в тридцати – ещё один, и опять возить вагонами плохой уголь. Спорное решение. Почему тогда не построить завод прямо в Карпинске или Волчанске? Там и до Североуральска ближе. Но нет – выбран Красноуральск.

Может быть, там есть ещё один необходимый ресурс – кадры? Нет. Начинали пускать завод эвакуированные из Запорожья и Волхова с Тихвином специалисты, плюс не так далеко Каменск-Уральский. Можно на пуск и оттуда людей прислать, а потом строить техникум и училище для воспитания своих кадров. А потом ещё и институт. Тогда, наверное, есть избыточные трудовые ресурсы? Есть люди, которым негде работать? И опять в молоко. Людей завозили со всей страны.

Ещё есть один немаловажный аспект: при производстве глинозёма нужно приличное количество воды. Есть эта вода? Опять нет. Пришлось построить два огромных водохранилища – и один чёрт, в жаркое сухое лето (вот ведь пародокс – бывают на Северном Урале такие) с водой проблема. А ещё ведь семьдесят тысяч населения хотят пить и купаться, стирать вещи, поливать настурции на подоконнике. И опять проблема – не справляется мелкая горная речушка Турья. Турья – название мансийское, образованное из двух частей: «тур-» – озеро, «-я» – река. Только вот вытекает речушка из болота и питается в основном дождями и талым снегом, который к середине лета даже в горах растаял. По-

лучается, что даже этого ресурса нет.

Вывод? Алюминиевый завод построили в Краснотурьинске, просто ткнув пальцем в карту. Хорошо, была война, не до логистических исследований – главное, подальше в леса. Но это во время войны. Сейчас нет. Тем не менее, принимается решение строить в Краснотурьинске второй глинозёмный цех – и это не просто расширение завода. Это, по сути, строительство ещё одного, и с теми же логистическими ляпами. Нет воды, нет угля, нет бокситов. Еле-еле всего этого хватает на уже существующее производство – а вот решение принимают. А ведь скоро кончится уголь, пусть и плохой – и практически вымрут города Карпинск и Волчанск. Придётся тащить воду по трубам из других рек, везти бокситы из-за границы и со всяких Тиманов, а под эти бокситы нужны другие технологии.

Врут всё про преимущества плановой экономики. Там планируют люди, и эти люди не гении. И у них нет компьютеров, даже карт-то хороших – и тех нет. Специалистов нет. Одни чернильницы-непроливайки в век шариковых ручек. И кульманы – это во времена, когда американец Стив Джобс и его школьный приятель Возняк с тем же именем в гараже на коленке делают первый массовый компьютер.

А если смотреть на эти ошибки с точки зрения жителя города? Под строительство второго глинозёмного выделили огромное количество денег. Построили сам цех. Потом всё пустят на металлолом, прибыль принесут Дерипаске. Но –

построят Заречный район. По существу, это целый город, с благоприятной розой ветров. Построят институт. Да много чего построят. Спасибо Госплану за ошибку.

Один минус. Когда закроют сначала электролизное производство, потом производство алюминиевого порошка, свернут практически до нуля строительство – станет кисло. Десятки тысяч людей останутся без работы, ведь в таком городе не нужен и кирпичный завод, не нужен завод железобетонных изделий. Некому дотировать садики и спортивные объекты. Всё хреново – только прямые дотации из госбюджета. На поддержание штанов, но никак не на развитие.

Ещё один вывод: нужно строить в городе предприятия с минимальным количеством потребляемого сырья, с огромным спросом на эту продукцию сейчас, и с таким же спросом в будущем. И ещё один: нельзя строить моногорода. А значит, этих дополнительных производств должно быть несколько.

Сидели с Сороками и пытались довести эти выводы – пока только на бумаге – до Косыгина. При этом Пётр и словом не обмолвился о втором глинозёмном. Пусть Госплан ошибётся – построит и Заречный район, и институт, и школы с садиками, и бассейн, и т. д, и т. п. Но пусть построит и заводик по сборке мотороллеров, а потом чуть его расширит – до производства хотя бы трети деталей самостоятельно. Пусть построит заводик по отвёрточной сборке автомобилей – на месте только кузова штамповать и свинчивать. Пусть построят

большой противотуберкулёзный санаторий союзного уровня, а в перспективе – и институтик маленький по изучению этой проклятой палочки Коха и методов борьбы с нею. Кому будет плохо? И деньги-то нужны небольшие. Десяток ненужных танков столько стоит – а их десятки тысяч.

Сороки оказались и впрямь монстрами и специалистами. Раздолбали в пух и прах его кустарщину и объяснили, что так машину не построить – нужно всё считать. Это не костюм сшить. Кузов – это не пиджак. Иногда Петру хотелось выгнать их. Легко критиковать! Построит. И эти «Волги» поедут. И не хуже получатся. Две! Три! А себестоимость? А кому они нужны тогда будут? Сволочи. Впрочем, как и все сороки. Лишь бы стрекотать противно.

Тринадцатого мая завершили сорочинскую ярмарку, и те убыли в столицу – «получать замечания» от министра Тарасова. Да и пусть творят что хотят, он своё дело сделал. И, наверное, опыт сей подтвердил мнение, что эту страну с такой экономикой не нужно спасать, да и невозможно.

Глава 8

Событие сорок девятое

Ничто не даётся нам так дёшево, как хочется.

– Пётр Миронович, теперь точно беда.

Перед этим привычным криком души раздался звонок телефона и скучный женский голос сообщил – сейчас будете разговаривать с Москвой. Пока ждал разговора, соображал, кто это может быть в пять вечера. Тарасову рано – Сороки ещё не доехали. Фурцевой ничего не должен. Смирнова?

– Алло. Пётр Миронович!

– Слушаю, Трофим Ильич, – вот это кого нелёгкая занесла! Точно ведь, в Москве сейчас три часа дня, и подвели итоги республиканских олимпиад. Что ж, пора пожинать плоды.

– Пётр Миронович, теперь точно беда, – чуть не всхлипли на той стороне, – Опять не верят. Опять меня выгнали, да и Барсукова Иван Ивановича тоже. Ребята заняли четыре первых места, два вторых и три третьих. Только по математике и английскому нет призовых мест. Не верят! Говорят, знали вопросы. Что делать?

– Трофим Ильич, вы же не знали вопросов. Дети сами всё написали. Будет проверка – ещё раз напишут. Чего вы вол-

нуетесь? Ну и, на всякий случай, вы этим Фомам напомните, что у нас презумпция невиновности стоит во главе законодательства, а ещё в уголовном кодексе есть статья за клевету. Если они не успокоятся, то родители детей подадут на них в суд – и тогда в следующем году этих граждан в комиссии не будет, они будут в нашем подсобном хозяйстве в свинарнике работать. Вот именно этот текст им и озвучьте. Ну и, если они будут настаивать на проверке, то соглашайтесь. Только чтобы все призёры участвовали.

– Зачем?

– А там увидите. И при составлении вопросов чтобы вы с Барсуковым участвовали. Стоп! Вы знаете что? Вы эдак, между прочим, скажите, что Виктория Петровна Брежнева, жена Генерального Секретаря ЦК КПСС, слышала об успехах учеников города Краснотурьинска и сама их по голове гладила, – и это было правдой. Не всех, конечно. Просто из девятой школы прибежала пара сорванцов – попросили сделать им к республиканской олимпиаде ранцы, как у дочерей. Пётр как раз зашёл к себе забрать Брежневых на очередную примерку – вот там и встретились будущие победители с Викторией Петровной, и она на самом деле погладила их по головкам и пожелала удачи.

Подождём ответного хода.

Опять звонок – теперь уже в восемь вечера и домой.

– Пётр Миронович, вы маг, что ли? Теперь у нас шесть первых мест. Ещё одно второе и два третьих. Как вы могли

заранее знать?

– Очень просто. Громче всех кричит «держи вора!» именно вор. Кроме того, наши в себе уверены – а вот когда других детей погнали на очередной тур, они заволновались. И что теперь комиссия говорит?

– Заикаются, прощения просят.

– Не прощайте. Пусть теперь едут в Краснотурьинск и извиняются перед родителями, а то те подадут в суд. И на этом стойте насмерть, и Барсукову скажите, что если комиссия в полном составе не приедет в Краснотурьинск, то я лично пожалуюсь Брежневу. И это правда. Всё, отбой. Работайте.

Барсуков отзвонился ещё через час.

– Пётр Миронович, вы уверены, что нам нужно идти на обострение? Все извинились. Детей наградили, скоро всесоюзная олимпиада. Зачем вам это?

– Иван Иванович, вы их боитесь? Почему? Вы подчиняетесь напрямую хоть одному из членов комиссии? Ведь нет. Так в чём дело? Это они должны бояться вас. С них кроме извинений можно что-нибудь требовать? Деньги на ремонт школ? Оборудование для физ- и химкабинетов? Учебные пособия по биологии? Кинопроектор? Телескоп, наконец? Если можно – идите на мировую. Если нет – то пусть посетят дом-музей изобретателя радио Попова и оставят там хвалебную запись, после того как извинятся перед родителями наших детей. Всё, у нас тут уже много времени, пора спать ложиться. До свидания.

И всё же ещё через полчаса позвонил главный горонист.

– Пётр Миронович, извините, что поздно. Только думаю, что стоит новостью поделиться. В 9-ю школу передадут телескоп, а в 23-ю – двадцать комплектов хороших лыж с палками. Кроме того, все победители и призёры получают путёвки в «Орлёнок». Думаю, не стоит дальше накалять обстановку?

– Хорошо, Трофим Ильич, будем считать – ничья. Когда Всесоюзная олимпиада? Двадцать пятого? Готовиться надо. До свидания.

Событие пятидесятое

Последователей Карла Маркса называют марксистами. А как называют последователей Фиделя Кастро?

Андрюха не подвёл. В смысле, Эндрю Луг Олдем двух деятелей прислал. Он-то прислал – а шестнадцатого мая позвонила Фурцева.

– Пётр Миронович! Есть две новости. Начну с хорошей. Тебе двадцатого нужно быть в Москве. Отправляется делегация на Кубу – там тебе и премию дадут, и медалью наградят. Кроме тебя ещё двоих. Мы тут с товарищами посоветовались – бери Сенчину и Толкунову. Кроме того, можешь взять дочерей. Машу так обязательно. Надеюсь, ты перевёл два этих своих «клипа» на испанский?

Вот ведь интересная женщина! Когда просил переводчицу с испанского, чтобы зарифмовать довольно сложный текст, то прислала парнишку, еле-еле знакомого с правилами написания испанских слов – зато очередного диссидента. Алексей Александрович Добровольский. Пётр, когда узнал биографию индивидуума, то чуть не заплакал. Этот человек был «волхвом» и идеологом неоязычества со своеобразными взглядами. Мракобесие. Во время Венгерского восстания распространял листовки от имени своей национально-соци-

алистической партии, за что уехал в лагерь на три года, а после выхода из тюрьмы крестился. Второй раз теперь уже не юношу, но мужа арестовали в 1964-м в качестве активиста Национально-трудового союза (НТС), после чего он около года находился в психиатрической больнице, где познакомился с видными диссидентами. И вот теперь этого уникала сослали в Краснотурьинск. То-то Заграевская и Горбаневская порадуются – решил Тишков, но ошибся. При встрече диссиденты шипели друг на друга. Разных они взглядов и на действительность, и на будущее. Не может не радовать.

Песни всё же перевели и спели. Не обошлось опять без команданте Боске. Волхв сделал подстрочный перевод, а член политбюро компартии Кубы придал этому рифму и ритм. Судить о качестве перевода было некому, однако кубинки спели. Теперь осталось дожидаться реакции простых кубинцев.

– Да, Екатерина Алексеевна, спасибо вам за волхва Алёшеньку. Ценный кадр.

– Не за что, пользуйтесь. Теперь плохая новость. Англичанин Олдем прислал мне двух деятелей. Один поэт, молодой, да ранний. А второй – учитель русского языка в этом их Оксфорде. Там у них какой-то скандал вышел с руководством университета, вот его и турнули. Но не обольщайся. Я с ним разговаривала, он точно не коммунист. Анархист скорее.

– Это плохо. Хотелось бы коммуниста, – на полном серьёзе.

зе проворчал Штелле. По крайней мере, сделал всё, чтобы так слышалось – а сам чуть не захлебнулся смехом. Ох, уж эти старые большевики.

– Ничего, может, переосмыслит взгляды. Так вот, о плохом. Не могут они к тебе приехать.

– Почему?

– Да потому, что Свердловск – закрытый для иностранцев город. Не купить им билеты на самолёт – а я к Семичастному не пойду. Мы тут из-за одного скрипача недавно поругались, – а голос радостный. Боец!

Вот что за страна! В КГБ куча предателей, диссидент на диссиденте в столице, а закрыт для иностранцев Свердловск. Точно, там ведь есть завод «Три тройки». Какую-то электронную начинку для ядрёных бомб делают. Украдут схему! Всё – пипец державе. Это при том, что наши микросхемы – самые большие в мире. И в бумагу с чертежами у проходной тётки пирожки заворачивают. Хотя, может, пока и не в чертежи – но во что-то же заворачивают?

– Екатерина Алексеевна, есть ведь поезд, Москва – Серов. Идёт всего сорок один час. В Серове я их встречу. На поезд билеты продают без паспортов, – что можно сказать: «Энергия есть – ума не надо».

– Вот умный ты мужик, Пётр, а дурак. Кто же двум иностранцам билет продаст в Серов?

– Екатерина Алексеевна, так пусть ваш помощник билеты купит. Только не объясняйте, для кого и зачем. Всё же бере-

жёного бог бережёт. А этих английских борцов с режимом попросите не разговаривать в поезде – «да», «нет», и весь диалог. Надеюсь, преподаватель русского осилит эту мантру.

– На преступление толкаешь?

– В чём же преступление? Серов ведь не закрытый город.

– Убедил. Встречай, завтра выпровожу. Про двадцатое не забудь. С тобой полечу. Одного тебя как оставишь? Ещё учишь чего.

– Точно – пойду в мае купаться на пляж Варадеро. А ещё сигар и сигарилл Брежневу куплю. Как думаете, он какой ароматизатор предпочитает? Ваниль, вишня, какао, кофе, яблоко? С мундштуком?

– Сволочь ты последняя, Пётр Миронович. Не помню, говорила ли тебе. Не трави душу. Да, с нами возвращается домой Эрнесто Че Гевара. Да не один. Похоже, он женится на Светлане Аллилуевой. Представляешь?

– Представляю. Пипец Боливии и Венесуэле.

– Чего за пипец? – булькнули на той стороне.

– Выражение такое, чтобы матом не ругаться.

– Пипец! Ну ты и сволочь. Всё, до встречи.

Событие пятьдесят первое

*Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное
море тайги.*

Знак отличия – Рауль Гомес Гарсиа (за заслуги в культуре). Этот Рауль был поэтом и журналистом. Вот его именем и названа награда, которую вручают Национальный профсоюз работников культуры и Министерство культуры. Зелено-красно-белая ленточка и круглолицый поэт на круглой медали.

Национальный орден «Плайя-Хирон». Прямо как у Гагарина, который и был первым обладателем этой награды. Представляет собой золотую медаль диаметром 5 см и толщиной 1,5 мм. На аверсе изображён ополченец (милисиано) с оружием на фоне двадцати знамён, олицетворяющие двадцать республик Латинской Америки, а также девиз – *Patria o muerte* («Родина или смерть»). На реверсе надпись: *Orden Nacional Playa Girón* («Национальный орден Плайя Хирон»). Лента ордена – оливкового цвета.

Медаль «Дружба» («*De la Amistad*»). Медалью «Дружба» подлежат награждению кубинские и иностранные граждане, организации или учреждения, отличившиеся достижениями в индивидуальной или коллективной деятельности на бла-

го дела строительства справедливого общества, укрепления братских уз дружбы, помощи и взаимовыгодного сотрудничества между народами. Красно-бело-синяя ленточка и золотистая круглая медаль с венком или цепочкой по кругу, внутри звезда и надпись «Amistad».

Вот итог недельного пребывания на Кубе. Ну и, апофеозом – «Premio Literario Casa de las Américas» – «Премия Дома Америк». В номинации поэзия. Оторвался.

Плюсом три медали «Дружбы» получили Фурцева и Сенчина с Толкуновой. И – поразительное дело! – Марию Нааб-Тишкову (Вику Цыганову) тоже наградили. Десятилетнюю девочку! Дали этот самый Знак отличия – Рауль Гомес Гарсиа (за заслуги в культуре). Не медаль, конечно – но интересно, как на это отреагирует правительство. У Сенчиной, Толкуновой и Маши теперь есть награды иностранного государства, а вот нашего родного нет. Могут и исправить. Нужно будет Екатерину Алексеевну подтолкнуть слегка.

Туда летели долго, с двумя пересадками. Первая в Амстердаме, потом Торонто. И только после этого Гавана – аэропорт имени Хосе Марти. Ещё один кубинский поэт и борец за независимость. Вылетели утром, под мелким, нудным весенним дождём. Плохо провожала Родина. Плакала, не желала расставаться с лучшими своими сынами и дочерьми. И Амстердам плакал. Аэропорт Схипхол был полон людей. Русских не кормили – потом дали курицу после взлёта, а вот все остальные пассажиры, такое ощущение, прилетели

за тридевять земель, чтобы постоять в очередях в буфетах. Очередь для них, загнивающих, – экзотика, вот и полетели на поиски неизведанного. А ещё – ощущение невыносимого удушья и огромной влажности. Ещё нет супермощных кондиционеров. Еле дождалась посадки. И не выйдешь на улицу – дождь и полиция.

А вот Торонто с ночной прохладой порадовал, сразу в сон потянуло. В нашем «иле» тоже было душно, и ещё вечно снующие туда-сюда стюардессы. И запах! Как в заблёванном туалете. А ведь ещё и назад лететь.

О поездке на «Остров Свободы» ведь заранее предупредили. Готовились. Даже не так – ГОТОВИЛИСЬ. И дело не в клипах Любы Успенской – решили сразить островитян наповал. Идея была Викина. Сам Пётр на подобное вряд ли бы решился.

– Давайте споём им песню «Убили негра» от «Запрещённых барабанщиков». А что? Слова простейшие, рифм почти нет. А главная, что на русском, что на английском, звучит одинаково. Кил – Бил. Убили – Билли. Наверное, и по-испански похоже.

Пётр прочитал текст. Нет, в таком виде оставлять нельзя. Наверное, ещё нет хип-хопа. Знают ли кубинцы про зомби? Какой нафиг щегол? Кроме того, нужно точно назвать страну. Обязательно упомянуть Нью-Йорк.

«Убили негра, прямо в центре Нью-Йорка замочили,

Ай-я-я-яй! Убили негра.

Убили негра. Убили. Ай-я-я-яй!

Ни за что ни про что, суки, замочили».

Уже лучше. Собрал диссидентов и задал вопрос про «зомби». Оказалось, что вполне себе известное и в эти времена словечко. Волхв Алёшенька даже пустился в пространные словоизвержения про «нзамби», что на африканских языках банту означает «душа мертвеца». Правда, и полезную информацию довёл. На Кубе это будет звучать не «зомби», а *zombi* («зонби»). Оставим тогда в тексте. Только отправим зонби не в баскетбол играть, а наказывать обидчиков. Американцев.

Ну и что, что зомби,

Зато он встал и пошёл.

Зомби тоже могут, могут играть в баскетбол

Пусть будет так:

Ну и что, что зомби,

Зато он встал и пошёл.

Пошёл прямо в бар для белых,

Убийц своих там нашёл.

Ай-я-я-яй! Убили негра.

Убили негра. Убили.

Ай-я-я-яй! Ни за что ни про что, суки, замочили.

Ай-я-я-яй! Убили негра, убили, а потом отрешили и

били.

Ай-я-я-яй! Убийц своих там нашёл.

Все трое они там были.

Ай-я-я-яй! Теперь все трое в могиле.

Когда Пётр принёс песню Добровольскому, тот три раза перечитал, хмыкнул и спросил:

– А где тут у вас КГБ заседает? Нужно и им показать.

– Да там же, где и милиция – на Серова, 10.

– Пётр Миронович, вы, конечно, популярный человек, и Фурцева за вас, но не перебор? Если бы это я написал, точно бы снова угодил в психушку, – и поднял листы, как знамя над головой, – Свободу политзаключённым.

– Не юродствуй. Сам боюсь.

А вот вторую песню вспомнил как раз Штелле. «Ла Бамба». La Bamba – нетленка от Los Lobos. Там даже придумать текст не надо. Пётр сто лет назад заинтересовался, что за рыба такая, и прочитал перевод. Посмеялся. Оказывается, не «рыба», а «arríba», что значит – вставай. Написал русский подстрочник и сунул опять Алёшеньке.

Чтобы танцевать бамбу,

Чтобы танцевать бамбу,

Нужно немного грации,

Немного грации

Для меня, для тебя,

Ах, вставай, вставай,
Ах, вставай, вставай, я весь для тебя,
Я весь для тебя, я весь для тебя.

Я – не матрос,
Я – не матрос, я – капитан,
Я – капитан, я – капитан,
Бамба, бамба...

– Вы, Пётр Миронович, меня ежедневно поражаете. Только что были стихи от лукавого, а теперь бред. Как это можно петь?

– Как думаешь, Алексей Александрович, почему я, а не ты лауреат Ленинской премии?

– Ошиблись наверху? – смешно.

– Нет. Я пишу песни и книги для народа. А ты – для узкого круга не знающих, чем заняться, отщепенцев. Вы не понимаете, что нужно буфетчице Даше или слесарю Илье, а лезете их поучать – и не знаете как. Вот и несёт вас не в ту степь. Через три дня генеральная репетиция этой песни. Приходи, поймёшь разницу между нами.

И пришёл ведь. Даже с двумя другими диссидентками. Заключили временное перемирие, чтобы «Петрушку» заклевать скопом – хотели, видно, сообща увидеть провал. А тут хит на века! Даже жиденько рукоплескали. Дети.

Событие пятьдесят второе

*Только прилетели – сразу сели.
Фишки все заранее стоят.
Фоторепортеры налетели —
И слепят, и с толку сбить хотят.*

Высоцкий напишет песню через пять лет. Нет, эту воровать не будем. И без неё хватает – тем более что уже убедились, что песни Высоцкого лучше всего получаются у Высоцкого. Ещё бы уберечь товарища от наркотиков. Что-то в одном из попаданческих романов было про его продюсера – вроде бы он его на них подсадил. Фамилия, как всегда, не запомнилась – какой-то малоизвестный актёр. Да, может быть, и неправда. Не документ ведь, а роман. Ещё по интернету ходят слухи, что во всём виновата Марина Влади и её сын Игорёк. Что Игорь наркоман – вроде бы факт. Ладно, время ещё есть. Пока Высоцкий даже не алкоголик – просто пьяница. Ещё даже есть больше месяца до открытия Московского Международного кинофестиваля, где Высоцкий найдёт третью жену, а Влади – третьего мужа. Тоже ведь пригласят Петра. Можно и расстроить встречу.

Причём тут Высоцкий? Всё очень просто. Высоцкого угорил взять на Кубу Пётр. Фурцева упёрлась.

– Екатерина Алексеевна, вы как себе этот концерт пред-

ставляете? Соберётся много тысяч человек, в том числе и руководство страны, а мы им споём три песни и скажем: «До свидания»? Так? Вы ведь хор с собой русские народные песни петь не везёте? Тогда какого лешего? Пусть Высоцкий споёт свои и мои песни о войне. Что в этих песнях вас не устраивает? Вы ведь почувствовали разницу в исполнении некоторых моих песен Богатиковым и Высоцким. Я немногих знаю с голосом лучше, чем у Богатикова, а вот Владимир Семёнович со своим немзыкальным хрипом лучше спел. Почему? Душу вкладывает. Сердце рвёт. Если он не патриот, то я точно идиот. Вот. Стихи получились.

– Не любит его Суслов. Да и я недолюбливаю. Уголовные песенки всякие.

– Будет петь песни о войне. Вы что, не слышите? Я без него не поеду. Не хочу позориться.

– Ох! Я б и тебя не пустила. Сволочь ты последняя. Втравишь ведь в очередной скандал! – тоже разозлилась, глаза горят, из ноздрей дым валит, из ушей пар.

– Ваше Величество, – решил сменить тон на шутейный Пётр, а то ведь и поругаться с министром можно. А нужно? – Назовите хоть один случай, когда вам за меня влетело. Или я вас подвёл и не выполнил обещание? Вы сейчас у Брежнева в фаворе. А потекут деньги из-за рубежей – и вовсе в Политбюро попадёте.

– Или на Магадан, – но уже отошла, так, брюзжит по-стариковски.

Одним словом, Высоцкий на этом памятном концерте спел четыре песни про войну. Три украденных у него Петром и одну свою, «Мерцал закат, как блеск клинка». Уж поняли там чего кубинцы или нет, но хлопали здорово. Забегая вперёд, стоит сказать, что дали и ему медаль «Дружбы».

Получили эти же медали и две кубинки – а вот эфиопке достался, как и Вике, тот самый Знак отличия – Рауль Гомес Гарсиа (за заслуги в культуре).

Теперь об ордене Петру. В первый день всякие встречи с руководством страны. Пётр и с Фиделем Кастро пообнимался, и с команданте Боске. И, что интересно, с президентом Кубы – Освальдо Дортикосом Торрадо. Кто бы мог подумать, что Фидель тут не главный?

На второй день получали награды – обычные медали «Дружбы». Все, кому планировали.

На третий день был концерт. Спел Высоцкий, хлопали и орали чего-то. Потом дошла очередь и до их с Машей песен. Спели переведённые на испанский «Кабриолет» и «Карусель». Зрители тоже хлопали, но видно было, что чужды им эти песни. Тогда грянули «Макарену». Вот тут зал почувствовал! Не перестали хлопать, пока не услышали второй раз. Ну и дальше – «Убили негра» и «Ла Бамба». Пела с явным акцентом, но на испанском Керту Дирир. Лучше всех её чуть низковатый голос подходил. Это был культурный шок! Обе песни заставили петь три раза. Дети природы. Одни эмоции.

На четвёртый день ожидаемый скандал. Прибежала Фурцева и приказала собираться в посольство – а там дядечка, явно из КГБ, стал учить жизни.

– Дурак ты! – выдал ему Тишков и хлопнул дверью.

Но ведь сам не дурак. Нашёл Джанетту Анну Альмейду Боске и пожаловался, что из-за двух последних песен у него будут проблемы. Не могла бы она как-то уговорить отца подействовать? Ну, чем чёрт не шутит. Получилось феерически. Кубинцы молодцы. Не поскупились, не пожадничали, нашли такой козырь, что и самому Петру поплохело. Вечером его опять вызвали в посольство.

– Точно назад прямо оттуда отправят. Вот тебе и убили негра, – пожаловался он Вике.

– И что сделают? Не посадят ведь. Такие награды! Ну, запретят выезд из страны. Переживём.

Приехали на специально поданной к отелю машине. Чёрный большой «Мерседес». А в посольстве столпотворение! Есть и Товарищ Президент, есть и Фидель, и Че Гевара, и Боске и ещё десяток из верхнего эшелона. Чуть не с порога все давай обнимать Петра и целовать Машу, а потом Фидель разразился пламенной речью – типа, оставьте, пожалуйста, этих двоих на пару лет, и вы не узнаете Латинскую Америку. С такими песнями поднимутся на революцию каждая из стран Карибского бассейна и вся Латинская Америка. И вручают Петру орден «Плайя-Хирон», да ещё и подчёркивают, что первым таким орденом награждён Юрий Гагарин. Потом

и ему, и Маше с Керту ещё и знак этот культурный министр Культуры вручил, ну а Высоцкому – медаль «Дружбы».

Нужно было видеть лицо того КГБиста. Он ведь уже пасквиль в Москву отправил! А тут такое. Дурак – он и есть дурак. Снимут и отправят на Кушку, песок проверять на благонадёжность. На Фурцеву тоже стоит посмотреть: из бледной бабушки за пять минут действия превратилась в твёрдого ленинца и бойца. Умеет же переобуваться.

Событие пятьдесят третье

*Нет пророка в своём Отечестве,
Неуютно пророку в нем.
Сумасшедшим по клетке мечется
Тот, кто знает – куда идём.*

*А ведут нас слепцы Великие
По дорогам Великих снов.
И какие-то крики дикие
Из передних слышны рядов!*

Владимир Асмолов – великий поэт. Сейчас в армии, наверное. Может, отыскать? Хотя, пусть станет студентом. Студенчество – лучшая пора. Зачем лишать? Да и не о нём речь. Речь о себе любимом. Хреново встретила Москва. И не дождь тому виной – ну дождь и дождь. Прямо к трапу подкатил чёрный ЗиЛ-111, а за ним и его предок – ЗиС-110. К добру ли? Из машин вышли четверо в штатском. И не качки, так – крепыши. Они умело оттеснили в сторону Фурцеву и Петра и, ну, надо же, того самого КГБиста из посольства. Значит, всё плохо. Пётр сорвал захват крепыша и шагнул к самому взрослому из встречающих.

– Что с дочерьми? Их куда? – крепыш попытался снова ухватить его за рукав.

Неучи. Пётр легко снова сорвал захват – всё же несколько

лет самбо занимался. И сам, шагнув чуть назад, сделал заднюю подсечку рыпнувшемуся оппоненту – и не стал страховать. Грохоту-то было! Все аж присели. У идиота оказался взведённый, не на предохранителе, пистолет в кармане штанов. При падении крепыш его задел рукой. Бабахнуло. Пуля прострелила хозяину ногу. Двое других крепышей выхватили свои пукалки.

– Стоять! – заорал во всё горло Старший – тот, к кому и обратился Тишков.

– Леонов, Шоев, окажите раненому помощь. Оружие сдать. Удостоверения тоже. Будете разжалованы в рядовые. Пётр Миронович, Екатерина Алексеевна, простите меня. Взял для вашей охраны идиотов. Вас приглашает в Кремль товарищ Суслов. Дочерей отвезут в гостиницу «Россия», там вам снят двухкомнатный номер.

– Для охраны? – Взвизгнула Фурцева. – Да вы знаете, что я член ЦК партии и министр?

– Можете не устраивать здесь митинг? Люди кругом. Екатерина Алексеевна, Суслов Михаил Андреевич хочет с вами поговорить. Расспросить о визите в братскую Кубу.

– Я с этим дураком никуда не поеду, – Пётр ткнул пальцем в работника посольства. Неудачно ткнул. Тоже нервы. Попал в глаз.

Опять вой, крики и катания по земле. Повеселились. Подошёл Высоцкий и стал плечом к плечу. Рядом и Керту возникла. Где-то училась, Пётр и не знал. Последовала «вер-

тушка». В карате подобный удар называется уширо маваси. Всё, враги повержены, старший КГБшник лежит в отключке на бетоне. Опять завопила Фурцева. Двое ещё не поверженных конторских бросили раненого товарища и кинулись к начальнику, но боком, стараясь не оказаться в пределах контакта с тремя агрессорами. Не получилось – одному врезала-таки эфиопка. Лоу-кик, получил по голени. И этот катаётся.

– Керту, мать твою. Остановись. Люди на работе.

– Они арестовать Петру?

– Нет. Проводить. Торжественная встреча. Караул.

– Карош.

Старший конторский очухался через пару минут. Мутным взглядом обвёл поле боя. Трое катаются по земле и стонут. Голень, скорее всего, сломана – ведь негрityнка в берцах.

– Екатерина Алексеевна! Вы что, с ума тут все сошли? Вы понимаете, чего наделали?

– Смешно, – это Высоцкий пробудился от ступора.

– Товарищ Тишков, давайте успокоимся.

Поздно. Все пять певиц окружили, плюс дочери – Маша даже пнула одноглазого. И со всех сторон бежит народ, в том числе и милиция.

– Не знаю, как вас зовут, и кто вы по званию, но думаю, поездки в Кремль не будет. Давайте мы с Екатериной Алексеевной завтра подъедем к Михаилу Андреевичу. А то ведь

я сейчас скажу милиционеру, что вы стреляли в члена ЦК, а все эти люди это подтвердят.

– Не посмеете.

– Товарищ капитан, подойдите сюда.

– Да провалитесь вы! Леонов, Шоев, раненых в машины.

Уезжаем.

Сказали – уезжаем, и уехали. И это КГБ! Лучших ведь в «девятке» держат. Семичастный рассердится. А Суслов?

Суслов через три часа позвонил в номер.

Пётр ждал. Даже раньше ждал.

– Алло. Пётр Миронович Тишков? – голос немолодой и усталый.

– Да. Слушаю вас.

– Сейчас будете говорить с Михаилом Андреевичем Суловым.

– Пётр Миронович, что вы устроили в аэропорту? – а голос-то весёлый.

– Предотвратил покушение на члена ЦК и министра культуры товарища Фурцеву Екатерину Алексеевну. Какие-то подозрительные люди пытались по ней стрелять, но я и мои певички вступились за Екатерину Алексеевну, и покушение не удалось. Неизвестные, воспользовавшись всеобщим замешательством скрылись, – ну а что ещё говорить?

– Вы серьёзно?

– Конечно. Люди были не в форме, документов не показали, даже не представились. Для работников спецслужб слиш-

ком низкая подготовка. Вообще нулевая. Одна девица всех раскидала. Скорее всего, американские шпионы – хотели сорвать подготовку к празднованию 50-летия Советской власти, – ого, закатил шар!

– Наслышан о вас. Странный и непростой вы человек. У вас ведь и десяток свидетелей есть?

– Происшествие наблюдало несколько десятков человек. Все подтвердят несуразность действий шпионов. Плохо их американцы подготовили.

– Вы думаете, это смешно? – вот и злость в голосе. Зачем?

– А вы, Михаил Андреевич, готовы доверить свою жизнь этим людям? Ладно – в разведку. Просто по парку не боязно гулять?

– Завтра за вами в десять утра заедет машина. Шофёр представится. Он из девятого управления. С ним и товарищ Фурцева будет. Негритянку не берите. Спокойной ночи, – гудки. Ничья. Пока.

– Вика, беги на почту и отбей телеграмму дяде Пете. Срочно нужен здесь. Ближайшим самолётом.

Событие пятьдесят четвёртое

*Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек.
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила —
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.*

Фурцева всю дорогу молчала, даже на приветствие ответила только кивком. Не очень хороший знак – ведь лучше информирована, наверное. «Чайка» утробно рычала. Внутри было прохладно, работал кондиционер. Пётр сидел в этом советском лимузине в первый раз. Спереди, как обычно, диван. Панель из дерева – может, и красивого, но в сочетании с велюром дивана смотрится дико. Руль, как у «Волги», тонкий и большой. И нет рулевой колонки – прямо к панели из этой карельской берёзы и присобачен пимпочкой. Их с Фурцевой посадили на задний диван с массивным подлокотником в центре. Получается, машина четырёхместная? Ан нет. К спинке переднего дивана приделаны два раскладывающихся креслица. Мудрые инженеры. Стеклоподъёмники ручные, дебилные шторы на окнах – не додумались ещё до тонировки. Больше всего умилили ручки на двери и задних сидениях. Эдакие ляпочки из дерматина под цвет салона. Не хватает на десяток выпускаемых в год машин карельской берёзы. Бедно страна живёт! Продаёт древесину ценную на

запад – и эти крохи валютные сразу братским компартиям высылают. Троцкисты.

Больше всего поразила передняя форточка. Если в машине кондиционер, то зачем она? Хотя ясно. Это чтобы водитель курил во время поездки и пепел на улицу стряхивал. А дым назад чтобы тянуло, на Брежнева и других членов. Молодцы инженеры, подумали о народе. Нет подголовников. Слизывали ведь с западных образцов – там-то, что, тоже нет? Или экономия?

Больше ничего рассмотреть не удалось – приехали. Могли бы и пешочком пройтись, от «России» до Кремля – считанные метры. Солдатик проверил у водителя пропуск, подозрительно глянул на Тишкова и открыл ворота. Вручную. Где инженеры? Могли бы и моторчики присобачить. Ах да – все деньги братским компартиям, ни копейки себе.

Встречал целый полковник. Даже не целый, а полуторный. Пётр был немаленького роста, а тут чуть не на полторы головы выше. Метра два в длину – не в высоту же. Для 1967 года и СССР – гигант просто.

– Заходите, товарищ Пельше вас ждёт, – с явным прибалтийским акцентом пригласил полковник, открыл дверь.

Пельше? Теперь понятен и рост, и акцент, прибалты – они вообще высокий народ. Но почему Пельше? Что с Сусловым? Хорошо это или плохо? Все эти вопросы возникли в голове Тишкова, пока они оглядывались в кабинете нового члена Политбюро.

– Присаживайтесь, товарищи, – средних размеров кабинетик с массивом из дерева по стенам. Под зелёным сукном стол. Большой, в треть этого самого кабинета. Зачем? Чем больше стол, тем важней начальник? К этому монстру придвинуты небольшой столик из другого дерева и два стула. Ещё несколько стоят вдоль стен. Фурцева дёрнулась было в угол, но Пётр в эти игры не стал играть – подошёл и сел за правый стул у приставленного к старшему собрату некомплектного столика. Вздохнув, примостилась напротив и товарищ министр.

Что можно сказать о Пельше? Когда Пётр собирал материал для книги о мальчике попаданце, то биографию прочёл. Удивили два факта. Первый – какого чёрта он делал в Казахстане? Написано, что четыре года был начальником политотдела совхоза. Скрывался от репрессий? Ведь до этого был преподавателем истории партии в Центральной школе НКВД (1929-32) – а потом совхоз в Казахстане. А в 41-м – уже секретарь ЦК КП Латвии по пропаганде и агитации. Интересный зигзаг! Но самое интересное было в конце статьи в Википедии. С апреля 1966-го – председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Сменивший его на этом посту М.С. Соломенцев вспоминал, что, приняв дела, «был очень удивлён: вместо рассмотрения серьёзных государственных проблем контроля за соблюдением партийной дисциплины КПК занимался „мелочёвкой“: умирал пьяниц, сводил и разводил неуживающихся супругов. И ещё, я

был поражён, узнав, что выполнение решений и правительства и Политбюро зачастую не контролировалось...».

И чего он сейчас делать будет? Мирить Петра с Семичастным? И где Суслов?

– Михаил Андреевич вас принять сегодня не сможет – началась гражданская война в Нигерии. Леонид Ильич на отдыхе в Крыму. Товарищ Суслов ведёт переговоры с военными, – выдал государственный секрет Арвид Янович.

Высокий, скуластый, с длинным некрасивым лицом и холодными латышскими глазами. Акцент. И ещё ощущение, что в пробирке находишься, а тебя этот латышский стрелок в лупу рассматривает. Пётр не знал, как себя вести. Всю ночь без сна проворочался, всё диалоги выстраивал, и оправдания сцене в аэропорту искал. Не получалось. Глупо всё вышло. Грело только то, что все его люди бросились на защиту, даже Толкунова – скромная мышка.

– Слушаю вас, Арвид Янович, – прервала молчанку Фурцева.

Пельше встал из-за стола, дошёл до двери, проверил, плотно ли она закрыта. Плохой знак.

– Екатерина Алексеевна, то, что произошло в аэропорту, не лезет ни в какие ворота. Артисты избili офицеров Государственной Безопасности. Что скажете? – сел, надел очки, ещё больше его состарившие.

– А что это было, Арвид Янович? Арест? Так я член ЦК партии. У нас что, как при Сталине – теперь можно без суда

и следствия арестовывать членов ЦК и министров? – боевая бабушка. Только нужно ли накалять и без того непростую обстановку?

– Да какой арест! Артиста, – кивок в сторону Петра, – хотели орденом наградить, как и вас. Вот подписанные представления, – Пельше хлопнул рукой по листам, лежащим перед ним.

Точно – вон и красные коробочки рядом. Дела!

– Странный способ приглашать на награждение! – хоть и с задором произнесла, но уже сдулась Екатерина Великая.

– Дураки везде есть. Сказали – пригласить, а они не так поняли.

Всё они так поняли. Просто информация о награждении за песни Тишкова орденом «Плайя-Хирон» лично Фиделем Кастро тогда ещё не дошла до Суслова – отвратно работает КГБ. Столько промахов за сутки. Точно половину разогнать надо.

– И что за орден? – вот ведь неужённая! Ну что бы не отдать в данном случае инициативу проигравшей стороне?

– Орден «Знак Почёта». Поздравляю вас с заслуженной наградой, – сунул коробочку Фурцевой, потом грамоту и удостоверение, – Екатерина Алексеевна, не оставите нас посекретничать с товарищем Тишковым?

– Пётр Миронович в аэропорту только защищался! – а ведь молодец, не заткнули рот.

– У меня нет никаких вопросов к Петру Мироновичу по

инциденту во Внуково. Нам надо обсудить совсем другие вопросы, – и привстал. Сейчас будет за локоток боевого министра выпроваживать.

– Я подожду в приёмной, у меня к Петру Мироновичу тоже масса вопросов. Американский продюсер приехал. Кучу денег привёз.

– Наслышан. Я всего на пару минут вашего защитника задержу, – оскалился. Это улыбка по-латышски? Ужасно.

Пельше дождался, когда за министром закроется дверь, и достал из стола папку. Открывать не стал. Просто положил перед собой. Обычный картонный скоросшиватель с громким заголовком «Дело».

– Пётр Миронович, – он снял очки, – до нас дошли сведения, что по вашему указанию в городе Краснотурьинске избивают советских граждан.

Граждан. Советских. Пафосно. Ладно – если бы были на самом деле сведения, то тут бы не сидел. Совсем в другом месте бы сидел. Делаем вывод: какой-то «кухонный боец» написал анонимку, а анонимка – не документ. Теперь стратегия. Нельзя оправдываться. Оправдывается виноватый. Нужно напасть! Главное – не перегнуть палку.

– Арвид Янович, как вы себе это представляете? Захожу я в кабинет начальника городского отдела охраны общественного порядка и говорю: «Товарищ подполковник, соберите немедленно весь личный состав». Собираются. А я им речь: «С этого дня нужно ходить по улицам и избивать советских

граждан. Кто не будет избивать, тот может считать себя уволенным. Лично буду проверять по вечерам, сколько каждый милиционер избил человек». Так написано в вашей анонимке?

– Я серьёзный вопрос задал! – вновь надел очки Пельше.

Очень о многом сей жест говорит. Значит, и вправду анонимка, и кроме неё – никаких фактов. Защищается, надев очки. Ну-с, начнём Марлезонский балет.

– Арвид Янович, у нас в городе проводится кампания – да, под моим руководством, и по моему прямому указанию. Кампания по предупреждению насилия в семье. С «кухонными боксёрами» боремся. Эти мрази напиваются и начинают бить жен и детей. Не так давно в городскую больницу поступил мальчик, который попытался заступиться за избиваемую мать, так этот советский гражданин его отшвырнул, и мальчик ударился головой о батарею. Сотрясение мозга и психологическая травма на всю жизнь. Вот именно с такими типами, которых точно можно назвать гражданами, но вот «советскими» – язык не повернётся, мы и боремся. Создали несколько стендов и вывешиваем на них фотографии «боксёров». Естественно, никто их в милиции не бьёт – ну, если только они сами в драку не лезут, так и то – стараются как можно меньше ущерба гражданину нанести. Уверен на сто процентов, что в этой папке у вас лежит анонимка от одного из этих типов. Этот садист безнаказанно избивал жену и детей, а теперь это стало затруднительно – ведь соседи виде-

ли его фото на «доске славы кухонных боксёров». Чуть малейший шум – и вызовут милицию. Что делать «советскому гражданину», как ещё навредить окружающим? Руки-то чешутся! А ведь любой кухонный боксёр по природе – трус. Остаётся только анонимка, а в ней – клевета. Давайте её мне, и я привлеку этого борца за справедливость к суду за клевету. И ещё поговорю с работниками прокуратуры – не является ли эта писулька документом, дискредитирующим Советскую власть. Ведь я Первый секретарь горкома КПСС, а милиционеры тоже на службе у нашего государства. Давайте её сюда! – протянул руку.

Всё, поплыл. Точно они тут все дети. Наивные. Но хватит, нужно дать этой крысе выскочить из угла.

– Хотя... Арвид Янович, вы ведь Председатель Комитета Партийного контроля. Вам гораздо легче посадить этого анонимщика на скамью подсудимых. Уверен, компетентные органы, получив от вас приказ, по почерку в несколько дней выяснят фамилию анонимщика и клеветника – и поедет эта мразь на Магадан.

Пётр сделал вид, что даже полегчало ему – вон какой классный выход нашёл, самому пачкаться не надо. Так, теперь закрепить успех, пока у оппонента планка висит.

– Арвид Янович, это ведь не первая анонимка на меня. Один врач не согласился со мною в методике борьбы с туберкулёзом и не нашёл ничего лучше, как написать в облисполком. Заверил товарищей, что я кормлю детей собачатиной,

а говядину со свининой забираю себе и дома предаюсь обжорству. Приезжала комиссия из Свердловска – изобличили клеветника и оправдали меня. Простил я дурака, теперь он на бумажной работе, раз любит писать. А дети выздоравливают. Вы, может быть, даже в курсе – сейчас внук министра автомобильной промышленности, Петька-шалопай, у нас в городе лечится с матерью. Говорить об успехе пока рано, случай сильно запущенный. Это я зачем говорю – а что, если бы комиссия поверила клеветнику? Отнеслась формально? Меня бы уволили. Обидно, конечно – только я-то взрослый человек, а дети продолжали бы болеть и умирать. Не правда ли, похожий случай? И здесь рано или поздно один такой пьяный садист убьёт ребёнка. Вы разберитесь, пожалуйста, и примите меры. Возможно, наш опыт даже можно предложить и в другие города.

Всё? Или добить? Нет, пока переваривает, нужно дровишек подкинуть.

– Или взять того дурака из посольства нашего на Кубе. Фамилию не знаю, да и звания тоже. Буду поэтому для простоты звать его капитаном Дураковым. Так вот, этот тип решил, что он один может определять, какие песни понравятся кубинскому народу, а какие – нет. Он поставил себя выше Президента Кубы, и даже выше пламенного революционера Фиделя Кастро. Кто дал ему право? А если бы его действия привели к осложнениям между нашими странами? И опять кляуза. Я же понимаю, что делали люди, затеявшие

драку и стрельбу в аэропорту Внуково. Приехали тягать нас с Екатериной Алексеевной на расправу к Михаилу Андреевичу и к вам. Опять поверили кляузнику и дураку, а не честному коммунисту и патриоту. Он враг нашей страны, потому что дурак. У буржуев американских есть тест, называется «Ай-кью». Там с помощью рисуночков разных определяют коэффициент умственного развития. Хочу посоветовать вам достать его и прогнать всех работников КГБ через него – ну и сделать выводы. А капитана Дуракова отправьте в нашу Краснотурьинскую колонию строгого режима опером, пусть с равными по уму ворами и садистами воспитательные беседы ведёт. А ещё, Арвид Янович, вы приезжайте к нам в город. Сходите на концерт, послушаете мои новые песни. Побываете в тубдиспансере и больнице. Сейчас наш доктор Франк начал лечить язву и гастрит медикаментозно, статьи в журналы пишет. Чем чёрт не шутит, может и на Нобелевскую премию при поддержке государства потянет. А ещё оцените наши успехи по борьбе с пьянством и курением. Приезжайте!

Всё, теперь контрольный выстрел в голову.

– Товарищ Пельше, вы ведь обещали Екатерине Алексеевне меня только на пару минут задержать, а прошло гораздо дольше. Может, я пойду? А то она волнуется. Немолодая ведь, да ещё холерик, чуть что – сразу в драку. Беречь её надо – очень ценный кадр и руководитель, и пример для любого коммуниста. Ну, обозвала Хрущёва кукурузником – так

ведь это правда. Жаль, что она одна тогда такая смелая была. Сколько бед этот очередной дурак стране принёс – чуть до ядерной войны не довёл. Может, нужно через американский тест и всех коммунистов прогнать? Сразу дураки и выявятся.

Пельше икнул. Потом встал, молча всучил Петру коробочку с орденом и удостоверение. Затем, прокашлявшись, просипел:

– Спасибо, товарищ Тишков, вам за песни. И за науку, – и подмигнул.

Фу! Теперь можно и выдохнуть.

Событие пятьдесят пятое

*Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко
– пуля обмишкулится, штык не обмишкулится, пуля
дура, штык молодец!*

Суворов кому-то сказал. Умный, наверное, был дядька, и за счёт своего гения дурость превратил в науку. Ведь раз есть ружье, то можно сделать и митральезу. Пулемёт. И чего можно сделать с необмишчулившимся штыком против пулемёта? Всего-то и нужно изобрести унитарный патрон.

Но вечная память русским воинам, сложившим головы в страшной русской штыковой атаке. Не о том речь. Речь о пуле. Выстрел один. Не потому, что этих самых унитарных патронов больше нет – они есть. Десяток. Не будет времени для второго выстрела. Нельзя, чтобы пуля обмишчулилась.

Сидели в той самой пельменной недалеко от метро «Площадь Революции». Втроём. Не удержался бывший старшина и прилетел на крик о помощи Петра. Ну и хорошо – будет, кому подстраховать.

Без «Софи Лорен» столовая смотрится уныло. Наталья сейчас в Краснотурьинске, числится в «БАЗстрое» штукатуром, а работает начинающей певицей и актрисой. Между прочим, оказалась удачным приобретением. Она чемпионка Москвы по волейболу, только разругалась вдрызг с трене-

ром, который всё норовил ей в трусы спортивные залезть – вот и бросила волейбол. Теперь подтягивает базстроевскую команду. Нельзя ведь на одном недохоккее зацикливаться – не совсем популярный вид спорта.

Разговор был непростой. Легко найти среди порядочных честных людей тех, кто согласится на борьбу с преступниками, пусть и очень незаконными методами. По крайней мере, именно так с двумя амбалами получилось. Сейчас же нужно убить не преступника, про которого точно знаешь, что преступник. Нужно убить фанатика. Не простого фанатика – очень сложного фанатика. Фанатика от коммунизма. Рьяного ленинца.

Вот. На этом и нужно сыграть. Не Ленина последователь будущий покойник, а товарища Троцкого. Переродились. Подавай им перманентную революцию. Все силы и средства на это надо бросить, а русские люди – это только дровишки, которые надо подкинуть в пожар мировой революции. Плевать новым правителям страны, что простых трусов у народа нет – нужно помогать египтянам, сирийцам, вьетнамцам, кубинцам, и прочая, и прочая. Сотне стран. Нужно тащить на себе весь соцлагерь, строить заводы и города в Польше и Румынии – в той самой Румынии, где живут румыны, которые зверствовали в Одессе и других городах, оккупированных во время Отечественной войны. Одна Асуанская плотина в Египте поглотила миллиарды рублей – тех рублей, что не хватило потом даже на элементарный хлеб. Пусть арабам

будет хорошо, они ведь заявили, что пойдут строить социализм. Прямо из дикого феодализма сразу в коммунизм даже. Коммунизм – это когда всего вдоволь, каждому по потребностям. А откуда средства? Да старший брат, лопух даст. Хрущёв завалил ближний восток нашими рублями, а у самих дома шаром покати – что и привело к подавлению армией выступления голодных рабочих в Новочеркасске. Хрущёв, идиот, – главный троцкист. Нет сейчас Хрущёва, и что? И теперь самый главный троцкист – это Суслов. Ответственный в стране за идеологию. Идеологию Троцкизма. Он аскет? Так это его выбор. Почему решает за других? Почему думает, что ветерана войны можно выпихивать из автобуса, раз не хватает в этом автобусе мест для рабочих? Может быть, автобусов просто больше собирать, а не танки для египтян, которые они отдадут через неделю Израилю? И даже не зенитные установки для Вьетнама, которые не могут сбить американский самолёт – только случайным попаданием? Пётр считал, что если уничтожить Суслова и оторвать от Брежнева Кириленко, да ещё не допустить до КГБ Андропова, то, возможно, и политику государства удастся чуть подправить. Нет, не своими руками – носом пока не вышел. Расшевелить Пельше, сыграть на амбициях Шелепина. Нужно пробовать.

Ну да это во вторую очередь. Пока ясно, что Суслов затеял войну лично с ним – Петром Тишковым, и только ряд случайностей не позволяет записать его в число диссидентов, запретить песни, книги, снять с поста Первого секретаря

горкома. То Брежнев заступится, то Фидель Кастро. Однако не вечно же будет везти. Лучше подстраховаться.

Вот сейчас, шёпотом, Пётр всё это и рассказал сподвижникам. Нахмурились. Даже пельмени жевать перестали.

– И какие вводные? – тёзка взял вилку и изобразил из неё пистолет.

– Есть винтовка с оптическим прицелом. Точно известен адрес троцкиста, и, конечно же, есть его фотография в любой подшивке газет в библиотеке. Теперь минусы. Винтовка в центре Москвы – вещь приметная, к тому же она не пристреляна. Адрес – улица Большая Бронная, дом 19.

– Когда на даче арендованной винтарь прятал, патроны посчитал, – наколол «пистолетом» майор предпоследний пельмешек, – двенадцать. Штук пять-шесть можно на пристрелку истратить. Один чёрт больше одного, ну, при большом везении, двух выстрелов не сделать. Даже мне понятно, что вокруг дома ребята из «девятки» шастают. Я, может, метров с пятисот, а то и с шестисот попаду, но лучше чуть поближе – а, значит, в непосредственной близости будет их сотрудник. Нужно сделать один выстрел, попасть и, бросив винтовку, тихим, спокойным шагом покинуть место лёжки. Ехать надо на разведку, но и не засветиться.

Событие пятьдесят шестое

*В том-то вся и закавыка
И особый наш уклад,
Что от мала до велика
Все у нас руководят.*

(«Тёркин на том свете»)

Вечернее поедание пельменей с борщами, как бы странно это ни показалось, состоялось именно вечером – а до этого был целый день. Фурцева не обманула: из славного городу Парижу прибыл месье. Директор Парижского филиала американской компании Columbia Broadcasting System, который называется CBS France, Жак Суппле, был не просто молодец – он был богоподобен. Привёз с собой всё, что обещал, и даже больше. Привёз кучу готовых пластинок. Три сингла. На первой стороне первого «Танцы на Марсе», на второй «Шторм». На втором «One Way Ticket» и «Волшебный полёт». Третий с «Макареной» и «Танцем у экскаватора». И ещё миньон с этими же композициями. Ну и вишенка на торте – «Кабриолет» и «Карусель», тоже миньон, на второй стороне – «Шторм» и «Волшебный полёт». Вот умеют же иностранцы работать! «Мелодия» бы на год затянула, а то и похоронила бы.

Слухи ползали в начале девяностых, что Союз развалился

из-за того, что на Западе производительность труда в три раза выше. Может быть. Однако обратимся к фактам. Незадолго до попадания в прошлое Пётр смотрел штатовский сериал «Хороший доктор», который те слизали у корейцев. Так вот, там чуть не в каждой серии врачи сетовали, что у них рабочая неделя от ста до ста двадцати рабочих часов. Делим на сорок – это у нас столько. Получаем три. Значит, на самом деле у них, в проклятых загнивающих странах, люди в три раза больше делают. Стоп! Стоп! Стоп! Но ведь за время, которое тоже в три раза больше. Странная математика, и не поймёшь в чью пользу.

Ещё новости привёз Ваня. Ну, Жак – ведь это Иван? Или нет? Тьфу! Это Жан – Иван. А Жак – это Яков. Так вот, новости Яшка привёз просто прекрасные, с какой стороны на них ни смотри. Суппле успел скататься в Нью-Йорк, в головной офис корпорации Си-Би-Эс, и прокрутил там во многих кабинетах русские песенки. Глазки у воротил загорелись, почувствовали наживу – и решили господа тиснуть сразу в двести тысяч экземпляров, сначала синглы, а чуть погода – и миньон. Понятно, для начала всё это разрекламировав. Сейчас рекламная кампания в Штатах уже запущена, объявлено, что продажа синглов начнётся 1 июня. Дела!

В Париже продажи начнутся в этот же день – как, впрочем, и в Лондоне. Тут тиражи всего по сто тысяч, но Жак уверен – допечатывать придётся, и не раз. Тоже самое думают и воротилы из Нью-Йорка.

Поругали они бедного Жака за огромные деньги, что придётся заплатить русским, но потом на новеньких японских калькуляторах «Касио» (Casio 001) посчитали свою прибыль, повздохали дружно, и махнули рукой. Дерзай, мол, Яшка.

Жак Суппле, конечно же, никаких денег не привёз. Приехал похвастать пластинками, и за номером счёта. Фурцева губы поджала.

– Только «Внешторгбанк».

– Разницы нет, – улыбнулся продюсер.

– Есть разница. Мы всяким западным банкам не доверяем. Обманут, или, пуще того, разорятся! «Внешторгбанк».

– Екатерина Алексеевна, договор заключён со мной, и я ничего не имею против «Внешторгбанка». Более того, у меня там и счёт открыт. Вот номер, – Пётр протянул Фурцевой и Суппле визитку со своими данными, в том числе и номером счётов в Сбербанке и Внешторгбанке. Подготовился. Напечатали в типографии «Зари Урала». Не ультрамарин с золотом, но потянет.

– И сколько же вы переведёте денег? – изобразила Фурцева строгую учительницу. Математичку. Даже очки надела.

– Ваш неумеренный аппетит привёл к парадоксальной вещи. Недавно новый музыкальный менеджер Аллен Клейн сумел перезаключить контракт The Beatles с EMI. Он добился для группы рекордно высоких роялти – 69 центов с альбома. У вас получается больше семидесяти. При этом все зна-

ют The Beatles, и никто даже не слышал о «Крыльях Родины». Сначала в Нью-Йорке на меня смотрели, как на сумасшедшего. Потом слушали песни. Потом стучали по клавишам калькуляторов. Потом не верили в полученные цифры и снова стучали по клавишам. Потом выгнали меня. Я уже было собрался улетать в Париж, когда снова вызвали к новому президенту Columbia Records Клайву Дэвису. Он решил рискнуть и поставить на русских – с условием, что новый сингл из двух песен будет выходить раз в два месяца, и через полгода песен наберётся на полноценный альбом. Очень хочется надеяться, господин Тишков, что качество ваших следующих песен будет соответствовать этому уровню, иначе мне конец – ну, и вам как музыканту на Западе. Теперь же получается вот что: как только приеду в Париж, то переведу на указанный счёт аванс в миллион долларов США, – как прилежный ученик ответил продюсер.

– Да нет, – Пётр точно знал, что сейчас Де Голль разорвет Штаты своими долларовыми самолётами и пароходами. Привозит фантики, а вывозит золото. – Так не пойдёт. Золото по курсу доллара – 1,1 за грамм. Итого – 909 килограммов золота. Бреттон-Вудской системе со дня на день придёт конец, и доллар резко девальвируют. Этот и все дальнейшие расчёты – в золоте по курсу. Слитки по 400 тройских унций или по 12,5 килограмма – получаем 73 слитка. Вот они и должны появиться во «Внешторгбанке».

– Это невозможно! В США запрещено владение золотом

частными лицами, – а французик-то перепугался! Как, впрочем, и Екатерина Великая.

– Жаль. Тогда франки. По официальному курсу.

– Это другое дело.

Дальше уже договаривались о закупке миньона на русском Министерством внешней торговли. Пётру, если честно, было неинтересно, и даже противно. Наши торговались неумело, и в результате сошлись пока на двухстах тысячах экземпляров. Крохоборы несчастные, ведь ясно же, что будут продавать во всяких «Берёзках» втридорога и легко отобьют затраты. Тогда зачем? Зачем позориться? Не надо спасать эту страну.

По окончании этих постыдных торгов Пётр вручил Яше плёнку с двумя новыми испанскими песнями – «Убили негра» и «Ла Бамба».

– Уверен, в Испании и, особенно, в Мексике произведут фурор. Приятно с вами иметь дело.

Фурцева опять кричала.

– Какое золото, Тишков? Ты совсем спятил! Тонну золота ему подавай! А ну как этот лягушатник заартачился бы и разорвал контракт?

– Ваше Величество, в Штатах десятки звукозаписывающих компаний. В Англии – чуть меньше, но тоже хватает. Уйдёт этот – найдём другого. Вы даже не представляете, насколько наши песни лучше их дворовых. Сейчас генерал Де Голль возит в Америку доллары огромными кораблями и самолётами и меняет на золото. Американцы не хотели этого

делать – так он даже из НАТО вышел, и все их базы из Франции выгоняет. Скоро США не сможет поддерживать Бреттон-Вудскую систему, и доллар рухнет. Обесценится. Зачем нам фантики? Золото же при этом резко подорожает. Мы, если бы пробили мои условия, могли бы почти в два раза увеличить сумму сделки.

– Правда? – вот что можно сказать? Как такие люди становятся членами Политбюро и руководят на протяжении нескольких лет Москвой? Как? Кроме наивности и детской непосредственности, один только Маркс в голове.

И ведь самое интересное, что когда к власти придут всякие Гайдары с Явлинскими, доктора экономических наук, то всё станет в сто раз хуже. Почему? Неужели это судьба такая у России? Но ведь вот Александр III и Сталин смогли вперёд эту неповоротливую каракатицу катнуть. Правда, оба гайки завинтили почти до срывания резьбы. А сейчас чего делать? Идёт уже второй год реформа Либермана, переводятся предприятия на хозрасчёт – но всё делается медленно и неуверенно. Не поверили в эту сказку директора заводов, а потому и не будет бума, будет лишь небольшое ускорение. Потом эту пятилетку назовут «золотой», а следом – «застой». Стихи.

Событие пятьдесят седьмое

Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет.

После Фурцевой Штелле решил пообщаться с пчеловодами. Профессор Аветисян Гурген Арташесович на кафедре отсутствовал. Сотрудники на вопрос «а где?» только плечами пожимали. Не предупредил-с. Глянув на часы, Пётр решил прокатиться до редакции. Может, там? И ведь почти застал. Поехал профессор домой на обед, но обещал вернуться. Снова глянул на часы. А что, обед и его брэнному телу не помешает, тем более после двух стрессовых общений. То Пельше брови хмурит, то Суппле руки выкручивает. По два хита ему на английском каждые два месяца выдавай! А что на гастроли останется? Ведь со дня на день и второй продюсер объявится. К гастролям совершенно не готовы – всего две песни на языке Шекспира и Анджели Дэвис.

Ближайший ресторан демонстрировал вывеску «мест нет». Экстраполировав ситуацию, Штелле с первого раза догадался, что и на следующем будет очень похожая вывеска, и на следующем, и... И чего делать? Кушать-то хочется. Где проклинаемое попаданцами будущее с сотнями ресторанов и кафешек? Нету – в смысле, кафешек нет. Хотя вон одно, «Пингвин». Мороженое? Вместо обеда? Креативненько.

Кроме мороженого давали пироженки и сладкие булочки. Ещё кофе, в стаканах. И чай, тоже в стаканах. А мороженое – не в розетках, а в небольших мисках. А ведь через тринадцать лет будет коммунизм. Хрущёв даже в Конституцию написал, а Брежнев ещё не вымарал. Надеется?

Пришлось набить пузо сладостями, чтобы мозги лучше работали, и это пузо не заурчало невовремя. Кофе тоже был сладким, не пожалели. Аж приторный. Одним словом – расстройство. И мороженое невкусное. Врут афторы попаданческих романов. Подплывшие шарики, засыпанные шоколадной крошкой, и такие же с абрикосовым вареньем – но всё такое сладкое, что кроме сахара ничего и не ощущаешь. Это, видно, ответные дары Кубы стараются использовать по максимуму. Чего ещё с них взять? Сахар и сигары, но те появятся чуть позже – и, скорее всего, будут очень низкого качества. Спрашивается, почему не выступить дилером? Скупать весь табак, все сигареты с сигарами и сигариллами, и торговать в тех же Штатах, в Европе.

Профессор прибыл в три часа, пришлось ещё и подождать в редакции журнала.

– Пётр Миронович! Рад вас видеть. Звонили мне из Краснотурьинска, сказали, что вы на Кубе. С делегацией? – чисто выбрит, до синевы, рубашка белая с тонким галстуком по моде. Сытый. Везёт некоторым.

– Да, вот только вчера вернулся. Завтра улетаю домой, – Пётр занял стул для посетителей напротив заваленного пись-

мами стола профессора Аветисяна, – Гурген Арташесович, есть новости по лекарству из огнёвки?

– Так вы, получается, домой-то и не звонили? Новостей не знаете? – вдруг поскуchnел пчеловод теоретик.

– Звонил, но, наверное, не тем, так что про ваши новости ничего не знаю.

– Две тогда новости. И обе плохие, – профессор Аветисян почесал за ухом, собираясь с силами.

– Да не томите уже.

– Пчеловодов из Глубокого перевезли неудачно. Девять семей пчёл погибло, – и взгляд трагический.

Хотя ведь понятно. Для этого человека пчёлы – разумные существа, дети. О них нужно заботиться, лечить, холить и лелеять. А тут девять семейств «детей» погибло. В каждом улье больше пятидесяти тысяч пчёл. Полмиллиона. На самом деле катастрофа. Без всякого сарказма.

– В чём причина? – обязательно нужно проявить сочувствие.

– В председателе колхоза. С милицией препятствовал отъезду инвалидов. На два дня задержал.

– Спросим с него.

– Не вернуть ведь пчёлку, – махнул рукой Гурген Арташесович.

– Пчёл не вернём – но вернём этого деятеля с небес на землю, и заставим заплатить ветеранам войны. Наука будет. Какая же вторая плохая новость?

– В Ставрополье дом пчеловода Нифонтова ограбили. Деньги и мёд забрали, а склянки с прополисом, пергой, маточным молочком и экстрактом из огнёвки разбили. Он вчера заходил – прибыл в Москву на конференцию, что наш журнал устраивает. Для вас вместо всего обещанного передал только одну баночку с экстрактом из личинок, теперь только под осень следующая партия будет, – и опять грустные армянские глаза.

Ведь и в самом деле плохие новости. Там в Краснотурьинске внук и невестка Тарасова – их нельзя не вылечить. Половину всей надежды Пётр возлагал именно на лекарство из огнёвки.

– Вы же о двух целителях говорили, Гурген Арташесович? – схватился за соломинку Штелле.

– Конечно. Семён Убийконь с Запорожья тоже приехал на конференцию. Две баночки для вас захватил, и ещё прополис с маточным молочком – ну и рецепты, естественно.

– Тогда ведь не так страшно. Хотя понимаю, что Нифонтову помочь надо. Может, ему деньги нужны? Могу в счёт будущего сотрудничества выделить пару тысяч рублей.

– Правда?! – просиял профессор.

Почему такие люди кончились в девяностых? Брежнев дошёл с последующими деятелями? Может, и его шлёпнуть надо? А кто придёт на смену? «Железный Шурик» – Шелепин? Лучше ли будет? Гайки начнёт закручивать. Некоторые и нужно бы – а если начнёт не те закручивать? Вместо за-

крытия 200-й секции ГУМа и других кормушек для партаппаратчиков закроем все проекты по строительству жилья для граждан несчастной страны? Очень тёмная лошадка. Ничего полезного не сделал в КГБ, а потом столько же пользы принёс в «партийном контроле». Нет, пусть «дорогой Леонид Ильич» пока порулит. Тут чётко знаешь, что будет. В ближайшее время – массовое строительство жилья и повышение зарплат, и ещё «золотая пятилетка». Брежнев стране сейчас нужен.

– Конечно. Как с ним увидеться?

– Прямо бальзам на сердце. Вы завтра приходите на конференцию в наш институт к девяти утра, познакомлю вас и с Нифонтовым, и с Убийконём. Там пообщаетесь. Конференция с десяти начинается, а регистрация в девять. Я им позвоню в гостиницу, пусть прямо к началу и приезжают. Да, Пётр Миронович, а как вы отнесётесь к тому, что я в начале июля, когда сессия закончится, к вам наведаюсь? Лекции вашим пчеловедам почитаю, осмотрю всё. Посмотрю, как дела с тубдиспансерами.

– Сам хотел просить!

– Вот и чудненько. Ни грамма не сомневаюсь, что полезной и для вас, и для меня будет поездка, – а всё армян ругают. Вот Пётр всего четверых знает – и все полезные люди, да и приличные.

Событие пятьдесят восьмое

*Не держи двора близ князя двора, не держи села
близ князя села.*

В гостиницу Пётр пришёл после «совещания» с бугаями разбитый. Не каждый день уговариваешь друзей убить члена Политбюро. Самое главное, что помочь не сможешь – ни до, ни во время, ни после. Ничего уже не зависит от тебя. Механизм запущен. А вот как провернутся шестерёнки – неизвестно. Опять бессонная ночь.

Девочки тихими мышками ушли в свою комнату и улеглись – видели, в каком состоянии пришёл. Заканчивать надо с поездками. Вот бы махнуть на пару месяцев куда-нибудь в Крым всей семьёй. Не рулить ничем, сидеть в шезлонге на берегу, опустив ноги в тёплую морскую воду – и обязательно чтобы небольшой ветерок, и волна, тоже небольшая. Такая, чтобы накатывала, обмывая ноги по щиколотку, и отступала, щекоча пятки. Мечты. Или это тоже поездка?

Звонок какой противный у гостиничного телефона. Пётр и не заметил, как задремал в кресле.

– Товарищ Тишков? – ну, слава богу, хоть не «гражданин».

– Слушаю.

– Сейчас будете говорить с Председателем Совета мини-

стров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным.

– Хорошо.

– Пётр Миронович? – голос молодой, бодрый и задорный, не скажешь, что человеку за шестьдесят. И ведь через два года этот неугомонный товарищ в 65-летнем возрасте совершит вместе с 69-летним Урхо Кекконеном, президентом Финляндии, пеший переход через Кавказский хребет.

– Слушаю вас, Алексей Николаевич.

– Вернулись с Кубы? Фурцеву сейчас видел. Дала ваши координаты. Прочитал я ваши докладные записки. По-хорошему, нужно бы встретиться и поговорить, но времени нет – завтра улетаю в ГДР, поэтому вот звоню. Мысли интересные, и рисунки замечательные. Санаторий с противотуберкулёзным центром министерству Автомобильной Промышленности я одобрил – пусть строят, и даже немного денег дадим. А вот с исследовательским центром в Краснотурьинске – не слишком далеко от Москвы?

– Алексей Николаевич, в Москве ведь не лечат нетрадиционными методами. Антибиотики, да санаторий в Крыму, вот и все методы. Чего их изучать?

– Собачки и пчёлки. Читал, и даже проконсультировался в НИИ вирусологии имени Ивановского. Оказалось, что не по адресу зашёл. Палочка Коха – не вирус. Однако совет дали – не пренебрегать народными средствами. Говорят, что микробиолог и иммунолог Мечников этим занимался. Решил я попробовать. Хорошо, для начала командирuem вам десяток

специалистов и оборудование завезём. Понимаю, что помещений нет, поэтому сначала построят пару домиков в предложенном варианте. Деньги выделим, и даже строительный батальон пришлём на летние месяцы. Он же будет возводить корпуса мотороллерного завода. Решение тоже принято. Команду по закупке у чехов тысячи «Чезет» Внешторгу уже дал. По сто штук в месяц. Ещё дал команду директору Тульского Машиностроительного завода отправить вам в командировку десяток специалистов из сборочного цеха на пару месяцев – да и вообще связь поддерживать. Сами понимаете, мотороллеры для них побочная продукция – но обещали посодествовать. По пластмассовым деталям – связывайтесь с Марселем Биком. Посмотрим, как и во что это выльется, только о себестоимости не забывайте. Оборудование? Оборудование по контактной сварке импортное хотелось бы сравнить с нашим. Тоже заказывайте. Уверены в Бике? Ну и хорошо.

Теперь по переделке «Волг». Делайте прототип. Как закончите – везите в Москву, тут и будем принимать решение. Кузов необычный, красивый, и планировка салона понравилась. Тарасову дал указание ускорить этот процесс по максимуму. Ну да ему сегодня позвоню ещё раз. Лишним не будет. А то в суете забудет, – почти минуту трубка молчала. Потом премьер усмехнулся, – Семичастный ругался. Вы бы поаккуратнее впредь, Пётр Миронович. Есть вопросы?

Масса, но не по телефону же. Значит, нужно как можно

скорее закончить переделку уже начатых «Волг».

– Нет, Алексей Николаевич, пока нет.

– Появятся – связь через Тарасова. Точно не хотите к нему перебраться? Ну, хозяин – барин. Всё, до свидания.

Деловая колбаса.

Событие пятьдесят девятое

*Сяду в скорый поезд, сяду в длинный поезд
Ночью соловьиною.*

Боярский ещё не спел, а в длинный поезд сели. Штелле решил самолётом не лететь. Один чёрт прибываешь в Краснотурьинск утром следующего дня, только ещё как неприкаянный мотаешься целый день по Свердловску, да с двумя маленькими девочками. Не лучше ли выспаться в купейном вагоне? Взял сразу всё купе. Мест не было, но Фурцева выделила бронь. Было купе – вот купе и взяли.

Сели в поезд, как водится, поели. Пётр, вспомнив про армянскую мафию, позвонил Мкртчяну и попросил его привезти плова и фруктов к отходу поезда на Ярославский вокзал. Принесли. И плов принесли, и фрукты, и даже несколько бутылок немецкого пива с русской треской горячего копчения. Девочки поели плова и принялись уминать добытые где-то в конце весны мандарины. Сам же открыл одну бутылку пива и, отщипывая небольшие кусочки от рыбки, расслабился. Вырвался-таки из Москвы.

Сидел и думал. Стоило ли так рисковать и петь две песни явно не для этого времени? «Убили негра» ещё как-то с горем пополам можно залегендировать под песню, осуждаю-

щую расизм. А вот «Танцуй, Россия» Глюкозы даже с переделками Петра была за гранью. Может, и правильно на него Суслов окрысился? Одно не давало посыпать голову пеплом. Если есть план похоронить «Битлов» и занять лидирующее место в мире, то «Калинки-малинки» не хватит. Нужны хиты, и все эти хиты будут резко выделяться на фоне современной советской эстрады. Эдакие буйволы чёрного цвета в стаде маленьких белых овечек. Тяжело не заметить.

Могло ли всё кончиться не так? Легко. И что тогда? По максимуму? Исключат из партии? Могут. Тогда и из горкома турнут. А могут и из Союза Писателей. Придётся слесарем устраиваться. А что будет с песнями? Могут запретить? Запрещали же фильмы с Крамаровым, когда он уехал в Америку. Или история со «Свердловским вальсом». Автор стихов – родившийся в Харбине поэт Григорий Варшавский – эмигрировал в США. Вальс о Свердловске оказался фактически под запретом и вышел из репертуара Уральского народного хора, да и всех остальных хоров. Можно ли так поступить с теми песнями, что внесли уже в это время они с Викой? Очень сомнительно. Как можно запретить «День Победы»? Или «Траву у дома»? «Великолепную пятёрку и вратаря»? Не справиться Сулову.

А книги? Подписаны контракты с десятком стран. В том числе с потенциальными врагами. Попробуй, запрети! Вот подарок будет для всяких «Голосов Америки». Не решатся. Или решатся? Вон нобелевского лауреата Солженицына да-

же из страны выпнут. Да, Андропов с Сусловым наворотили делов. А вот уже тридцатое мая, и нет пока Андропова. А ведь уже двадцать дней должен рулить в КГБ. Письмо сработало? Конечно, письмо. Комаров жив. Светлана Аллилуева сидит в Москве и, по словам Фурцевой, ждёт следующего приезда команданте Че, чтобы сочетаться с ним законным браком. И Андропова нет. Целых три победы.

Второе письмо Пётр бросил в почтовый ящик на Белорусском вокзале три часа назад. Вспомнил пару недобитых фашистов и предателей, немножко разбавил предсказаниями и прошёлся по помощи развивающимся странам и всему Варшавскому договору. Хватит кормить арабов и разных папуасов на дармовщинку. Пора и о себе подумать.

«Здравствуйте, гражданин Семичастный.

Настало время для второго письма. Слышал про случай в аэропорту. Такой подарок для моей истерзанной души! Одна молоденькая негритянка раскидала пятерых спецов из девятки. О чём это говорит? О том, что также нужно раскидать и весь КГБ. Одни бездари и карьеристы. Ну да какой начальник, такие и подчинённые. Руководить такой организацией нельзя научиться на митингах. Ты, придурок, хоть книгу одну по криминалистике прочитал? Вообще хоть один учебник в руки брал? Да и хрен с тобой.

Даю следующую информацию по недобитым фашистам.

1. Александр Юхновский (Мироненко). „Алекс

Лютый“. Сотрудник тайной полевой полиции ГФП-721, участник пыток и расстрелов советских граждан. Член КПСС, живёт в Москве, по адресу улица Грановского 3. Печатается в газете „Советская Армия“, переводит Гашека с чешского.

2. Василий Мелешко. Поселок Ново-Деркульский Западно-Казахстанской области. Военный преступник, участвовавший в массовом убийстве жителей деревни Хатынь и её последующем сожжении.

3. Клаус Барби, или Клаус Барбье, по-немецки Klaus Barbie. Родился 25 октября 1913 в Бад-Годесберг, Германия. Известен также как „лионский мясник“, или „палач Лиона“ – немецкий военный преступник, осуждённый в 1947 году. В том же году Барби стал агентом американской тайной службы СИС. С помощью американцев он эмигрировал в 1951 году в Боливию, где живёт под именем Клауса Альтманна. Является боливийским гражданином. По неподтверждённым данным, консультирует правительство диктатора по поимке Эрнесто Че Гевары.

4. Демьянюк Иван Николаевич – соучастник в убийстве более 28 тыс. человек во время службы охранником в концентрационном лагере Собибор. Эмигрировал в США. Имя поменял на Джон и начал работать автомехаником. В 1958 году получил американское гражданство. Иван Демьянюк с марта и до середины сентября 1943 года работал охранником в концлагере Собибор. 1952 года с женой и дочерью он в качестве беженца приехал в США, поселился сначала

в Индиане, потом в Огайо близ Кливленда и поступил на работу на завод компании „Форд“, а спустя шесть лет получил в установленном порядке американское гражданство.

5. Федоренко Фёдор Демьянович – советский коллаборационист, охранник концентрационного лагеря Треблинка, соучастник массовых убийств людей. Федоренко имел звание обервахмана СС, был помощником командира первого взвода Гвардейской роты в Треблинке „лагере смерти“. Принимал участие в расстреле граждан еврейской национальности во время разгрузки поездов, в местах раздевания до газовых камер и в „лазарете“. После окончания Второй мировой войны Федоренко бежал в США, получив гражданство в 1948 году. Он поселился в Филадельфии, но позже поселился в Уотербери, штат Коннектикут, где нашёл работу в качестве рабочего латунной фабрики.

6. Катрюк Владимир – канадский гражданин украинского происхождения, участник Второй мировой войны, известен как один из участников в сожжении деревни Хатынь (Беларусь) в 1943 году. Во время этих событий служил в 118-й батальоне шуцманшафта. После Второй мировой войны выехал в Канаду. В августе 1944 года дезертировал из карательного батальона и перешёл на сторону Французского движения сопротивления. В этом же году был переведён во Французский Иностраннный легион и отправлен на фронт для борьбы с немецкой армией. Стал пулемётчиком, был тяжело ранен. Провёл два

с половиной месяца в американском госпитале во Франции и продолжил до конца войны воевать на итальянском фронте. Оформив фальшивые документы, под именем своего сводного брата остался жить в Париже, работал в мясной лавке. В 1951 году эмигрировал в Канаду. С 1959 года живёт в городе Ормстаун провинции Квебек, где владеет пасекой, на которой работает вместе с женой.

Есть на примете и один маньяк. Милиция же работает не лучше КГБ.

Борис Васильевич Гусаков. С августа 1965 по июль 1966 года работал старшим лаборантом кино-фото отделения ЦНИИПО Министерства Охраны Общественного Порядка РСФСР, с января 1967 – инженером кинофотолаборатории института экспериментальной и химической онкологии АМН СССР. 21 июня 1964 года на территории Томилинского лесопарка, расположенного на территории Люберецкого района Московской области, Гусаков совершил первое убийство. Жертвой стала 11-летняя школьница Валя Щербакова. Гусаков набросился на неё, изнасиловал и убил, нанеся семь ударов тупым предметом по голове. 4 сентября 1965 года Гусаков убил вторую жертву по фамилии Янова. Убийство вновь сопровождалось изнасилованием, и также было совершено в Томилинском лесопарке.

Хватит на этот раз. Совет только ещё хочу дать. С живущими на территории СССР фашистами, надеюсь, разберётесь – а вот иностранцы... По „Лионскому Мяснику“ состыкуйтесь с французами. Пусть они выступят инициатором. Они хоть и поссорились со Штатами, но всё равно имеют приличный вес в Европе и Мире. Предложите им эти данные, и ничего не просите взамен. Если у них есть информация по предателям на территории СССР, или живущим в других странах, то, может, и так дадут. А нет – так и ещё лучше. Будут чувствовать себя обязанными.

По тем, кто расправлялся с евреями. На днях начнётся война Египта и остальных арабских стран с Израилем. Пусть закончится. А вот потом и свяжитесь с „Моссад“, слейте им эти данные. Может, завяжется взаимопомощь.

Ещё новости. На днях Китайская Народная Республика объявит об успешном испытании своей первой водородной бомбы. Испытание будет произведено на полигоне Лобнор, термоядерная бомба будет сброшена с самолёта Hong-6 (аналог советского самолёта Ту-16), на парашюте спущена до высоты 2960 м, где будет произведён взрыв, мощность которого составит предположительно 3 мегатонны.

Понимаете, что своими руками вырастили ядерную державу? А потом один debil по фамилии Хрущёв превратил друга во врага, и теперь враг обладает ядерными и термоядерными бомбами. Хватит, троцкисты недобитые, играть в мировую

революцию. Хватит деньги, так необходимые стране, втюхивать всяким папуасам. Не построят они никакой коммунизм. Сейчас Израиль расколошматит арабов, и те переметнутся к США. Пока не поздно, возьмите с них хоть что-то – например, у Египта землю под военные базы, арендой на пятьдесят лет. Лучше всего Хургада. Будете контролировать Суэцкий канал. Кроме того, в будущем там можно построить санатории и пансионаты для военных и семей ваших служащих. А ещё лучше, сделайте наоборот – сначала курорты, как прикрытие, и обязательно предусмотрите штрафные санкции неподъёмные, официально зарегистрированные где-нибудь в Швейцарии, чтобы новое правительство, когда поубивает или пересажает ваших марионеток, не смогло выгнать вас оттуда. С Сирии тоже можно запросить кусочек земли под строительство базы флота в Средиземном море. Лучше всего подойдёт Хмеймим для аэродрома, и Тартус – для базирования кораблей, ПВО и вертолётот.

И последнее. США готовят какую-то акцию в районе Сургута, что-то с авиацией. Нужно проверить все вертолётоты и самолётоты, а также квалификацию пилотов. (Ведь 2 июля произойдёт столкновение самолётот Ан-2 и вертолётот Ми-6 над Сургутом).

Да! А вы знаете, гражданин Семичастный, что Жан-Бедель Бокасса, президент Центральноафриканской Республики – людоед? Если СССР отправит этому упырю хоть один рубль, о чём я незамедлительно узнаю – солью в иностранные газеты информацию, что вы,

чтобы привлечь его на свою сторону, отправляете в Африку тушёнку из советских детей. Мальчиков от шести до десяти лет. Не поверят? Ну, и пусть, зато сколько будет шума.

Презирающий вас Яков Сталин».

Конец второй книги.

Краснотурьинск, 2020 год.